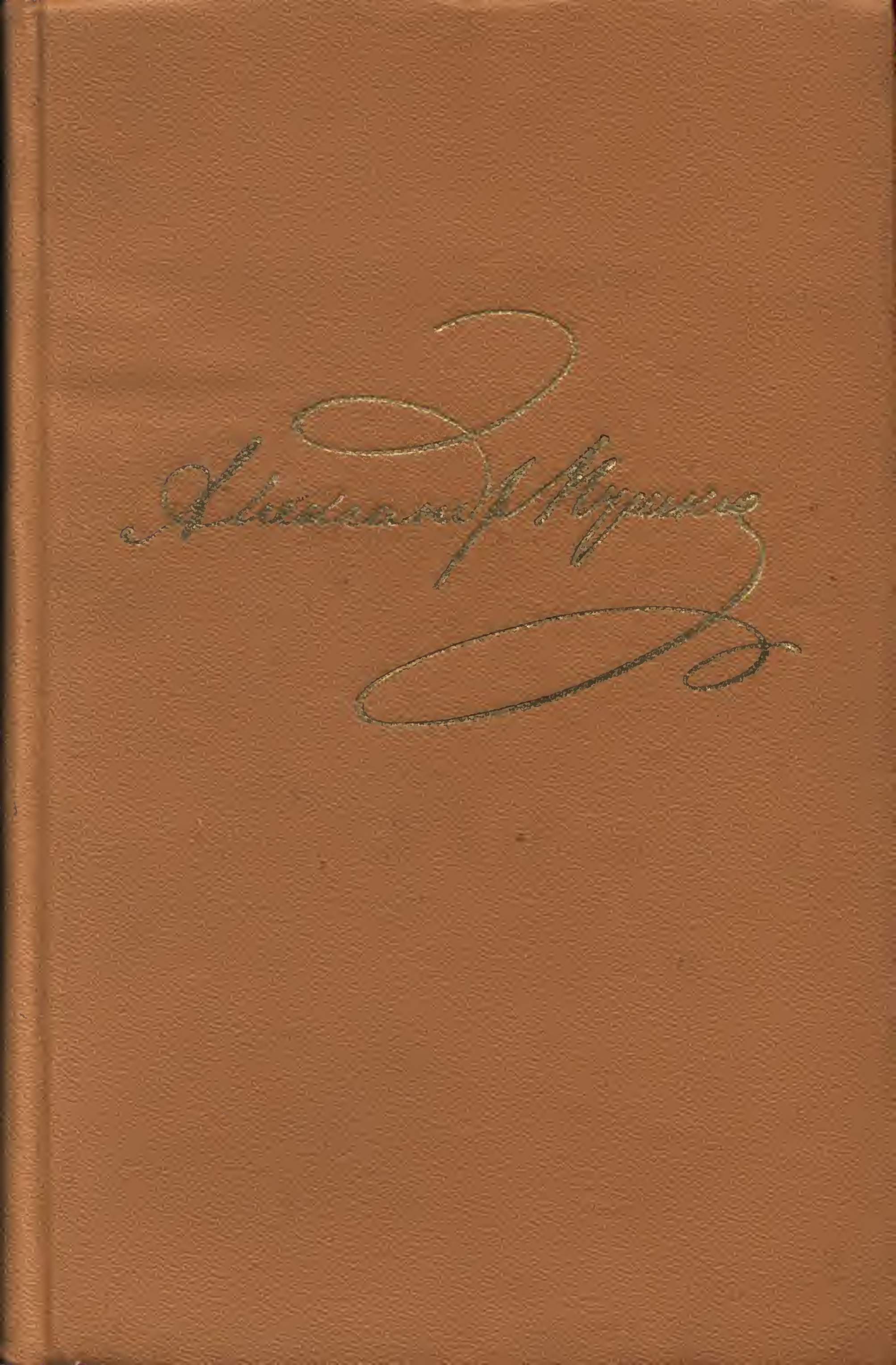
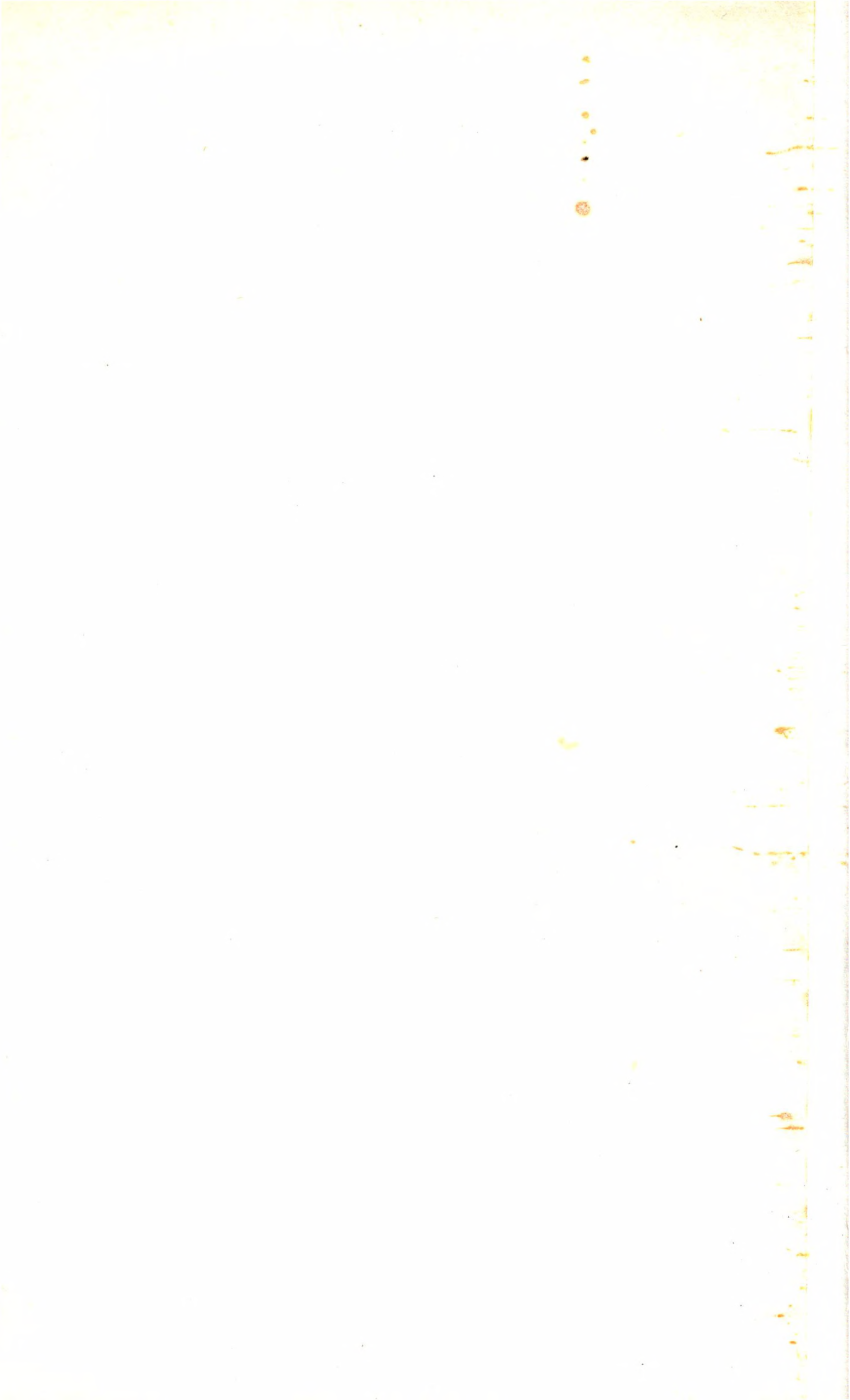

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

* * *

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1977

А. С. ПУШКИН

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1813—1820

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1977

Печатается на основе
Полного собрания сочинений
А. С. Пушкина,
изданного Академией наук СССР

П $\frac{70401-507}{042(02)-77}$ Подписное

А. С. ПУШКИН.
Гравюра Е. Гейтмана. 1822 г.

Настоящее собрание сочинений А. С. Пушкина в десяти томах является облегченным вариантом большого академического издания сочинений Пушкина. За малыми исключениями, здесь воспроизведен текст произведений Пушкина, установленный в результате текстологической работы редакторов большого издания. Сюда вошли произведения Пушкина в том же составе, с той же полнотой, как и в большое издание. Сокращено лишь количество вариантов, данных в большом издании с исчерпывающей полнотой. Здесь приведены только те варианты и разночтения, которые представляют самостоятельную художественную ценность или документируют основные этапы творческой истории отдельных произведений.

Большое академическое издание, представляя собою итог длительной работы группы исследователей, является завершающим в многолетней истории изданий сочинений Пушкина и самым значительным по полноте основного текста и вариантов. От всех предшествующих оно отличается тем, что впервые дает полный текст произведений Пушкина, свободный от цензурных и многих иных искажений, которыми изобиловали в прошлом издания сочинений Пушкина. Осуществить подобное издание оказалось возможным только в результате культурной революции в нашей стране, которая сделала доступными для исследователя богатейшие архивные источники, остававшиеся закрытыми для издателей до Октябрьской социалистической революции. Успеху издания содействовала и та научная методология, которой были вооружены советские текстологи в отличие от своих предшественников.

Первое издание настоящего собрания сочинений Пушкина было приурочено к 1949 году, когда исполнилось 150 лет со дня рождения поэта.

Второе издание, выпущенное в 1956—1958 годах, отличалось от первого тем, что в нем было учтено немалое количество новых приобретений пушкинского текста, обнаруженных как в СССР, так и за границей. Это по большей части автографы поэта, находившиеся в частных

собраниях и только теперь ставшие доступными изучению. Некоторые из них позволили исправить текст уже известных произведений Пушкина, печатавшихся с ошибками по неавторитетным копиям или недоработанным черновикам; были обнаружены и такие автографы, которые дают тексты, ранее вообще неизвестные. Кроме того, весь текст подвергся новой проверке по первоисточникам. Это позволило устранить из него некоторые погрешности, проникшие в академическое издание, а также установить более точные чтения отдельных сложных по содержанию черновых стихотворений Пушкина. Были пересмотрены примечания и из них устранены допущенные в них ошибки. Состав примечаний оставлен прежний: в них входят пояснения, необходимые для понимания текста и его значения в истории творческого пути Пушкина. Сведения общего характера (например, разъяснения мифологических имен или исторических фактов), которые легко найти в словарях и справочных изданиях, в комментарий не вводились.

Данное издание повторяет третье, выпущенное в 1962—1965 годах, и представляет собой перепечатку второго издания. Внесены лишь поправки, которые вызваны допущенными опечатками или недосмотрами.

Правописание и пунктуация, принятые в издании, соответствуют современным нормам. При этом, однако, сохранены некоторые характерные особенности языка Пушкина.

Произведения Пушкина распределяются по томам издания следующим образом.

Том I. Стихотворения 1813—1820 годов.

Том II. Стихотворения 1820—1826 годов.

Том III. Стихотворения 1827—1836 годов.

Том IV. Поэмы. Сказки.

Том V. Евгений Онегин. Драматические произведения.

Том VI. Художественная проза.

Том VII. Критика и публицистика.

Том VIII. Автобиографическая и историческая проза. История Пугачева. Записки Моро-де-Бразе.

Том IX. История Петра. Заметки о Камчатке.

Том X. Письма.

Общий алфавитный указатель произведений Пушкина дан в конце девятого тома.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИЦЕЙСКОГО ПЕРИОДА

1813—1817

1813

К НАТАЛЬЕ

Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût.

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюся,
Я тобою полонен.
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,

Лишь тобою занят я;
Ночь придет — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком одеянье
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Всё к чему-то ум стремится...
А к чему?— никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины,

Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть,
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться?— Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владетель я Сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

— Кто же ты, болтун влюбленный?—
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампады там зажженны...
Знай, Наталья!— я... монах!

МОНАХ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый ада
Оседлан был брадатым стариком,
Как овладел он черным клобуком,
Как он втолкнул монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрыпицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:
«Последуй лишь примеру моему».—
Нет, нет, Барков! скрыпицы не возьму.
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Невдалеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-Великий,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и четки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры,
Там не висел Рафаэль на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,
Весь божий день он в келье провождал,
«Помилуй мя» вполголоса читал,
Ел плотно, спал и всякий час молился.

А ты, монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой!— Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединенье,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может.
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,

Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым картезьянцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым итальянцам
Бургонского и макарони нес;
Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Черт прибежал амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела.
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно монаха осветила.
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны.
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый всё сидит.
«Уж будешь мой»,— он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,
Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.
Монах скучал, монах тому дивился.
Век не зевал, как богу он молился.
Но — нет уж сил; кресты, псалтирь, слова —

Всё позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг проснулся,
Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж?— юбку видит он.

«Что вижу я!.. иль это только сон?—
Вскричал монах, остолбенев, бледнея.—
Как! это что?..» — и, продолжать не смея,
Как вкопанный, пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, виясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно всё, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится,

И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает...
Она ему взор томный осклабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.
Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастием нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, СОН, СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

Покамест ночь еще не удалилась,
Покамест свет лила еще луна,
То юбка всё еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылася она.

А наш монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного налоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как,— мыслит он,— когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,
Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принесть ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать... девчонки».
Монах краснел и делать что не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Всё тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер, наступая,
Зажег везде лампады и свечи.

Уже монах, с главы клобук снимая,
Ложится спать.— Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушенье,
Хотел уже навек лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик кряхтя на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тотчас Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился
И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустился.
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалося ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него сатиров, фавнов сонм.
Иной смеясь льет в кубок пенны вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград, на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий,—
Всё говорит, что вечно-юный Вакх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей, и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшися любовники лежат.

Монах на всё взирал смятенным оком.
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,

Плешивый лоб с досадою чесал,
Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И набекрень, взъярясь, клобук надвинув,
В зеленый лес, как белоусый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрей орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
«Не дам,— ворчал,— я промаха в кольцо».
Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хвать юбчонкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и нимф не видит он;
Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор: темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, монаха поражает —
Панкратий: «Ах!..», и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет.— Панкратий встал, умылся,
И, помолясь, он плакать сильно стал,
Сел под окно и горько горевал.
«Ах!— думал он,— почто ты прогневился?
Чем виноват, владыко, пред тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбка вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моленье,
Не дай мне впасть, господь, во искушенье!»
Услышал бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул

И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «Нашел! нашел!»
«Ну!— думал он,— от бесов и юбчонки
Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и всё пойдет на лад».
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий рок, вселенной господин,
Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И, весь в жару, в грязи, в пыли и поте,
Предупредить спешил восход луны.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

ПОЙМАННЫЙ БЕС

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пяльцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я жаркой головою,
Как Тициан иль пламенный Албан.
Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,

Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышит ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь,
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плесть пустился.
Мартынов пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмостился на Парнас.
Исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий?
Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...
Ни жив ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг, бела, как вновь напавший снег
Москвы-реки на каменистый брег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка,
Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,

Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура!— вскричал монах с усмешкой злою,—
Поймал тебя, подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыль, закупорю тебя,
Сейчас ее в колодезь брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною».
— «Ты победил, почтенный старичок,—
Так отвечал смирнехонько Молок.—
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану».
— «Всё так, всё так, да полезай в бутыль,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл».
— «Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою,
Как Банкова, я в знать тебя пущу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу.
Всё променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить
И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправливать жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями
Ведь будешь жить, как с кровными друзьями)
Ты позовешь на пышный свой обед».
— «Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сейчас в бутыль иди».
— «Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю».

— «Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! по нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За всё про всё готова уж награда,
Раскаешься, служитель беса злой!»
— «Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Ерусалим».
При сих словах монах себя не вспомнил.
«В Ерусалим!» — дивясь он бесу молвил.
— «В Ерусалим! — да, да, свезу тебя».
— «Ну, если так, тебя избавлю я».

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Ерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится чёрт проклятый,
Готовится на адскую езду.
Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка.

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышит;
Мера простая сия всё портит, по мнению Клита,
Смысл затмевает стихов и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею, пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит.

1814

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет.
Быть может, и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды *
Сокрыт другой отец второй «Тилемахиды».
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшись бесславия!— Что, если Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй,— скажешь мне,— не трать излишних слов;
Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю,
Пусть судит обо мне как хочет целый свет,
Сердись, кричи, бранись,— а я таки поэт».

* Т. е. в школе.

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрыпя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштеину французов побеждать,
Меж тем как Дмитриев, Державин, Ломоносов,
Певцы бессмертные, и честь и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшися счастливо,
Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.
Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камоэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же,— говоришь,— судя о всех так строго,
Перебирая всё, как новый Ювенал,
Ты о поэзии со мною толковал;
А сам, поссорившись с парнасскими сестрами,
Мне проповедовать пришел сюда стихами?
Что сделалось с тобой? В уме ли ты иль нет?»
Арист, без дальних слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного пьяный;
Попалися ему навстречу мужики.
«Послушай, батюшка,— сказали простяки,—
Настави грешных нас — ты пить ведь запрещаешь,
Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,
И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»
— «Послушайте,— сказал священник мужикам,—
Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне — не подражайте».

И мне то самое пришлося отвечать;
Я не хочу себя нимало оправдать:
Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихий век без горя, без заботы,
Своими одами журналы не тягчит
И над экспромтами недели не сидит!
Не любит он гулять по высотам Парнаса,
Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса;
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он. Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным — лучше вдвое.

КОЛЬНА

(ПОДРАЖАНИЕ ОССИАНУ)

(Фингал послал Тоскара воздвигнуть на берегах источника Кроны памятник победы, одержанной им некогда на сем месте. Между тем как он занимался сим трудом, Карул, соседственный государь, пригласил его к пиршеству; Тоскар влюбился в дочь его Кольну; нечаянный случай открыл взаимные их чувства и осчастливил Тоскара).

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальным берегам,
Я зрю, твои взмущенны волны
Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый брег любила Кольна,
Когда по небу тень лилась;
Ты зрел, когда, в любви невольна,
Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих
Тоскару юному вещал:
«Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал,
Шумящей прохлажден осиной.
Там ряд является могил;
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я расточил,

И много, много сильных пало;
Их гробы черный вран стрежет.
Гряди — и там, где их не стало,
Воздвигни памятник побед!»
Он рек, и в путь безвестный, дальный
Пустился с бардами Тоскар,
Идет во мгле ночи печальной,
В вечерний хлад, в полдневный жар.
Денница красная выводит
Златое утро в небеса,
И вот уже Тоскар подходит
К местам, где в темные леса
Бежит седой источник Кроны
И кроется в долины сонны.
Воспели барды гимн святой;
Тоскар обломок гор кремнистых
Усильно мощною рукой
Влечет из бездны волн сребристых
И с шумом на высокий брег
В густой и дикий злак поверг;
На нем повесил черны латы,
Покрытый кровью предков меч,
И круглый щит, и шлем пернатый,
И обратил он к камню речь:

«Вещай, сын шумного потока,
О храбрых поздним временам!
Да в страшный час, как ночь глубока
В тумане ляжет по лесам,
Пришлец, дорогой утомленный,
Возлегши под надежный кров,
Воспомнит веки отдаленны
В мечтанье сладком легких снов!
С рассветом алыя денницы,
Лучами солнца пробужден,
Он узрит мрачные гробницы...
И, грозным видом поражен,
Вопросит сын иноплеменный:
„Кто памятник воздвиг надменный?“
И старец, летами согбен,
Речет: „Тоскар наш незабвенный,
Герой умчавшихся времен!“»

Небес сокрылся вечный житель,
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках;
Уж ночь на холме — берег Кроны
С окрестной рощею заснул:
Владыка сильный Каломоны,
Иноплеменных друг, Карул
Призвал Морвенского героя
В жилище Кольны молодой
Вкусить приятности покоя
И пить из чаши круговой.

. . . .
. . . .

Близ пепелища все воссели;
Веселья барды песнь воспели;
И в пене кубок золотой
Кругом несется чередой.
Печален лишь пришелец Лоры,
Главу ко груди преклонил;
Задумчиво он страстны взоры
На нежну Кольну устремил —
И тяжко грудь его вздыхает,
В очах веселья блеск потух,
То огнь по членам пробегает,
То негою томится дух;
Тоскует, втайне ощущая
Волненье сильное в крови,
На юны прелести взирая,
Он полну чашу пьет любви.

Но вот уж дуб престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон,
И царствует в чертогах сон.

. . . .
. . . .

Редеет ночь — заря багряна
Лучами солнца возжена;
Пред ней златится твердь румяна:
Тоскар покинул ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идет по влажным берегам,

Спешит узреть долины Кроны
И внемлет плещущим волнам.
И вдруг из сени темной рощи,
Как в час весенней полунощи
Из облак месяц золотой,
Выходит ратник молодой.
Меч острый на бедре сияет,
Копье десницу вооружает;
Надвинут на чело шелом,
И гибкий стан покрыт щитом;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренний в долине пар.

«О юный ратник!— рек Тоскар,—
С каким врагом тебе сражаться?
Ужель и в сей стране война
Багрит ручьев струисты волны?
Но всё спокойно — тишина
Окрест жилища нежной Кольны»
— «Спокойны дебри Каломоны,
Цветет отчизны край златой;
Но Кольна там не обитает,
И ныне по стезе глухой
Пустыню с милым протекает,
Пленившим сердце красотой».
— «Что рек ты мне, младой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мне щит твой!» И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг исчез геройства жар;
Что зрит он с сладким восхищеньем?
Не в силах в страсти воздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышуща покровом...
«Ты ль это?..» — возопил герой,
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

ЭВЛЕГА

Вдали ты зришь утес уединенный;
Пещеры в нем изрылась глубина;
Темнеет вход, кустами окруженный,
Вблизи шумит и пенится волна.
Вечор, когда туманилась луна,
Здесь милого Эвлега призывала;
Здесь тихий глас горам передавала
Во тьме ночной печальна и одна:

«Приди, Одульф, уж роща побледнела.
На дикий мох Одульфа ждать я села,
Пылает грудь, за вздохом вздох летит...
О! сладко жить, мой друг, душа с душою.
Приди, Одульф, забудусь я с тобою,
И поцелуй любовью возгорит.

Беги, Осгар, твои мне страшны взоры,
Твой грозен вид, и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой в ночи со мною дремлет,
Уж на заре другой меня объемлет,
И сладостен его мне поцелуй.

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды!
Завистливый покров у ног лежит.
Но чу!.. идут — так! это друг надежный,
Уж начались восторги страсти нежной,
И поцелуй любовью возгорит».

Идет Одульф; во взорах — упоенье,
В груди — любовь, и прочь бежит печаль;

Но близ его во тьме сверкнула сталь,
И вздрогнул он — родилось подозренье:
«Кто ты?— спросил,— почто ты здесь? Вещай,
Ответствуй мне, о сын угрюмой ночи!»

«Бессильный враг! Осгара убегай!
В пустынной тьме что ищут робки очи?
Страшись меня, я страстью воспален:
В пещере здесь Эвлега ждет Осгара!»
Булатный меч в минуту обнажен,
Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей
И бросила со страхом хлад пещерный.
«Приди узреть предмет любви твоей!—
Вскричал Одульф подруге нежной, верной.—
Изменница! ты здесь его зовешь?
Во тьме ночной вас услаждает нега,
Но дерзкого в Валгалле ты найдешь!»

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падет на дерн, как клок летучий снега,
Метелицей отторженный со скал!
Друг на друга соперники стремятся,
Кровавый ток по камням побежал,
В кустарники с отчаяньем катятся.
Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти хлад их ярость оковал.

ОСГАР

По камням гробовым, в туманах полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лоре путник шел, напрасно томны очи
Ночлега мирного искали в тьме густой.
Пещеры нет пред ним, на береге угрюмом
Не видит хижины, наследья рыбаря;
Вдали дремучий бор качают ветры с шумом,
Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом,
Зрит барда старого — веселье прошлых лет:
Склонясь седым челом над воющим потоком,
В безмолвии, времен он созерцал полет.
Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы.
Задумчивый певец взор тихий обратил
На сына чуждых стран, и путник боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспешил.

«Стой, путник! стой!— вещал певец веков минувших,—
Здесь пали храбрые, почти их бранный прах!
Почти геройства чад, могилы сном уснувших!»
Пришлец главой поник — и, мнилось, на холмах
Восставший ряд теней главы окровавленны
С улыбкой гордою на странника склонял.
«Чей гроб я вижу там?» — вещал иноплеменный
И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу пригвожденный,
Бросали тусклый луч, луною озлатясь.
«Увы! здесь пал Осгар!— рек старец вдохновенный.—
О! рано юноше настал последний час!

Но он искал его: я зрел, как в ратном строе
Он первыя стрелы с весельем ожидал
И рвался из рядов, и пал в кипящем бое.
Покойся, юноша! ты в брани славной пал.

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину,
Не раз он в радости с подругою встречал
Вечерний свет луны, скользящий на долину,
И тень, упадшую с приморских грозных скал.
Казалось, их сердца друг к другу пламенели;
Одной, одной Осгар Мальвиною дышал;
Но быстро дни любви и счастья пролетели,
И вечер горести для юноши настал.

Однажды, в темну ночь зимы порой унылой,
Осгар стучится в дверь красавицы младой
И шепчет: „Юный друг! не медли, здесь твой милый!"
Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с свистом веют.
„Ужели спишь теперь, Мальвина? — Мгла вокруг,
Валится снег, власы в тумане леденеют.
Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!"

Он в третий раз стучит, со скрыпом дверь шатнулась.
Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел?
Темнеет взор его. Мальвина содрогнулась,
Он зрит — в объятиях изменницы Звигнел!
И ярость дикая во взорах закипела;
Немеет и дрожит любовник молодой.
Он грозный меч извлек, и нет уже Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного колена,
Но взоры отвратив: „Живи! — вещал Осгар, —
Живи, уж я не твой, презренна мной измена,
Забуду, потушу к неверной страсти жар".
И тихо за порог выходит он в молчанье,
Окован мрачною, безмолвною тоской —
Исчезло сладкое навек очарованье!
Он в мире одинок, уж нет души родной.

Я видел юношу: поникнув головою,
Мальвины имя он в отчаянье шептал;

Как сумрак, дремлющий над бездною морскою,
На сердце горестном унынья мрак лежал.
На друга детских лет взглянул он торопливо;
Уже недвижный взор друзей не узнавал;
От пиршеств удален, в пустыне молчаливой
Он одиночеством печаль свою питал.

И длинный год провел Осгар среди мучений.
Вдруг грянул трубный глас! Оденов сын, Фингал,
Вел грозных на мечи, в кровавый пыл сражений.
Осгар послышал весть и бранью воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала;
Покрытый ранами, здесь пал на груду тел.
Он пал — еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел.

Побегли вспять враги — и тихий мир герою!
И тихо всё вокруг могильного холма!
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
В багровом облаке, одеянна туманом,
Над камнем гробовым унылa тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевелясь, таинственно шумит».

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
«Постой,— кричал,— прелестная! постой,
Скажи: „Люблю“ — и бегать за тобой
Не стану я — клянуся в том Киприлой!»
«Молчи, молчи!» — Рассудок говорил.
А плут Эрот: «Скажи: ты сердцу мил!»

«Ты сердцу мил!» — пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потупила.
«Беги, беги!» — Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: «Останься!» — говорил.

Осталася — и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни,— сказал,— с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою!»
«Беги! беги!» — Рассудок повторил,
«Учись от них!» — Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах,
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...
«Будь счастлива!» — Эрот ей прошептал.
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

К СЕСТРЕ

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт младой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,
Где непрерывный мир
Во мраке опустился
И в пустыни глухой
Безмолвно воцарился
С угрюмой тишиной. [1]

. . . .

И быстрою стрелой
На невский брег примчуся,
С подругой обнимуся
Весны моей златой,
И, как певец Людмилы,
Мечты невольник милый,
Взошед под отчий кров,
Несу тебе не злато
(Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов.

Тайком взошед в диванну,
Хоть помощью пера,
О, как тебя застану,
Любезная сестра?

---

[1] *После этого стиха нескольких стихов не сохранилось.— Ред.*

Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?
Иль с Греем и Томсоном
Ты пренеслась мечтой
В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?
Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Всё тихо в мрачной келье:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!

Стул ветхий, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот всё, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,
Тобою пренесенный
К волшебной Иппокрене,
И в келье я блажен.

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечен в даль судьбою,
Я вдруг в глухих стенах,
Как Леты на брегах,
Явился заключенным,
Навеки погребенным,
И скрыпнули врата,
Сомкнувшися за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою!..
С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы
На яркий блеск денницы.
Светило ль дня взойдет,
Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радует оно.
Иль позднею порою,
Как луч на небесах,
Покрытых чернотою,
Темнеет в облаках,—
С унынием встречаю
Я сумрачную тень
И с вздохом провожаю
Скрывающийся день!..
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клобук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК

Возможно ль? вместо роз, Амуром насажденных,
 Тюльпанов, гордо наклоненных,
Душистых ландышей, ясминов и лилей,
 Которых ты всегда любила
 И прежде всякий день носила
 На мраморной груди твоей,—
 Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
 А вредную траву зелену,
 Искусством превращенну
 В пушистый порошок!
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшися дугой,
Вперив в латинщину глубокий разум свой,
 Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
 Пускай младой драгун усатый
 Поутру, сидя у окна,
 С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У граций в отпуску и у любви в отставке,
Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
 Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает,—
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе — о пыл воображенья!—
 Ах! если, превращенный в прах,

И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищенье
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

ЭПИГРАММА

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.
    Мы ждали драму золотую.
И что же? дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
    Прежалкую пиесу.

КАЗАК

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избушки,
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы,—
Думал хват Денис:—
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;

Под окном сидит уныла
  Девица-краса.

Храбрый видит красну деву;
  Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
  Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
  Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
  Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
  Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому
  Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
  С милым подружись!»
— «Ночь красавицам опасна».
  — «Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
  Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
  Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
  В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
  С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
  Победила страх,
Робко ехать согласилась.
  Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели.
  Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
  В третью изменил.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро
И в лиру превращать не смею
Мое гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.

Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал
И чтоб победа за тобою,

Как древле Невскому герою,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!
Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там — когда стигийский брег
Мелькнет в туманном отдаленье,
Дай бог, чтоб в страстном упоенье
Ты с томной сладостью в очах,
Из рук младого Купидона
Вступая в мрачный чёлн Харона,
Уснул... Ершовой на грудях!

ОПЫТНОСТЬ

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит,
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заспоришь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!»—
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся... и Эрот
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой *там* прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться — мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны.
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

БЛАЖЕНСТВО

В роще сумрачной, тенистой,
Где, журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек,
Ночью на простой свирели
Пел влюбленный пастушок;
Томный гул унылы трели
Повторял в глуши долин...

Вдруг из глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У Сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой.

«Дни, протекшие в веселье!
(Пел в тоске пастух младой)
Отчего, явясь мечтой,
Вы, как тень, от глаз исчезли
И покрылись вечной тьмой?

Ах! когда во мраке нощи,
При таинственной луне,
В темну сень прохладной рощи,

Сладко спящей в тишине,
Медленно, рука с рукою,
С нежной Хлоей приходил,
Кто сравниться мог со мною?
Хлое был тогда я мил!

А теперь мне жизнь — могила,
Белый свет душе постыл,
Грустен лес, поток уныл...
Хлоя — другу изменила!..
Я для милой... уж не мил!..»

Звук исчез свирели тихой;
Смолк певец — и тишина
Воцарилась в роще дикой;
Слышно, плещет лишь волна,
И колышет повиликой
Тихо веющий зефир...
Древ оставя сень густую,
Вдруг является Сатир.
Чашу дружбы круговую
Пенистым сребря вином,
Рек с осклабленным лицом:
«Ты уныл, ты сердцем мрачен;
Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь так же чист и ясен.
Верь мне: стон в бедах напрасен.
Лучше, лучше веселись,
В горе с Бахусом дружись!»
И пастух, взяв чашу в руки,
Скоро выпил всё до дна.
О, могущество вина!
Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!
Лишь фиал к устам поднес,
Всё мгновенно пременилось,
Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах!
Выпив чашу золотую,
Наливает он другую;
Пьет уж третью... но в глазах

Вид окрестный потемнился —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатир, меня,—
Говорит пастух со вздохом,—
Как могу бороться с роком?
Как могу счастливым быть?
Я не в силах вечно пить».
— «Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства *век* лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!»

ЛАИСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет ввек,
Седого времени не страшна ей обида:
        Она — не смертный человек;
        Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла,
        Ни той, которой я была,
        Ни той, которой ныне.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

Друзья! досужный час настал;
  Всё тихо, всё в покое;
Скорее скатерть и бокал!
  Сюда, вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
  Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
  Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
  Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
  Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
  За скатертью студента?
На всякий случай изберем
  Скорее президента.
В награду пьяным — он нальет
  И пунш и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
  Воды в стакане чистой!
Апостол неги и прохлад,
  Мой добрый Галич, vale!
Ты Эпикуров младший брат,
  Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
  Будь нашим президентом,
И станут самые цари
  Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
  Проснись, ленивец сонный!

Ты не под кафедрой сидишь,
  Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
  Бутыль вином налита,
За здравье нашей музы пей,
  Парнасский волокита.
Остряк любезный, по рукам!
  Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
  На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
  Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
  На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
  Но скромность почитаю;
Придвинь же пенистый стакан,
  На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
  Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
  Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
  Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
  И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет
  Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
  Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
  Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев,—
  Рассудок! бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
  На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
  Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем

За здравие Платова,
В казачью шапку пунш нальем —
И пить давайте снова!..

Приближься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..
Но мне ли страстью воздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрыпеть тебе струной
Расстроенной скрыпицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли?— это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно!

Но что?.. я вижу всё вдвоем;
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...
Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

БОВА

(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллинския
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев севера.
Несравненного Виргилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.
Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого.
За Мильтоном и Камоэнсом
Опасался я без крил парить:
Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,
С сатаною обитать в раю,
Иль святую богородицу
Вместе славить с Афродитою.
Не бывал я греховодником!
Но вчера, в архивах роясь,
Отыскал я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизис остроумия,
Словом: Жанну Орлеанскую.
Прочитал,— и в восхищении
Про Бову пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом некиим,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя
После рождества Спасителя,
Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром
Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.
(Так, бывало, верноподданны
Величали королей своих,
Если короли беспечные
Не в постеле и не ночкою
Почивали с камергерами).
Царь Дадон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его.
Лень мне все его достоинства
И пороки вам показывать:
Вы слыхали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И, в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором:
Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет
(Безбородых не любил Дадон),
На престоле пригорюнившись,
Произнес он им такую речь:
«Вы, которые советами
Облегчили тяжесть скипетра,
Усладили участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся:
Что мне делать ныне?— Слушайте».

Все привстали, важно хмуряся,
Низко, низко поклонилися
И, подправя ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

«Вам известно,— продолжал Дадон,—
Что искусством и неправдою
Я достиг престола шаткого
Бендокира Слабоумного,
Сочетался с Милитрисою,
Милой женкой Бендокировой,
И в темницу посадил Бову,
Принца крови, сына царского.
Легче, легче захватить было
Слабоумного златой венец,
Чем, надев венец на голову,
За собою удержать его.
Вот уже народ бессмысленный,
Ходя в праздники по улицам,
Меж собой не раз говаривал:
Дай бог помочь королевичу.
Ведь Бова уже не маленький,
Не в отца своей головушкой,
Нужды нет, что за решеткою,
Он опасен моим замыслам.
Что мне делать с ним? скажите мне,
Не оставить ли в тюрьме его?»

Всё собранье призадумалось,
Все в молчанье потупили взор.

То-то, право, золотой совет!
Не болтали здесь, а думали:
Арзамор, муж старый, опытный,
Рот открыл было (советовать,
Знать, хотелось поседелому),
Громко крякнул, но одумался
И в молчанье закусил язык,
Ко лбу перст приставя тщательно.
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрыпывал,
Но молчал,— своей премудрости
Он пред всеми не показывал.
Вихромах, Полкан с Дубынею,
Стража трона, славны рыцари,
Все сидели будто вкопаны.
Громобурь, известный силою,
Но умом непроницательный,
Думал, думал и нечаянно
Задремал... и захрапел в углу.
Что примера лучше действует?
Что людьми сильней ворочает?
Вот зевнули под перчаткою
Храбрый Мировзор с Ивашкою,
И Полкан, и Арзамор седой...
И ко груди преклонилися
Тихо головами буйными...
Глядь, с Дадоном задремал совет...
Захрапели многомыслящи!

Долго спать было советникам,
Если б немцу не пришлось из рук
Табакерку на пол выронить.
Табакерка покатилася
И о шпору вдруг ударилась
Громобуря, крепко спавшего,
Загремела, раздвоилася,
Отлетела в разны стороны...
Храбрый воин пробуждается,
Озирает всё собрание...
Между тем табак рассыпался,
К носу рыцаря подъемлется,
И чихнул герой с досадою,

Так что своды потрясаются,
Окна все дрожат и сыплются,
И на петлях двери хлопают...
Пробуждается собрание!

«Что тут думать,— закричал герой:—
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну, и к черту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братцы, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться».
Тем и кончил: храбры воины
Речи любят лаконически.
«Ладно! мы тебя послушаем,—
Царь промолвил, потянувшися,—
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте все домой».

Оплошал Дадон отсрочкою.
Не твердил он верно в азбуке:
Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить.
Разошлися все придворные.
Ночь меж тем уже сгущалася,
Царь Дадон в постелю царскую
Вместе с милой лег супругою,
С несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился к ней:
В эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотелося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая девица,
Ангел станом, взором, личиком,
Белой ручкой, нежной ножкою,
С госпожи сняв платье шелково,
Юбку, чепчик, ленты, кружева,
Всё под ключ в комоде спрятала
И пошла тихонько в девичью.
Там она сама разделася,
Подняла с трудом окошечко
И легла в постель пуховую,

Ожидая друга милого,
Светозара, пажа царского:
К темной ночке обещался он
Из окна прыгнуть к ней в комнату.
Ждет, пождет девица красная;
Нет как нет всё друга милого.
Чу! бьет полночь — что же Зоинька?
Видит — входят к ней в окошечко...
Кто же? друг ли сердца нежного?
Нет! совсем не то, читатели!
Видит тень иль призрак старого
Венценосца, с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор навыкате,
Рот разинут, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают;
Зоя видит и со трепетом
Узнает она, читатели,
Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная,
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою,
Потупила очи ясные,
Прочитала скорым шёпотом
То, что ввек не мог я выучить:
Отче наш и *Богородице,*
И тихохонько промолвила:
«Что я вижу? Боже! Господи...
О Никола! Савва мученик!
Осените беззащитную.
Ты ли это, царь наш батюшка?
Отчего, скажи, оставил ты
Ныне царствие небесное?»

Глупым смехом осветившися,
Тень рекла прекрасной Зоиньке:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свет.
Не пугать тебя мне хочется,
Не па то сюда явился я
С того света привидением.

Весело пугать живых людей,
Но могу ли веселиться я,
Если сына Бендокирова.
Милого Бову царевича,
На костре изжарят завтра же?»

Бедный царь заплакал жалобно.
Больно стало доброй девушке.
«Чем могу, скажи, помочь тебе,
Я во всем тебе покорствую».
— «Вот что хочется мне, Зоинька!
Из темницы сына выручи,
И сама в жилище мрачное
Сядь на место королевича,
Пострадай ты за невинного.
Поклонюсь тебе низехонько
И скажу: *спасибо, Зоинька!»*

Зоинька тут призадумалась:
За *спасибо* в темну яму сесть!
Это жестко ей казалося.
Но, имея чувства нежные,
Зоя втайне согласилася
На такое предложение.

Так, ты прав, оракул Франции,
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.
«Но скажи, о царь возлюбленный! —
Зоя молвила покойнику,—
Как могу (ну, посуди ты сам)
Пренестись в темницу мрачную,
Где горюет твой любезный сын?
Пятьдесят отборных воинов
Днем и ночью стерегут его.
Мне ли, слабой робкой женщине,
Обмануть их очи зоркие?»

«Будь покойна, случай на́йдется,
Поклянись лишь только, милая,

Не отвергнуть сего случая,
Если сам тебе представится».
— «Я клянусь!» — сказала девица.
Вмиг исчезло привидение,
Из окошка быстро вылетев.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тут окошечко
И, в постели успокоившись,
Скоро, скоро сном забылася.

К БАТЮШКОВУ

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид!
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых,
Меж кудрей вьющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых,
Заздравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный счастливым началом,
Цветов парнасских вновь не рвешь;
Не слышен наш Парни российский!..
Пой, юноша!— певец тиисский
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру. По струнам
Летай игривыми перстами,
Как вешний зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шепотом любви
Лилету в свой шалаш зови.
И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальной вышине,

В уединенном кабинете
Волшебной внемля тишине,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,
И нежных муз не забывай;
Любви нет боле счастья в мире:
Люби — и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пенные польются,
От плена с треском свободясь,
Описывай в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла.
И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторят.

Поэт! в твоей предметы воле!
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как росс, питомцем славы пал!
Ты пал и хладною косою
Едва скошенный не увял!.. *

Иль, вдохновенный Ювеналом,
Вооружись сатиры жалом,
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя, показывай смешное
И, если можно, нас исправь,
Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое;
Увы! довольно без него

* Кому неизвестны *Воспоминания на 1807 год?*

Найдем бессмысленных поэтов,
Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что!.. цевницею моею,
Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости — но помни мой совет:
Доколе, музами любимый,
Ты пиэрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали,
Играй: тебя младой Назон,
Эрот и грации венчали,
А лиру строил Аполлон.

ЭПИГРАММА

(ПОДРАЖАНИЕ ФРАНЦУЗСКОМУ)

Супругою твоей я так пленился,
Что если б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане,
Чтоб третью лишь принять он согласился.

К Н. Г. ЛОМОНОСОВУ

И ты, любезный друг, оставил
Надежну пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно светят небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправит *счастье* паруса.
Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды!
Дай бог под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С *любовью, дружбой* неразлучно!
Нет! ты не можешь их забыть!
Но что! Не скоро, может быть,
Увижусь я, мой друг, с тобою
Укромной хаты в тишине;
За чашей пунша круговою
Подчас воспомнишь обо мне;
Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: «Дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел».

НА РЫБУШКИНА

Бывало, прежних лет герой,
Окончив славну брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческия кущи;
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло всё, великой нет!»

И, в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищенье дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре новой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.

Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И села мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной!—
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных.
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все местью, славой дышат.
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились.— Русский победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях галл Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый
страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней нощи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи:
Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престает в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть
сретают,
А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,

Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям в честь прольется,
И струны гордые посыплют огнь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

РОМАНС

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинном сем творенье,
Вздохнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих,
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей.
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя,—
Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: „Ты для нас чужой!“—
Ты спросишь: „Где ж мои родные?“
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей!
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;

Повсюду странник одинокий,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокий...
Прости, прости тогда меня.

Быть может, сирота унылый,
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца?
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи: „Ее на свете нет —
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет“.

Но что сказала я?.. быть может,
Виновную ты встретишь мать,
Твой скорбный взор меня встревожит!
Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но, может быть, пройдешь ты мимо —
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон неправедный, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей,—
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волненьем сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

ЛЕДА

(КАНТАТА)

Средь темной рощицы, под тенью лип душистых,
В высоком тростнике, где частым жемчугом
Вздувалась пена вод сребристых,
Колеблясь тихим ветерком,
Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной игривой
С весельем орошал.

Житель рощи торопливый,
Будь же скромен, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,
Тихо дышит снежна грудь,
Ни волна вокруг не плещет,
Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,
Всё в прелестной тишине;
Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных восшумело,
И чувство робости прекрасной овладело;
Невольно вздрогнула, не в силах воздохнуть.
И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
К красавице плывет — веселья полна грудь;
С шумящей пеною отважно волны гонит,

Крылами воздух бьет,
То в кольца шею вьет,
То гордую главу, смирясь, пред Ледой клонит.

Леда смеется.
Вдруг раздается
Радости клик.
Вид сладострастный!
К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье,
Снова молчанье.
Нимфа лесов
С негою сладкой
Видит украдкой
Тайну богов.

Опомнясь наконец, красавица младая
Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
И что ж увидела?— На ложе из цветов
Она покоится в объятиях Зевеса;
Меж ними юная любовь,—
И пала таинства прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:

В темной рощице таится
Часто пламенный Эрот;
С хладной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.

STANCES

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchaîner l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose!
L'aimable fille des amours
Tombe fanée, à peine éclose;
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie! aimez, le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

MON PORTRAIT

Vous me demandez mon portrait,
  Mais peint p'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
  Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson,
  Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
  Et sans fades grimaces.

Onc il ne fut de babillard,
  Ni docteur en Sorbonne —
Plus ennuyeux et plus braillard,
  Que moi-même en personne.

Ma taille à celles des plus longs
  Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
  Et la tête bouclée.

J'aime et le monde et son fracas,
  Je hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
  Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
  Et d'après ma pensée.
Je dirais ce que j'aime encor...
  Si n'étais au Lycée.

Après celà, mon cher ami,
  L'on peut me reconnaître:
Oui! tel que le bon Dieu me fit,
  Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
  Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.
  Ma foi, voilà Pouchkine.

1815

К НАТАШЕ

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней — позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

ГОРОДОК

(К ***)

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великий град Петра,
От утра до утра
Два года всё кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах;
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у налоя
В великий четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной,
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом

С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет;
На улице карет
Не слышит стук докучный;
Здесь грома вовсе нет;
Лишь изредка телега
Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;

Захочет — аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,
На *Рифмова* склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;
Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутливы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Издетства стал пиит;
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —
Скажу ль?.. отец Кандида —
Он всё; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных граций —
С Державиным потом

Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекший в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя.
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром,
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят
И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок).
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полке
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,

Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненье...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненья,
Презревшие печать.
Хвала вам, чада славы,
Враги парнасских уз!
О князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту
И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;
И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Талье дал!

Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я — с *Чернавкой*
Подщипа слезы льет;
Здесь князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятенье
Плененные цари,
Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари...
Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,
Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть право не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплетать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари

Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,
И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьею волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен ввек пиит!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льститься?..
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горным светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой
Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире воздохнет.

Покамест, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижу я под окном
С бумагой и с пером,

Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоли, где расцвел
Мой горестный удел?..
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвения тропой;
И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огнь в сердца,
И граций стан прелестный,
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоясь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!..

Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал
Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон,
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но всё ли, милый друг,
Быть счастья в упоенье?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя злак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлеченья,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок
У добренькой старушки
Душистый пью чаек;
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Всё сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде

Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не зá что наказал,
Антошка балалайку,
Играя, разломал,—
Старушка всё расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает всё свое;
А я сижу смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда *Свистова*
В столице я внимал,
Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откушать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палашом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,

Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы,
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, если вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

ВОДА И ВИНО

Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья
И в роще тихой, отдаленной
Смотреть, как плещет в брег струя.
Когда ж вино в края поскачет,
Напенясь в чаше круговой,
Друзья, скажите,— кто не плачет,
Заране радуясь душой?

Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Нечестьем буйным ослепленный,
О страх!.. смесил вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пускай не в силах будет пить
Или, стаканами владея,
Лафит с цымлянским различить!

ИЗМЕНЫ

«Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил;
Гордой Елены
Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабудь;
В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною
Зе́фир младою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,

Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой
Стану в смиренье
Черпать забвенье
И — для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал.
Что же? — напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися

Грустью моей.
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец...
Так! до могилы
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увитый,
Цепи влачи...

ЛИЦИНИЮ

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
Умильно вслед за ним стремит усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья;
И дети малые и старцы в сединах,
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный.

О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей;
Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий римлян царь!.. О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с поникшею главою,
В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
«Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!»
— «Куда — не знаю сам; давно молчу и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу».

Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смиренно поклонясь Фортуне и мечтам,
Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам проститься,
Где всё продажное: законы, правота,
И консул, и трибун, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытность других в наемну ловит сеть!
Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселий:
Пускай бесстыдный Клит, слуга вельмож Корнелий
Торгуют подлостью и с дерзостным челом
От знатных к богачам ползут из дома в дом!
Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных мудрецов, обманчивых красот!
Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!
В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в глуши уединенья.
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Воспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенныя венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

БАТЮШКОВУ

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
С издетства напоенный,
Под кровом вешних роз
Поэтом я возрос.

Веселый сын Эрмия
Ребенка полюбил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно;
Нескладно хоть играл,
Но музам не скучал.

А ты, певец забавы
И друг пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезею полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать недаром,
Бреду своим путем:
Будь всякий при своем.

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ (1815)

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна;
Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.
В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

«Вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О, скоро ли, напенясь под рулями,
Меня помчит покорная волна
И спящих вод прервется тишина?
Волнуйся, ночь, над эльбскими скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины.
Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!
Уж мир лежит в оковах предо мной!
Прейду я к вам сквозь черные пучины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит!..

Но вкруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкий сон, сокрылось от очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом?..
Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!..
Полнощи царь младой!—ты двигнул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне — позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкий щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.
И тихо всё кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье
И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье —
Лишь плещущим волнам внимает жадный слух;
Умолк сражений клик знакомый,

Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщения потух.
Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай — твой бич восстал — и всё падет во прах,
Всё сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал —
Восточная звезда играла в океане,
И зрелася ладья, бегущая в тумане
Под сводом эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Всё смолкло... трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

К ПУЩИНУ

(4 МАЯ)

Любезный именинник,
О Пущин дорогой!
Прибрел к тебе пустынник
С открытою душой;
С пришельцем обнимися —
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца.
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостям пирушку;
На столик вощаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час.
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас,
Пускай старик крылатый
Летит на почтовых!
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних!

Ты счастлив, друг сердечный:
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,

Проходит день за днем,
И ты в беседе граций,
Не зная черных бед,
Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт.
Под кровом небогатым
Ты вовсе не знаком
С зловещим Гиппократом,
С нахмуренным попом;
Не видишь у порогу
Толпящихся забот;
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот;
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой,
И демон метроманов
Не властвует тобой.
Ты счастлив в этой доле;
Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Придется замолчать...

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок; наливай!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!

К ГАЛИЧУ

Пускай угрюмый рифмотвор,
Повитый маком и крапивой,
Холодных од творец ретивый,
На скучный лад сплетая вздор,
Зовет обедать генерала,—
О Галич, верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
Давно в моем уединенье,
В кругу бутылок и друзей,
Не зрели кружки мы твоей,
Подруги долгих наслаждений
Острот и хохота гостей.
В тебе трудиться нет охоты;
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок.
Зайди к жиду Золотареву;
В его, всем общий, уголок;
Мы там, собравшися в кружок,
Прольем вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое.
И хлынет пиво золотое,
И гордый на столе пирог
Друзей стесненными рядами,
Сверкая светлыми ножами,
С тобою храбро осадим
И мигом стены разгромим;

Когда ж, вином отягощенный,
С главой, в колени преклоненной,
Захочешь в мире отдохнуть
И, опускаяся в подушку,
Дабы спокойнее заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диван,—
Тогда послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинут скромный наш карман,
И крепок сон ленивца будет!..
Но рюмок звон тебя разбудит,
Ты вскочишь с бодрой головой,
Оставишь смятую подушку —
Подымешь милую подружку —
И в келье снова пир горой.

О Галич, время невозвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, послыша славы глас,
Покину кельи кров приятный,
Татарский сброшу свой халат.
Простите, девственные музы!
Прости, приют младых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных Муз —
В числе воюющих корнетов!
О Галич, Галич! поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край!

МЕЧТАТЕЛЬ

По небу крадется луна,
    На холме тьма седеет,
На воды пала тишина,
    С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
    В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
    И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок
    Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,
    И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
    В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
    Пред глиняным пенатом.

Главою на руку склонен,
    В забвении глубоком,
Я в сладки думы погружен
    На ложе одиноком;
С волшебной ночи темнотой,
    При месячном сиянье,
Слетают резвою толпой
    Крылатые мечтанья,

И тихий, тихий льется глас;
    Дрожат златые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
    Поет мечтатель юный;

Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкий свой шалаш
В мольбах не просит Счастья!
Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;
На маках лени, в тихий час,
Он сладко засыпает,
И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает.

Пускай ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за Славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И муза верная со мной:
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла,
И, горним светом озарясь,
Влетела в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей младой
До самых врат могилы!

Летай с мечтаньем надо мной,
    Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
    Пленяйте ум... обманом,
И милой жизни светлу даль
    Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час;
    И смерти добрый гений
Шепнет, у двери постучась:
    «Пора в жилище теней!..»
Так в зимний вечер сладкий сон
    Приходит в мирны сени,
Венчанный маком и склонен
    На посох томной лени...

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье!
Певец решился умереть.
Итак, с вечернею луною,
В саду нельзя ли дерн одеть
Узорной белой пеленою?
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши,
Нельзя ль, устроя длинный ход,
Нести наполненные чаши?
Зовите на последний пир
Спесивой Семелеи сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистою кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой,
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета

Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
В последний раз, томимый нежно,
Не вспомню вечность и друзей;
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой,
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте грозд Анакреона,
Он был учителем моим,
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона.
Простите, милые друзья,
Подайте руку, до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру,
Да будут музы над тобой!..
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущин, ветреный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, *ей!..*

На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...
Стекитесь резвою толпою,

Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
«Здесь дремлет юноша-мудрец,
Питомец нег и Аполлона».

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ

Ты не наследница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал;
Тебе не много бог послал,
Твой голосок, телодвиженья,
Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья.
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной;
Но, Хлоя, ты мила собой,
Тебе вослед толпятся смехи,
Сулят любовникам утехи —
Итак, венцы перед тобой,
И несомнительны успехи.

Ты пленным зрителя ведешь,
Когда без такта ты поешь.
Недвижно стоя перед нами,
Поешь — и часто невпопад,
А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:
«Bravo! bravissimo! чудесно!»
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Когда в неловкости своей
Ты сложишь руки у грудей,
Или подымешь их и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона молодого,

Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь;
Или без памяти в слезах,
Холодный испуская *ах!*,
Спокойно в кресла упадаешь,
Краснея и чуть-чуть дыша,—
Все шепчут: *«Ах! как хороша!»*
Увы! другую б освистали:
Велико дело красота.
О Хлоя, мудрые солгали:
Не всё на свете суета.

Пленяй же, Хлоя, красотою!
Стократ блажен любовник тот,
Который нежно пред тобою,
Осмелясь, о любви поет,
В стихах и прозою на сцене
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвечать,
Не смея молвить об измене;
Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой,
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой!

ВОСПОМИНАНИЕ

(К ПУЩИНУ)

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Как, укрывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Вакхом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье —
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали...

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо —
Вмиг исчез минутный страх!
Щек румяных цвет игривый,
Ум и сердце на устах,

Хохот чистого веселья,
Неподвижный, тусклый взор
Изменяли час похмелья,
Сладкий Вакха заговор.

О друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякий год в часы беспечны
Поминать его вином.

ПОСЛАНИЕ К ГАЛИЧУ

Где ты, ленивец мой?
Любовник наслажденья!
Ужель уединенья
Не мил тебе покой?
Ужели мне с тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасского бродяги?
На Пинде мой сосед,
И ты от муз укрылся,
Минутный домосед,
С пенатами простился!
Уж темный уголок
И садик опустели,
Где мы под вечерок
За рюмками шумели;
Где Ком нас угощал
Форелью, пирогами,
И пенистый бокал
Нам Бахус подавал.
Бегут за днями дни
Без дружеских собраний;
Веселых пирований
Веселые сыны
С тобой разлучены;
И шумные беседы
И долгие обеды
Не столь оживлены.

Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,

Беседовать с тобой.
Уж темна ночь объемлет
Брега спокойных вод;
Мурлыча, в келье дремлет
Спесивый, старый кот.
Покамест сон прелестный,
Под сенью тихих крил,
В обители безвестной
Меня не усыпил,
Морфея в ожиданье,
В постеле я лежу
И беглое посланье
Без строгого старанья
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Где Фебовы сестрицы
Мне с негой вьют досуг,
Скажи: среди столицы
Чем занят ты, мой друг?
Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей,
И ближних, и друзей?
Ужель в театре шумном,
Где дюжий Аполлон
Партером полуумным
Прославлен, оглушен,
Измученный напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актеров и смычков?
Или, мудрец придворный,
С улыбкою притворной
Пред лентою цветной
Поникнув головой,
С вертушкою слепой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столом
В куплете заказном
Трусливо величаешь?..
Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой

Правдив и благороден;
Он любит тишину;
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружен он
С Фортуною коварной,
Но Вакхом награжден
Философ благодарный,
Когда сей бог младой
Вечернею порой
Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит,
Качаясь на ногах.
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведет,
И дружба молодая
Венки ему плетет.
И счастлив он, признаться,
На деле, не в мечтах,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылах,
Когда друзья-поэты
С утра до ночи с ним
Шумят, поют куплеты,
Пьют *мозель* разогретый,
Приятелям своим
Послания читают
И трубку разжигают
Безрифминым лихим!..

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.
Беги, беги столицы,
О Галич мой, сюда!

Здесь, розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С Тибурским мудрецом
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем.
Смотри: тебе в награду
Наш Дельвиг, наш поэт,
Несет свою балладу,
И стансы винограду,
И к лилии куплет.
И полон становится
Твой милый, тесный дом,
Вот с милым остряком
Наш песельник тащится
По лестнице с гудком,
И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.
Подруги молодые
Нас будут посещать;
Нам жизни дни златые
Не страшно расточать.
Поделимся с забавой
Мы веком остальным,
С волшебницею-славой
И с Вакхом молодым.

МОЯ ЭПИТАФИЯ

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,
С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря.
 Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
 Меж ими луна золотая.

Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке булат,
 И щит под шеломом заржавым,
Вонзилися шпоры в увлаженный мох:
Лежат неподвижно, и месяца рог
 Над ними в блистанье кровавом.

Вкруг холма обходит друг сильного — конь;
В очах горделивых померкнул огонь,
 Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин —
И смотрит на латы — конь верный один
 И дико трепещет и стонет.

Во тьме заблудившись, пришелец идет,
С надеждою робость он в сердце несет —
 Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в тусклую даль
Он смотрит и сходит — и звонкую сталь
 Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец, кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
 По камням шелом покатился,

Скрывался в нем череп... при звуке глухом
Заржал конь ретивый, скок лётом на холм —
    Взглянул... и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Всё мнится, что кости хрустят под ногой...
    Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
    И конь вкруг погибшего ходит.

К ДЕЛЬВИГУ

Послушай, муз невинных
Лукавый духовник:
Жилец полей пустынных,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою,
И я главой поник
Пред милою мечтою;
Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я шалил,
Шутя стихи кроил,
А там их напечатал,
И вот теперь я брат
Бестолкову пустому,
Тому, сему, другому,
Да я ж и виноват!

Спасибо за посланье —
Но что мне пользы в том?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом!
Изменник! с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено.
Везде беды застану!
Увы мне, метроману,
Куда сокроюсь я?
Предатели-друзья

Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают,—
Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
«Ах, сударь! мне сказали,
Вы пишите стишки;
Увидеть их нельзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечек,
Иль тихий ветерочек,
И рощи, и цветки...»

О Дельвиг! начертали
Мне музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
В объятиях Морфея
Беспечный дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться,—
Я, право, неги сын!
А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым восхищаться...
Помилуй, Аполлон!

РОЗА

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.

АЛЕКСАНДРУ

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый мир.
Свершилось!.. Русский царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою.
Бежит... и мести гром слетел ему во след;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И местью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной стали!..

«К мечам!» — раздался клик, и вихрем понеслись;
Знамена, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат; и милым дали руку

Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой!..
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!
Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутро не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился
Когда на сильного с сынами устремился;
И, чела приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовию блестят,
Внемли — повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русский царь! оставь же шлем стальной
И грозный меч войны, и щит — ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу

И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вкруг старца соберутся,
Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень!..

СЛЕЗА

Вчера за чашей пуншевою
  С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою
  На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
  Мой храбрый вопросил.—
Еще по ней ты, слава богу,
  Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
  Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет *ее* со мною!..»
  Вздохнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
  И канула в бокал.
«Дитя! ты плачешь о девице,
  Стыдись!» — он закричал.

«Оставь, гусар... ох! сердцу больно.
  Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
  Чтоб отравить бокал!..»

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

К бар. М. А. ДЕЛЬВИГ

Вам восемь лет, а мне семнадцать било.
И я считал когда-то восемь лет;
Они прошли. В судьбе своей унылой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне — мы спасены лишь верой.
Послушайте: Амур, как вы хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.
Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: «Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов».
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму,—
Удастся ль мне под старость дней
Вам посвятить эпиталаму?

МОЕМУ АРИСТАРХУ

Помилуй, трезвый Аристарх
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветреных стихах:
Плоды веселого досуга
Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга,
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжалься надо мной —
Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.
Конечно, беден гений мой:
За рифмой часто холостой,
Назло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На *аю*, *ает* и на *ой*.
Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья,
И сряду лишних три стиха;
Нехорошо, но оправданья
Нельзя ли скромно принести?
Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?
Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,
Окован стихотворной думой,
Покоем жертвую стихам;
Что, бегая по всем углам,
Ерошу волосы клоками,

Подобно Фебовым жрецам
Сверкаю грозными очами,
Едва дыша, нахмуря взор
И засветив свою лампаду,
За шаткий стол, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трестопный вздор...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель старуньких стихов,
И од не слишком громозвучных.
И сказочек довольно скучных.

Люблю я праздность и покой,
И мне досуг совсем не бремя;
И есть и пить найду я время.
Когда ж нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота,
На славу Дружбы иль Эрота,—
Тотчас я труд окончу свой.
Сижу ли с добрыми друзьями,
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими резвыми стихами...
Но ежели когда-нибудь,
Желая в неге отдохнуть,
Расположась перед камином,
Один, свободным господином,
Поймаю прежню мысль мою,—
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И их вполголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Как я беседую с тобой?
Беспечный Пинда посетитель,
Я с музой нежусь молодой...

Уж утра яркое светило
Поля и рощи озарило;
Давно пропели петухи;
Вполглаза дремля — и зевая,
Шапеля в песнях призывая,
Пишу короткие стихи,
Среди приятного забвенья
Склонясь в подушку головой,
И в простоте, без украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал
Или с улыбкой рисовал
В непринужденном упоенье
Уединенный свой чердак.
В таком ленивом положенье
Стихи текут и так и сяк.
Возможно ли в свое творенье,
Уняв веселых мыслей шум,
Тогда вперять холодный ум,
Отделкой портить небылицы,
Плоды бродящих резвых дум,
И сокращать свои страницы?

Анакреон, Шолье, Парни,
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни
Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой,
Но пе блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.
На верх Фессальския горы
Вели вас тайные извивы;
Веселых граций перст игривый
Младые лиры оживлял,
И ваши челы обвивал
Детей пафосских рой шутливый.
И я — неопытный поэт —

Небрежный ваших рифм наследник
За вами крадуся вослед...
А ты, мой скучный проповедник,
Умерь ученый вкуса гнев!
Поди кричи, брани другого
И брось ленивца молодого,
Об нем тихонько пожалев.

ТЕНЬ ФОНВИЗИНА

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Аполлоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русский весельчак,
Насмешник, лаврами повитый
Денис, невежде бич и страх.
«Позволь на время удалиться,—
Владыке ада молвил он,—
Постыл мне мрачный Флегетон,
И к людям хочется явиться».
«Ступай!» — в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон
Челнок ко брегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот — выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился.
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя,
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,

Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Всё столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вздохнул Денис: «О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты,
Мои парнасские клевреты,
Питомцы граций молодых?
Желал бы очень видеть их».
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой набекрени,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
«Пойдем,— сказал Эрмий поэту,—
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных — лозами наградить,
Других — венком увить свирели».
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,
Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,
Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокий;
Там Кропов в тишине глубокой

С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумье за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи.
«Кто он?» — «Издатель „Демокрита“!
Издатель, право, пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжко,
А проза, ох! горька для всех,
Но что ж? Смеяться над бедняжкой,
Ей-богу, братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить
И далее полет направить
К певцам российским записным?»
— «Быть так, Меркурий, полетим».
И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не́ спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте анненской табак,
Повсюду разлиты чернилы,
Сопит себе Хвостов унылый.
«Ба! в полночь, кто катит ко мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что сталось с бедной головою!
Фонвизин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно, он!»
— «Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?»
— «Увы! несчастному поэту,—

Нахмурясь отвечал Хвостов,—
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне, с парнасского задору
Хоть удавись — так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад.
Пишу, пою на всякий лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В „Аспазии“ боготворят.
А всё последний я в поэтах.
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хочут,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том,
Но я — поставлю на своем.
Пускай мой перукмахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой,
Геройской воружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой
И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать».
Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечой взмахнув крылами,
Во тьме с Фонвизиным пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздохнул, зевнул, перекрестился,
Свой труд доканчивать пустился,
Поутру оду смастерил
И ею город усыпил.

Меж тем, поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову,

Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем *боскете* князь Шальной,
Краса писателей — Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты славяно-росс надутый,
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала *Петриада,*
И дикий взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтири обученный,
Ужасный критикам старик!
Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страха пала ниц,
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон:
Блюститель чести муз усердный
Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фонвизина рука!

«Довольно! нет во мне охоты,—
Сказал он,— у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;

Но где певец Екатерины?»
— «На берегах поет Невы».
— «Итак, стигийския долины
Еще не видел он?» — «Увы!»
— «Увы? скажи, что значит это?»
— «Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;
Ты всё увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика».
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фонвизин тотчас рассказал
Свои в том мире похожденья.
«Так ты здесь в виде привиденья?..—
Сказал Державин,— очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший брат;
Какая тихая погода!
Но, кстати, вот на славу ода,—
Послушай, братец».— И старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленье
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:

«Открылась тайн священных дверь!..
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш бог!»...

«Ого! — насмешник мой воскликнул,—
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен,
Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь...
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем — бешуся я невольно».
И мигом отлетел он прочь.

«Какое чудное явленье!» —
Фонвизин спутнику сказал.
«Оставь пустое удивленье,—
Эрмий с усмешкой отвечал.—
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора
И тайной завистью горел.
Но Феб услышал глас укора,
Его спокоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить.
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?»

«Пора домой,— вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец,—
Оставим наскоро Россию;
Бродить устал я наконец».
Но вдруг близ мельницы стучащей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.
«Конечно, здесь живет певец,—
Сказал, обрадуясь, мертвец,—
Взойдем!» Взошли и что ж узрели?

В приятной неге, на постеле
Певец пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом,
С прелестной Лилою дремал
И, подрумяненный фиалом,
В забвенье сладостном шептал.
Фонвизин смотрит изумленный.
«Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?»
— «Он стоит их,— сказал Меркурий,—
Эрата, грации, амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но, лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит».
— «Так я же разбужу повесу»,—
Сказал Фонвизин, рассердясь,
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещий глас,
С досадой весь в пуху проснулся.
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, идти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады
И вот изволил что сказать:
«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад».

ГРОБ АНАКРЕОНА

Всё в таинственном молчанье;
Холм оделся темнотой;
Ходит в облачном сиянье
Полумесяц молодой.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине;
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, здесь почиет в мире
Сладострастия мудрец.
Посмотрите: на порфире
Оживил его резец!
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар,
Жизнью дайте ж насладиться;
Жизнь, увы, не вечный дар!»
Здесь, подняв на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь.
Здесь готовится природе
Долг последний заплатить:
Старец пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить.
Вкруг любовника седого
Девы скачут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.

Вот и музы, и хариты
В гроб любимца увели;
Плющем, розами увиты,
Игры вслед за ним пошли...
Он исчез, как наслажденье,
Как веселый сон любви.
Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.
Но можно ль резвому поэту,
Невольнику мечты младой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Всё то, что в юности златой
Воображение мне кажет?

Теперь, когда в покое лень,
Укрыв меня в пустынну сень,
Своею цепью чувства вяжет,
И век мой тих, как ясный день,
Пустого неги украшенья
Не видя в хижине моей,
Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю *завтра*, ни *вчера*,
Доволен скромною судьбою
И думаю: «К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?
К чему им сукна Альбиона
И пышные чехлы Лиона
На модных креслах и столах,
И ложе шалевое в спальней?

Не лучше ли в деревне дальней
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома,
Где можно в праздник отдохнуть!»
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновиденья!
Ужель отрад уединенья
Ему вкушать не суждено?
Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят,
Где старых кленов темный ряд
Возносится до небосклона,
И глухо тополы шумят.
Туда зарею поспешаю
С смиренным заступом в руках,
В лугах тропинку извиваю,
Тюльпан и розу поливаю —
И счастлив в утренних трудах;
Вот здесь под дубом наклоненным
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.
Вблизи ручей шумит и скачет,
И мчится в влажных берегах,
И светлый ток с досадой прячет
В соседних рощах и лугах.
Но вот уж полдень.— В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб-соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.
Соседи шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чаш внимаем звону:

Все хвалят Вакха и Помону
И с ними красную весну...

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит,
И — помнится — зовется славой,—
Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой...
Вот мой камин — под вечер темный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или в минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потом свои творенья...
Вот здесь... но быстро привиденья,
Родясь в волшебном фонаре,
На белом полотне мелькают;
Мечты находят, исчезают,
Как тень на утренней заре.
Меж тем как в келье молчаливой
Во плен отдался я мечтам,
Рукой беспечной и ленивой
Разбросив рифмы здесь и там,
Я слышу топот, слышу ржанье.
Блеснув узорным чепраком,
В блестящем ментии сиянье
Гусар промчался под окном...
И где вы, мирные картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльях я мечты,
Огни во стане догорают;
Меж них, окутанный плащом,
С седым, усатым казаком
Лежу — вдали штыки сверкают,

Лихие ржут, бразды кусают,
Да изредка грохочет гром,
Летя с высокого раската...
Трепещет бранью грудь моя
При блеске бранного булата,
Огнем пылает взор,— и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь в ряды врагов орлом
Несется с грозным седоком —
С размаха сыплются удары.
О вы, отеческие лары,
Спасите юношу в боях!
Там свищет саблей он зубчатой,
Там кивер зыблется пернатый;
С черкесской буркой на плечах
И молча преклонясь ко гриве,
Он мчит стрелой по скользкой ниве
С цигарой дымною в зубах...

Но, лаврами побед увиты,
Бойцы из чаши мира пьют.
Военной славою забытый,
Спешу в смиренный свой приют;
Нашед на поле битв и чести
Одни болезни, костыли,
Навек оставил саблю мести...
Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи темны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют
И, мир забыв и им забвенный,
Покой души вкушаю вновь...

Скажи, о сердцу друг бесценный,
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселе в резвости беспечной
Брели по розам дни мои;
В невинной ясности сердечной
Не знал мучений я любви,
Но быстро день за днем умчался;
Где ж детства ранние следы?
Прелестный возраст миновался,

Увяли первые цветы!
Уж сердце в радости не бьется
При милом виде мотылька,
Что в воздухе кружит и вьется
С дыханьем тихим ветерка,
И в беспокойстве непонятном
Пылаю, тлею, кровь горит,
И всё языком, сердцу внятным,
О нежной страсти говорит...
Подруга возраста златого,
Подруга красных детских лет,
Тебя ли вижу, взоров свет,
Друг сердца, милая Сушкова?
Везде со мною образ твой,
Везде со мною призрак милый:
Во тьме полуночи унылой,
В часы денницы золотой.
То на конце аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан не покровенный,
Твой взор, на груди потупленный,
В щеках любви стыдливый цвет.
Всё тихо; брезжит лунный свет;
Нахмурясь топол шевелится,
Уж сумрак тусклой пеленой
На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты в рощице со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь под ивою густою;
И ветер сумраков, резвясь,
На снежну грудь прохладой дует,
Играет локоном власов
И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой покров...
То часом полночи глубоким,
Пред теремом твоим высоким,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую —

Готовы сани; мрак густой;
Всё спит, один лишь я тоскую,
Зову часов ленивый бой...
И шорох чудится глухой,
И вот уж шёпот слышу сладкий,—
С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша; идет украдкой,
И дева друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По ветру гривы распустились,
Несутся в снежной глубине,
Прижалась робко ты ко мне,
Чуть-чуть дыша, мы обомлели,
В восторгах чувства онемели...
Но что! мечтанья отлетели!
Увы! я счастлив был во сне...

В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, младых певцов удел.
Питомец муз и вдохновенья,
Стремясь фантазии вослед,
Находит в сердце наслажденья
И на пути грозящих бед.
Минуты счастья золотые
Пускай мне Клофо не совьет:
В мечтах все радости земные!
Судьбы всемощнее поэт.

К ЖИВОПИСЦУ

Дитя харит и вдохновенья,
В порыве пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мне друга сердца напиши;

Красу невинности прелестной,
Надежды милые черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Вкруг тонкого Гебеи стана
Венерин пояс повяжи,
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтоб и под ним она дышала,
Хотела тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой,
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

К НЕЙ

Эльвина, милый друг! приди, подай мне руку.
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи, увижу ли, на долгую ль разлуку
Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг не взглянет?
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина! почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с восторгом обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в блаженстве наслажденья
Твой шёпот сладостный и тихий стон внимать,
И тихо в скромной тьме для неги пробужденья
Близ милой засыпать?

1816

Заутра с свечкой грошевою
Явлюсь пред образом святым.
Мой друг! остался я живым,
Но был уж смерти под косою:
Сазонов был моим слугою,
А Пешель — лекарем моим.

УСЫ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ ОДА

Глаза скосив на ус кудрявый,
Гусар с улыбкой величавой
На палец завитки мотал;
Мудрец с обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохом усачу сказал:

«Гусар! всё тленно под луною;
Как волны следом за волною,
Проходят царства и века.
Скажи, где стены Вавилона?
Где драмы тощие Клеона?
Умчала всё времен река.

За уши ус твой закрученный,
Вином и ромом окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знает бритвы; выписною
Он вечно лоснится сурьмою,
Расправлен гребнем и рукой.

Чтобы не смять уса лихого,
Ты к ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
В подушку носом лечь не смеешь,
И в крепком сне его лелеешь,
И утром вновь его завьешь.

На долгих ужинах веселых,
В кругу гусаров поседелых

И черноусых удальцов,
Весёлый гость, любовник пылкий,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, красавиц и усов.

Сраженья страшный час настанет,
В ряды ядро со треском грянет;
А ты, над ухарским седлом,
Рассудка, памяти не тратишь:
Сперва кудрявый ус ухватишь,
А саблю верную потом.

Окованный волшебной силой,
Наедине с красоткой милой
Ты маешься — одной рукой,
В восторгах неги сладострастной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный ус крутишь другой.

Гордись, гусар! Но помни вечно,
Что всё на свете скоротечно —
Летят губительны часы,
Румяны щеки пожелтеют,
И черны кудри поседеют,
И старость выщиплет усы».

ИЗ ПИСЬМА
К кн. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединенье,
Кто видит только в отдаленье
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом
И над славенскими глупцами
Смеется русскими стихами;
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а наяву
Свою любовницу ласкает!..

ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель,
Чтобы Шихматовым назло
Воскреснул новый Буало —
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et cetera.

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно!

ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ

Довольно битвы мчался гром,
Тупился меч окровавленный,
И смерть погибельным крылом
Шумела грозно над вселенной!

Свершилось... взорами царей
Европы твердый мир основан;
Оковы свергнувший злодей
Могущей бранью снова скован.

Узрел он в пламени Москву —
И был низвержен ужас мира,
Покрыла падшего главу
Благословенного порфира.

И мглой повлекся окружен;
Притек и с буйной вдруг изменой
Уж воздвигал свой шаткий трон...
И пал отторжен от вселенной.

Утихло всё.— Не мчится гром,
Не блещет меч окровавленный,
И брань погибельным крылом
Не мчится грозно над вселенной.

Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона.

Пред ним мятежных гром гремел,
Текли во след щиты кровавы;
Грозой он в бранной мгле летел
И разливал блистанье славы.

Его текла младая кровь,
На нем сияет язва чести:
Венчай, венчай его, любовь!
Достойный был он воин мести.

СОН

(ОТРЫВОК)

Пускай поэт с кадильницей наемной
Гоняется за счастьем и молвой,
Мне страшен свет, проходит век мой темный
В безвестности, заглохшею тропой.
Пускай певцы гремящими хвалами
Полубогам бессмертие дают,
Мой голос тих, и звучными струнами
Не оглашу безмолвия приют.
Пускай любовь Овидии поют,
Мне не дает покоя Цитерея,
Счастливых дней амуры мне не вьют.
Я сон пою, бесценный дар Морфея,
И научу, как должно в тишине
Покоиться в приятном, крепком сне.

Приди, о лень! приди в мою пустыню.
Тебя зовут прохлада и покой;
В одной тебе я зрю свою богиню;
Готово всё для гостьи молодой.
Всё тихо здесь: докучный шум укрылся
За мой порог; на светлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И в темный ниш, где сумрак воцарился,
Чуть крадется неверный свет дневной.
Вот мой диван; приди ж в обитель мира;
Царицей будь, я пленник ныне твой.
Учи меня, води моей рукой,
Всё, всё твое: вот краски, кисть и лира.

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли,
Конечно, сон спокойный предпочли,
О мудрецы! дивиться вам умея,
Для вас одних я ныне трон Морфея
Поэзии цветами обовью,
Для вас одних блаженство воспою.
Внемлите же с улыбкой снисхожденья
Моим стихам, урокам наслажденья.

В назначенный природой неги час
Хотите ли забыться каждый раз
В ночной тиши, средь общего молчанья,
В объятиях игривого мечтанья?
Спешите же под сельский мирный кров,
Там можно жить и праздно и беспечно,
Там прямо рай; но прочь от городов,
Где крик и шум ленивцев мучит вечно.
Согласен я: в них можно целый день
С прелестницей ловить веселья тень;
В платок зевать, блистая в модном свете;
На бале в ночь вертеться на паркете,
Но можно ли вкушать отраду снов?
Настала тень,— уснуть лишь я готов,
Обманутый призра́ками ночными,
И вот уже, при свете фонарей,
На бешеной четверке лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится *Спесь* под окнами моими.
Я дремлю вновь, вновь улица дрожит —
На скучный бал *Рассеянье* летит...
О боже мой! ужели здесь ложатся,
Чтобы всю ночь бессонницей терзаться?
Еще стучат, а там уже светло,
И где мой сон? не лучше ли в село?
Там рощица листочков трепетаньем,
В лугу поток таинственным журчаньем,
Златых полей, долины тишина —
В деревне всё к томленью клонит сна.
О сладкий сон, ничем не возмущенный!
Один петух, зарею пробужденный,
Свой резкий крик подымет, может быть;

Опасен он — он может разбудить.
Итак, пускай, в сералях удаленны,
Султаны кур гордятся заключенны
Иль поселян сзывают на поля:
Мы спать хотим, любезные друзья.
Стократ блажен, кто может сном забыться
Вдали столиц, карет и петухов!
Но сладостью веселой ночи снов
Не думайте вы даром насладиться
Средь мирных сёл, без всякого труда.
Что ж надобно? — Движенье, господа!

Похвальна лень, но есть всему пределы.
Смотрите: Клит, в подушках поседелый,
Размученный, изнеженный, больной,
Весь век сидит с подагрой и тоской.
Наступит день; несчастный, задыхаясь,
Кряхтя, ползет с постели на диван;
Весь день сидит; когда ж ночной туман
Подернет свет, во мраке расстилаясь,
С дивана Клит к постеле поползет.
И как же ночь несчастный проведет?
В покойном сне, в приятном сновиденье?
Нет! сон ему не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроет томны очи,
И медленной проходят чередой
Для бедного часы угрюмой ночи.
Я не хочу, как общий друг Бершу,
Предписывать вам тяжкие движенья:
Упрямый плуг, охоты наслажденья.
Нет, в рощи я ленивца приглашу:
Друзья мои, как утро здесь прекрасно!
В тиши полей, сквозь тайну сень дубрав
Как юный день сияет гордо, ясно!
Светлеет всё; друг друга перегнав,
Журчат ручьи, блестят брега безмолвны;
Еще роса над свежей муравой;
Златых озер недвижно дремлют волны.
Друзья мои! возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубок ваш будет сон.

Как только тень оденет небосклон,
Пускай войдет отрада жизни нашей,
Веселья бог с широкой, полной чашей,
И царствуй, Вакх, со всем двором своим.
Умеренно пируйте, други, с ним:
Стакана три шипящими волнами
Румяных вин налейте вы полней;
Но толстый Ком с надутыми щеками
Не приходи стучаться у дверей.
Я рад ему, но только за обедом,
И дружески я в полдень уберу
Его дары; но, право, ввечеру
Гораздо я дружней с его соседом.
Не ужинать — святой тому закон,
Кому всего дороже легкий сон.
Брегитесь вы, о дети мудрой лени!
Обманчивой успокоенья тени.
Не спите днем: о горе, горе вам,
Когда дремать привыкли по часам!
Что ваш покой? бесчувствие глубоко.
Сон истинный от вас уже далёко.
Не знаете веселой вы мечты;
Ваш целый век — несносное томленье,
И скучен сон, и скучно пробужденье,
И дни текут средь вечной темноты.

Но ежели в глуши, близ водопада,
Что под горой клокочет и кипит,
Прелестный сон, усталости награда,
При шуме волн на дикий брег слетит,
Покроет взор туманной пеленою,
Обнимет вас и тихою рукою
На мягкий мох преклонит, осенит,—
О! сладостно близ шумных вод забвенье.
Пусть долее продлится ваш покой,
Завидно мне счастливца наслажденье.

Случалось ли ненастной вам порой
Дня зимнего, при позднем, тихом свете,
Сидеть одним, без свечки в кабинете:
Всё тихо вкруг; березы больше нет;
Час от часу темнеет окон свет;
На потолке какой-то призрак бродит;

Бледнеет угль, и синеватый дым,
Как легкий пар, в трубу виясь уходит;
И вот жезлом невидимым своим
Морфей на всё неверный мрак наводит.
Темнеет взор; «Кандид» из ваших рук,
Закрывшися, упал в колени вдруг;
Вздохнули вы; рука на стол валится,
И голова с плеча на грудь катится,
Вы дремлете! над вами мира кров:
Нежданный сон приятней многих снов!

Душевных мук волшебный исцелитель,
Мой друг Морфей, мой давный утешитель!
Тебе всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил.
Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу под вечер притаясь,
Я призывал и ждал тебя в покое...
Я сам не рад болтливости своей,
Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало,—
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал — и тихо наконец
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;

В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности уж возраст наступил...
Подайте мне Альбана кисти нежны,
И я мечту младой любви вкусил.
И где ж она? Восторгами родилась,
И в тот же миг восторгом истребилась.
Проснулся я; ищу на небе день,
Но всё молчит; луна во тьме сокрылась,
И вкруг меня глубокой ночи тень.
Но сон мой тих! беспечный сын Парнаса,
В ночной тиши я с рифмою не бьюсь,
Не вижу ввек ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый двор каких-то старых муз.

Я не герой, по лаврам не тоскую;
Спокойствием и негой не торгую,
Не чудится мне ночью грозный бой;
Я не богач — и лаем пес привратный
Не возмущал мечты моей приятной;
Я не злодей, с волненьем и тоской
Не зрю во сне кровавых привидений,
Убийственных детей предрассуждений,
И в поздний час ужасный бледный *Страх*
Не хмурится угрюмо в головах.

ЭКСПРОМТ НА ОГАРЕВУ

В молчанье пред тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того уж верно не скажу,
Что говорит воображенье.

К ЖУКОВСКОМУ

Благослови, поэт!.. В тиши парнасской сени
Я с трепетом склонил пред музами колени.
Опасною тропой с надеждой полетел,
Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.
Страшусь, неопытный, бесславного паденья,
Но пылкого смирить не в силах я влеченья,
Не грозный приговор на гибель внемлю я:
Сокрытого в веках священный судия,*
Страж верный прошлых лет, наперсник муз любимый
И бледной зависти предмет неколебимый
Приветливым меня вниманьем ободрил;
И Дмитрев слабый дар с улыбкой похвалил;
И славный старец наш, царей певец избранный,**
Крылатым гением и грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой,
И счастье мне предрек, незнаемое мной.
И ты, природою на песни обреченный!
Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей —
Душа к возвышенной душе твоей летела
И, тайно съединясь, в восторгах пламенела,—
Нет, нет! решился я — без страха в трудный путь,
Отважной верою исполнилася грудь.
Творцы бессмертные, питомцы вдохновенья!..

---

* Карамзин.
** Державин.

Вы цель мне кажете в туманах отдаленья,
Лечу к *безвестному* отважною мечтой,
И, мнится, гений ваш промчался надо мной!

Но что? Под грозною парнасскою скалою
Какое зрелище открылось предо мною?
В ужасной темноте пещерной глубины
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенных творцов зоилы записные
Сидят — бессмыслицы дружины боевые.
Далеко диких лир несется резкий вой,
Варяжские стихи визжит варягов строй.
Смех общий им ответ; над мрачными толпами
Во мгле два призрака склонилися главами.
Один на груды сел и прозы и стихов —
Тяжелые плоды полунощных трудов,
Усопших од, поэм забвенные могилы!
С улыбкой внемлет вой стопосложитель хилый:
Пред ним растерзанный стенает Тилимах;
Железное перо скрыпит в его перстах
И тянет за собой гекзаметры сухие,
Спондеи жесткие и дактилы тугие.
Ретивой музою прославленный певец,
Гордись — ты Мевия надутый образец!
Но кто другой, в дыму безумного куренья,
Стоит среди толпы друзей непросвещенья?
Торжественной хвалы к нему несется шум:
Он — он под рифмою попрал и вкус и ум;
Ты ль это, слабое дитя чужих уроков,
Завистливый гордец, холодный Сумароков,
Без силы, без огня, с посредственным умом,
Предрассуждениям обязанный венцом
И с Пинда сброшенный и проклятый Расином?
Ему ли, карлику, тягаться с исполином?
Ему ль оспоривать тот лавровый венец,
В котором возблистал бессмертный наш певец,
Веселье россиян, полунощное диво?.. *
Нет! в тихой Лете он потонет молчаливо,
Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?
Страшилась грация цинической свирели,

* Ломоносов.

И персты грубые на лире костенели.
Пусть будет Мевием в речах превознесен —
Явится Депрео, исчезнет Шапелен.

И что ж? всегда смешным останется смешное;
Невежду пестует невежество слепое.
Оно сокрыло их во мрачный свой приют;
Там прозу и стихи отважно все куют,
Там все враги наук, все глухи — лишь не немы,
Те слогом Никона печатают поэмы,
Одни славянских од громады громоздят,
Другие в бешеных трагедиях хрипят,
Тот, верный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зевающую музу,
Бессмертных гениев сорвать с Парнаса мнит.
Рука содрогнулась, удар его скользит,
Вотще бросается с завистливым кинжалом,
Куплетом ранен он, низвержен в прах журналом,—
При свистах критики к собратьям он бежит...
И маковый венец Феспису ими свит.
Все, руку положив на том «Тилемахиды»,
Клянутся отомстить сотрудников обиды,
Волнуясь восстают неистовой толпой.
Беда, кто в свет рожден с *чувствительной* душой!
Кто тайно мог пленить красавиц нежной лирой,
Кто смело просвистал шутливою сатирой,
Кто выражается правдивым языком
И русской глупости не хочет бить челом!..
Он враг отечества, он сеятель разврата!
И речи сыплются дождем на супостата.

И вы восстаньте же, парнасские жрецы,
Природой и трудом воспитанны певцы
В счастливой ереси и вкуса и ученья,
Разите дерзостных друзей непросвещенья.
Отмститель гения, друг истины, поэт!
Лиющая с небес и жизнь и вечный свет,
Стрелою гибели десница Аполлона
Сражает наконец ужасного Пифона.
Смотрите: поражен враждебными стрелами,
С потухшим факелом, с недвижными крылами
К вам Озерова дух взывает: други! месть!..
Вам оскорбленный вкус, вам знанья дали весть —

Летите на врагов: и Феб и музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами;
Невежество, смирясь, потупит хладный взор,
Спесивых риторов безграмотный собор...

Но вижу: возвещать нам истины опасно,
Уж Мевий на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговор талантам возгремел.
Гонения терпеть ужель и мой удел?
Что нужды? смело *в даль*, дорогою прямою,
Ученью руку дав, поддержанный тобою,
Их злобы не страшусь; мне твердый Карамзин,
Мне ты пример. Что крик безумных сих дружин?
Пускай беседуют отверженные Феба;
Им прозы, ни стихов не послан дар от неба.
Их слава — им же стыд; творенья — смех уму;
И в тьме возникшие низвергнутся во тьму.

ОКНО

Недавно темною порою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видел — дева у окна
Одна задумчиво сидела,
Дышала в тайном страхе грудь.
Она с волнением глядела
На темный под холмами путь.

«Я здесь!» — шепнули торопливо,
И дева трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Луна покрылась темнотой.
«Счастливец! — молвил я с тоскою,—
Тебя веселье ждет одно.
Когда ж вечернею порою
И мне откроется окно?»

ОСЕННЕЕ УТРО

Поднялся шум; свирелью полевой
Оглашено мое уединенье,
И с образом любовницы драгой
Последнее слетело сновиденье.
С небес уже скатилась ночи тень,
Взошла заря, блистает бледный день —
А вкруг меня глухое запустенье...
Уж нет ее... я был у берегов,
Где милая ходила в вечер ясный;
На берегу, на зелени лугов
Я не нашел чуть видимых следов,
Оставленных ногой ее прекрасной.
Задумчиво бродя в глуши лесов,
Произносил я имя несравненной;
Я звал ее — и глас уединенный
Пустых долин позвал ее в дали.
К ручью пришел, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли,
Не трепетал в них образ незабвенный.
Уж нет ее!.. До сладостной весны
Простился я с блаженством и с душою.
Уж осени холодною рукою
Главы берез и лип обнажены,
Она шумит в дубравах опустелых;
Там день и ночь кружится желтый лист,
Стоит туман на волнах охладелых,
И слышится мгновенный ветра свист.
Поля, холмы, знакомые дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидетели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

РАЗЛУКА

Когда пробил последний счастью час,
Когда в слезах над бездной я проснулся
И, трепетный, уже в последний раз
К руке твоей устами прикоснулся —
Да! помню всё; я сердцем ужаснулся,
Но заглушал несносную печаль;
Я говорил: «Не вечная разлука
Все радости уносит ныне вдаль.
Забудемся, в мечтах потонет мука;
Уныние, губительная скука
Пустынника приют не посетят;
Мою печаль усладой муза встретит;
Утешусь я — и дружбы тихий взгляд
Души моей холодный мрак осветит».

Как мало я любовь и сердце знал!
Часы идут, за ними дни проходят,
Но горестям отрады не приводят
И не несут забвения фиал.
О милая, повсюду ты со мною,
Но я уныл и втайне я грущу.
Блеснет ли день за синею горою,
Взойдет ли ночь с осеннею луною —
Я всё тебя, прелестный друг, ищу;
Засну ли я, лишь о тебе мечтаю,
Одну тебя в неверном вижу сне;
Задумаюсь — невольно призываю,
Заслушаюсь — твой голос слышен мне.
Рассеянный сижу между друзьями,
Невнятен мне их шумный разговор,
Гляжу на них недвижными глазами,
Не узнает уж их мой хладный взор!

И ты со мной, о лира, приуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печален звон глухой,
И лишь любви ты голос не забыла!..
О верная, грусти, грусти со мной,
Пускай твои небрежные напевы
Изобразят уныние мое,
И, слушая бряцание твое,
Пускай вздохнут задумчивые девы.

ИСТИНА

Издавна мудрые искали
Забытых истины следов
И долго, долго толковали
Давнишни толки стариков.
Твердили: «Истина нагая
В колодезь убралась тайком» —
И, дружно воду выпивая,
Кричали: «Здесь ее найдем!»

Но кто-то, смертных благодетель
(И чуть ли не старик Силен),
Их важной глупости свидетель,
Водой и криком утомлен,
Оставил невидимку нашу,
Подумал первый о вине
И, осушив до капли чашу,
Увидел истину на дне.

НАЕЗДНИКИ

Глубокой ночи на полях
Давно лежали покрывала,
И слабо в бледных облаках
Звезда пустынная сияла.
При умирающих огнях,
В неверной темноте тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченных высотах.
Всё спит; лишь волн мятежный ропот
Разносится в тиши ночной,
Да слышен из дали глухой
Булата звон и конский топот.
Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливой,
Дрожат и пышут кони их,
Главой трясут нетерпеливой.
Уж полем всадники спешат,
Дубравы кров покинув зыбкий,
Коней ласкают и смирят
И с гордой шепчутся улыбкой.
Их лица радостью горят,
Огнем пылают гневны очи;
Лишь ты, воинственный поэт,
Уныл, как сумрак полуночи,
И бледен, как осенний свет.
С главою, мрачно преклоненной,
С укрытой горестью в груди,
Печальной думой увлеченный,
Он едет молча впереди.

«Певец печальный, что с тобою?
Один пред боем ты уныл;

Поник бесстрашною главою,
Бразды и саблю опустил!
Ужель, невольник праздной неги,
Отрадней мир твоих полей,
Чем наши бурные набеги
И ночью бранный стук мечей?
Тебя мы зрели под мечами
С спокойным, дерзостным челом,
Всегда меж первыми рядами,
Всё там, где битвы падал гром.
С победным съединяясь кликом,
Твой голос нашу славу пел —
А ныне ты в унынье диком,
Как беглый ратник, онемел».

Но медленно певец печальный
Главу и взоры приподнял,
Взглянул угрюмо в сумрак дальный
И вздохом грудь поколебал.

«Глубокий сон в долине бранной;
Одни мы мчимся в тьме ночной,
Предчувствую конец желанный!
Меня зовет последний бой!
Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь;
Удар падет... — и одинокий
В долину выбежит мой конь.

О вы, хранимые судьбами
Для сладостных любви наград;
Любви бесценными слезами
Благословится ль ваш возврат!
Но для певца никто не дышит,
Его настигнет тишина;
Эльвина смерти весть услышит
И не вздохнет об нем она...
В минуты сладкого спасенья,
О други, вспомните певца,
Его любовь, его мученья
И славу грозного конца!»

ЭЛЕГИЯ

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет;
Кого луны туманный луч
Ведет в полночи сладострастной;
Кому тихонько верный ключ
Отворит дверь его прекрасной!

Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слезы!

МЕСЯЦ

Зачем из облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сиянье тусклое наводишь?
Явленьем пасмурным своим
Ты будишь грустные мечтанья,
Любви напрасные страданья
И строгим разумом моим
Чуть усыпленные желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Уж не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сиянье
Твоих таинственных лучей
Сквозь темный завес проницало
И бледно, бледно озаряло
Красу любовницы моей.
Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья?
Примчаться ль радости назад?
Почто, минуты, вы летели
Тогда столь быстрой чередой?
И тени легкие редели
Пред неожиданной зарей?
Зачем ты, месяц, укатился
И в небе светлом утонул?
Зачем луч утренний блеснул?
Зачем я с милою простился?

ПЕВЕЦ

Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

К МОРФЕЮ

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

СЛОВО МИЛОЙ

Я Лилу слушал у клавира;
Ее прелестный, томный глас
Волшебной грустью нежит нас,
Как почью веянье зефира.
Упали слезы из очей,
И я сказал певице милой:
«Волшебен голос твой унылый,
Но слово милыя моей
Волшебней нежных песен Лилы».

Любовь одна — веселье жизни хладной,
Любовь одна — мучение сердец:
Она дарит один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.
Стократ блажен, кто в юности прелестной
Сей быстрый миг поймает на лету;
Кто к радостям и неге неизвестной
Стыдливую преклонит красоту!

Но кто любви не жертвовал собою?
Вы, чувствами свободные певцы!
Пред милыми смирялись вы душою,
Вы пели страсть — и гордою рукою
Красавицам несли свои венцы.
Слепой Амур, жестокий и пристрастный,
Вам терния и мирты раздавал;
С пермесскими царицами согласный,
Иным из вас на радость указал;
Других навек печалями связал
И в дар послал огонь любви несчастной.

Наследники Тибулла и Парни!
Вы знаете бесценной жизни сладость;
Как утра луч, сияют ваши дни.
Певцы любви! младую пойте радость,
Склонив уста к пылающим устам,
В объятиях любовниц умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!..
Завидовать уже не смею вам.

Певцы любви! вы ведали печали,
И ваши дни по терниям текли;
Вы свой конец с волненьем призывали;

Пришел конец, и в жизненной дали
Не зрели вы минутную забаву;
Но, не нашед блаженства ваших дней,
Вы встретили по крайней мере славу,
И мукою бессмертны вы своей!

Не тот удел судьбою мне назначен.
Под сумрачным навесом облаков,
В глуши долин, в печальной тьме лесов,
Один, один брожу уныл и мрачен.
В вечерний час над озером седым
В тоске, слезах нередко я стенаю;
Но ропот волн стенаниям моим
И шум дубрав в ответ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сон,
Поэзии зажжется ль упоенье,—
Родится жар, и тихо стынет он:
Бесплодное проходит вдохновенье.
Пускай она прославится другим,
Один люблю,— он любит и любим!..
Люблю, люблю!.. но к ней уж не коснется
Страдальца глас; она не улыбнется
Его стихам небрежным и простым.
К чему мне петь? под кленом полевым
Оставил я пустынному зефиру
Уж навсегда покинутую лиру,
И слабый дар как легкий скрылся дым.

ЭЛЕГИЯ

Я видел смерть; она в молчанье села
У мирного порогу моего;
Я видел гроб; открылась дверь его;
Душа, померкнув, охладела...
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто следов уж не приметит;
Последний взор моих очей
Луча бессмертия не встретит,
И погасающий светильник юных дней
Ничтожества спокойный мрак осветит.

. . . .

Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала —
Где вера тихая меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!

Прости, светило дня, прости, небес завеса,
Немая ночи мгла, денницы сладкий час,
Знакомые холмы, ручья пустынный глас,
Безмолвие таинственного леса,
И всё... прости в последний раз.

А ты, которая была мне в мире богом,
Предметом тайных слез и горестей залогом,
Прости! минуло всё... Уж гаснет пламень мой,
Схожу я в хладную могилу,
И смерти сумрак роковой
С мученьями любви покроет жизнь унылу.

А вы, друзья, когда лишенный сил,
Едва дыша, в болезненном боренье,
Скажу я вам: «О други! я любил!..»
И тихий дух умрет в изнеможенье,
Друзья мои,— тогда подите к ней;
Скажите: взят он вечной тьмою...
И, может быть, об участи моей
Она вздохнет над урной гробовою.

ЖЕЛАНИЕ

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый миг в унылом сердце множит
Все горести несчастливой любви
И все мечты безумия тревожит.
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье;
Моя душа, плененная тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни час! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье —
Пускай умру, но пусть умру любя!

ДРУЗЬЯМ

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный;
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

ЭЛЕГИЯ

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас
мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
Я мнил покоиться близ верных берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою
На парус бедственный пловцов,
Носимых яростной грозою.
И я сказал: «Стократ блажен,
Чей век, свободный и прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,
Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! но я блаженней боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле —
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!»
Но что я говорил... несчастный!
Минуту я заснул в неверной тишине,
Но мрачная любовь таилася во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я всё еще горел — и в грусти равнодушной

На игры младости взирал издалека.
    Любовь, отрава наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
    Не сожигай души моей,
    Огонь мучительных желаний.
Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе
Иль дай еще летать надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
    Мечтать о сладостной свободе.

НАСЛАЖДЕНЬЕ

В неволе скучной увядает
Едва развитый жизни цвет,
Украдкой младость отлетает,
И след ее — печали след.
С минут бесчувственных рожденья
До нежных юношества лет
Я всё не знаю наслажденья,
И счастья в томном сердце нет.

С порога жизни в отдаленье
Нетерпеливо я смотрел:
«Там, там,— мечтал я,— наслажденье!»
Но я за призраком летел.
Златые крылья развивая,
Волшебной нежной красотой
Любовь явилась молодая
И полетела предо мной.

Я вслед... но цели отдаленной,
Но цели милой не достиг!..
Когда ж весельем окриленный
Настанет счастья быстрый миг?
Когда в сиянье возгорится
Светильник тусклый юных дней
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

К МАШЕ

Вчера мне Маша приказала
В куплеты рифмы набросать
И мне в награду обещала
Спасибо в прозе написать.

Спешу исполнить приказанье,
Года не смеют погодить:
Еще семь лет — и обещанье
Ты не исполнишь, может быть.

Вы чинно, молча, сложа руки,
В собраньях будете сидеть
И, жертвуя богине скуки,
С воксала в маскерад лететь —

И уж не вспомните поэта!..
О Маша, Маша, поспеши —
И за четыре мне куплета
Мою награду напиши!

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК

Кубок янтарный
Полон давно —
Пеной угарной
Блещет вино.
Света дороже
Сердцу оно;
Но за кого же
Выпью вино?

Здравие славы
Выпью ли я,
Бранной забавы
Мы не друзья.
Это веселье
Не веселит,
Дружбы похмелье
Грома бежит.

Жители неба,
Феба жрецы,
Здравие Феба
Пейте, певцы!
Резвой камены
Ласки — беда;
Ток Иппокрены
Просто вода.

Пейте за радость
Юной любви —
Скроется младость,
Дети мои...
Кубок янтарный
Полон давно.
Я — благодарный —
Пью за вино.

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ

Тебе, наперсница Венеры,
Тебе, которой Купидон
И дети резвые Цитеры
Украсили цветами трон,
Которой нежные примеры,
Улыбка, взоры, нежный тон
Красноречивей, чем Вольтеры,
Нам проповедуют закон
И Аристипов, и Глицеры,—
Тебе приветливый поклон,
Любви венок и лиры звон.
Презрев Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасен,
И стал апостол мудрой веры
Анакреонов и Нинон,—
Всего... но лишь известной меры.
Я вижу: хмурится Зенон.
И вся его седая свита,
И мудрый друг вина Катон,
И скучный раб Эпафродита,
Сенека, даже Цицерон
Кричат: «Ты лжешь, профан! мученье —
Прямое смертных наслажденье!»
Друзья, согласен: плач и стон
Стократ, конечно, лучше смеха;
Терпеть — великая утеха;
Совет ваш вовсе не смешон:
Но мне он, слышите ль, не нужен,
Затем, что слишком он мудрен;
Дороже мне хороший ужин
Философов трех целых дюжин;

Я вами, право, не прельщен.
Собор угрюмый рассержен.
Но пусть кричат на супостата,
Их спор — лишь времени утрата:
Кто их примером обольщен?
Люблю я доброго Сократа:
Он в мире жил, он был умен;
С своею важностью притворной
Любил пиры, театры, жен;
Он, между прочим, был влюблен
И у Аспазии в уборной
(Тому свидетель сам Платон),
Невольник робкий и покорный,
Вздыхал частехонько в хитон,
И ей с улыбкою придворной
Шептал: «Всё призрак, ложь и сон:
И мудрость, и народ, и слава;
Что ж истинно? одна забава,
Поверь: одна любовь не сон!»
Так ладан жег прекрасной он,
И ею... бедная Ксантипа!
Твой муж совместник Аристипа,
Бывал до неба вознесен.
Меж тем, на милых грозно лая,
Злой циник, негу презирая,
Один, всех радостей лишен,
Дышал, от мира отлучен.
Но, с бочкой странствуя пустою
Вослед за мудростью слепою,
Пустой чудак был ослеплен;
И, воду черпая рукою,
Не мог зачерпнуть счастья он.

АМУР И ГИМЕНЕЙ

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю вас новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слепого мальчика с повязкой?
Слепого?.. Вот? Помилуй, Феб!
Амур совсем, друзья, не слеп:
Но шалуну пришла ж охота,
Чтоб, людям на смех и назло,
Его безумие вело.
Безумие ведет Эрота:
Но вдруг, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затею:
Повязку с милых сняв очей,
Идет проказник к Гименею...
А что такое Гименей?
Он сын Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и ленивый,
Ворчит и дремлет целый век,
А впрочем, добрый человек,
Да нрав имеет он ревнивый.
От ревности печальный бог
Спокойно подремать не мог;
Всё трусил маленького брата,
За ним подсматривал тайком
И караулил сопостата
С своим докучным фонарем.
Вот мальчик мой к нему подходит
И речь коварную заводит:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умней!

Забудь, товарищ мой любезный,
Раздор смешной и бесполезный!
Да только навсегда, смотри!
Возьми ж повязку в память, милый,
А мне фонарь свой подари!»
И что ж? Поверил бог унылый.
Амур от радости прыгнул,
И на глаза со всей он силы
Обнову брату затянул.
Гимена скучные дозоры
С тех пор пресеклись по ночам;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотам;
Спокоен он, но брат коварный,
Шутя над честью и над ним,
Войну ведет неблагодарный
С своим союзником слепым.
Лишь сон на смертных налетает,
Амур в молчании ночном
Фонарь любовнику вручает
И сам счастливца провожает
К уснувшему супругу в дом;
Сам от беспечного Гимена
Он охраняет тайну дверь...
Пойми меня, мой друг Елена,
И мудрой повести поверь!

ФИАЛ АНАКРЕОНА

Когда на поклоненье
Ходил я в древний Пафос,
Поверьте мне, я видел
В уборной у Венеры
Фиал Анакреона.
Вином он был наполнен.
Кругом висели розы,
Зеленый плющ и мирты,
Сплетенные рукою
Царицы наслаждений.
На краюшке я видел
Печального Амура —
Смотрел он пригорюнясь
На пенистую влагу.
«Что смотришь ты, проказник,
На пенистую влагу? —
Спросил я Купидона,—
Скажи, что так утихнул?
Не хочешь ли зачерпнуть,
Да ручкой не достанешь?»
— «Нет,— отвечал малютка,—
Играя, в это море
Колчан, и лук, и стрелы
Я уронил, и факел
Погас в волнах багряных.
Вон, вон на дне блистают;
А плавать не умею.
Ох, жалко мне — послушай,
Достань мне их оттуда!»
— «О, нет,— сказал я богу,—
Спасибо, что упали;
Пускай там остаются».

ШИШКОВУ

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Тибулл, Мелецкий и Парни?
Тебе, балованный питомец Аполлона,
С их лирой соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
В молчанье чувствовать, пленяться красотою —
Вот жребий мой; ему я следовать готов,
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй от меня стихов!
Не вечно нежиться в приятном ослепленье:
Докучной истины я поздний вижу свет.
По доброте души я верил в упоенье
Мечте, шепнувшей: ты поэт, —
И, презря мудрые угрозы и советы,
С небрежной леностью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, я, трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами;
Мечтательных Дорид и славил и бранил,
Иль дружбе плел венок, и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало.
Но долго ли меня лелеял Аполлон?
Душе наскучили парнасские забавы;
Не долго снились мне мечтанья муз и славы;
И, строгим опытом невольно пробужден,
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся:
И полно мне писать.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.

НА ПУЧКОВУ

Пучкова, право, не смешна:
Пером содействует она
Благотворительным газет недельных видам,
Хоть в смех читателям, да в пользу инвалидам.

НА НЕЕ ЖЕ

Зачем кричишь ты, что ты *дева,*
На каждом девственном стихе?
О, вижу я, певица Ева,
Хлопочешь ты о женихе.

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНИТЕЛЯ БРАТОМ

Я не совсем еще рассудок потерял
От рифм бахических — шатаясь на Пегасе —
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет — вы мне совсем не брат:
Вы дядя мне и на Парнасе.

ЭПИГРАММА

(НА КАРАМЗИНА)

«Послушайте: я сказку вам начну
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород, про время золотое,
И наконец про Грозного царя...»
— И, бабушка, затеяла пустое!
Докончи нам «Илью-богатыря».

Кж. В. М. ВОЛКОНСКОЙ

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une grâce,—oh, mon Dieu, non.

1817 (Лицей)

К КАВЕРИНУ

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи,
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный,
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви.
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

ЭЛЕГИЯ

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Всё те же вы, но сердце уж не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Уж я не тот... Невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
Веселие рассталося с душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смех, и резвость, и покой —
Я всё забыл; печали молчаливой
Покров лежит над юною главой...
Напрасно вы беседою шутливой
И нежностью души красноречивой
Мой тяжкий сон хотите перервать,
Всё кончилось,— и резвости счастливой
В душе моей изгладилась печать.
Чтоб удалить угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне;
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне страшен мир, мне скучен дневный свет:
Пойду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак,— я радость ненавижу;
Во мне застыл ее минутный след.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не доцвели до месячных лучей.

Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы — невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О дружество! предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь легкий сон
Часто, негой утомленный,
Слышу я твой тихий стон?
Почему, в любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взор недвижный, боязливый
Устремляешь в темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви,
Иногда я замечаю
Слезы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей...
О бесценная подруга!
Вечно ль слезы проливать,
Вечно ль мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Беспробуден хладный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон;
Не для них — надгробны розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов...
Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти воздохнул
И, блаженством упоенный,

На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец;
Верь любви — невинны мы.
Нет, разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

БЕЗВЕРИЕ

О вы, которые с язвительным упреком,
Считая мрачное безверие пороком,
Бежите в ужасе того, кто с первых лет
Безумно погасил отрадный сердцу свет;
Смирите гордости жестокой исступленье:
Имеет он права на ваше снисхожденье,
На слезы жалости; внемлите брата стон,
Несчастный не злодей, собою страждет он.
Кто в мире усладит души его мученья?
Увы! он первого лишился утешенья!
Взгляните на него — не там, где каждый день
Тщеславие на всех наводит ложну тень,
Но в тишине семьи, под кровлею родною,
В беседе с дружеством иль темною мечтою.
Найдете там его, где илистый ручей
Проходит медленно среди нагих полей;
Где сосен вековых таинственные сени,
Шумя, на влажный мох склонили вечны тени,
Взгляните — бродит он с увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой,
То грусти слезы льет, то слезы сожаленья.
Напрасно ищет он унынью развлеченья;
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вкруг себя печальный взор он водит:
Ум ищет божества, а сердце не находит.

Настигнет ли его глухих судеб удар,
Отъемлется ли вдруг минутный счастья дар,
В любви ли, в дружестве обнимет он измену
И их почувствует обманчивую цену:

Лишенный всех опор отпадший веры сын
Уж видит с ужасом, что в свете он один,
И мощная рука к нему с дарами мира
Не простирается из-за пределов мира...

Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб родясь осуждены.
Всечасно бренных уз готово разрушенье;
Наш век — неверный день, всечасное волненье.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час,
Ужасно чувствовать слезы последней муку —
И с миром начинать безвестную разлуку!
Тогда, беседуя с отвязанной душой,
О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь,
И ободренную с надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь вера в тишине отрадою своей
Живит унывший дух и сердца ожиданье.
«Настанет! — говорит,— назначено свиданье!»

А он (слепой мудрец!), при гробе стонет он,
С усладой бытия несчастный разлучен,
Надежды сладкого не внемлет он привета,
Подходит к гробу он, взывает... нет ответа!

Видали ль вы его в безмолвных тех местах,
Где кровных и друзей священный тлеет прах?
Видали ль вы его над хладною могилой.
Где нежной Делии таится пепел милый?
К почившим позванный вечерней тишиной,
К кресту приникнул он бесчувственной главой,
Стенанья изредка глухие раздаются,
Он плачет — но не те потоки слез льются,
Которы сладостны для страждущих очей
И сердцу дороги свободою своей,
Но слез отчаянья, но слез ожесточенья.
В молчанье ужаса, в безумстве исступленья,
Дрожит, и между тем под сенью темных ив,
У гроба матери колена преклонив,
Там дева юная в печали безмятежной

Возводит к небу взор болезненный и нежный,
Одна, туманною луной озарена,
Как ангел горести является она;
Вздыхает медленно, могилу обнимает —
Всё тихо вкруг его, а кажется, внимает,
Несчастный на нее в безмолвии глядит,
Качает головой, трепещет и бежит,
Спешит он далее, но вслед унынье бродит.

Во храм ли вышнего с толпой он молча входит,
Там умножает лишь тоску души своей.
При пышном торжестве старинных алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,
Тревожится его безверия мученье.
Он бога тайного нигде, нигде не зрит,
С померкшею душой святыне предстоит,
Холодный ко всему и чуждый к умиленью,
С досадой тихому внимает он моленью.
«Счастливцы! — мыслит он,— почто не можно мне
Страстей бунтующих в смиренной тишине,
Забыв о разуме и немощном и строгом,
С одной лишь верою повергнуться пред богом!»

Напрасный сердца крик! нет, нет! не суждено
Ему блаженство знать! Безверие одно,
По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
Влечет несчастного до хладных врат могилы.
И что зовет его в пустыне гробовой —
Кто ведает? но там лишь видит он покой.

ДЕЛЬВИГУ

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.
Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой;
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят его покой.
О милый друг, и мне богини песнопенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья!
Как дым исчез мой легкий дар.
Как рано зависти привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал!
Нет, нет, ни счастием, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии счастливом,
Забуду милых муз, мучительниц моих;
Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

СТАНСЫ

(ИЗ ВОЛЬТЕРА)

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!

Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж время скрыться мне велит
И за руку меня выводит.

Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет
Своим пременчивым годам,
Тот горесть их одну имеет.

Счастливцам резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.

Ужель навек вы убежали,
Любовь, мечтанья первых дней —
Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей?

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Веселых юношества дней,
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей!

В. Л. ПУШКИНУ

ОТРЫВОК

Что восхитительней, живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней кратких дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров?
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав, и нег, и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что́ скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла!

ПИСЬМО К ЛИДЕ

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихий свой покров,
И время к полночи придвинет
Стрелу медлительных часов,
Когда не спит в тиши природы
Одна счастливая любовь,—
Тогда моей темницы вновь
Покину я немые своды...
Летучих остальных минут
Мне слишком тягостна потеря —
Но скоро Аргусы заснут,
Замкам предательным поверя,
И я в обители твоей...
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смелым, трепетным рукам,
По воспаленному дыханью
И жарким, ласковым устам
Узнай любовника — настали
Восторги, радости мои!..
О Лида, если б умирали
С блаженства, неги и любви!

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ

Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
В последний раз, быть может, я с тобой,
Задумчиво внимая шум дубравный,
Над озером иду рука с рукой.
Где вы, лета беспечности недавной?
С надеждами во цвете юных лет,
Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и славный,—
Моя стезя печальна и темна;
И нежная краса тебе дана,
И нравиться блестящий дар природы,
И быстрый ум, и верный, милый нрав;
Ты сотворен для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забав.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спеши любить и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур велит — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай...
О, скольких слез, предвижу, ты виновник!
Измены друг и ветреный любовник,
Будь верен всем — пленяйся и пленяй.

А мой удел... но пасмурным туманом
Зачем же мне грядущее скрывать?
Увы! нельзя мне вечным жить обманом
И счастья тень, забывших, обнимать.

Вся жизнь моя — печальный мрак ненастья.
Две-три весны, младенцем, может быть,
Я счастлив был, не понимая счастья;
Они прошли, но можно ль их забыть.
Они прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навек,—
На краткий путь, усыпанный цветами,
Которым я так весело протек,
Я слезы лью, я трачу век напрасно,
Мучительным желанием горя.

Твоя заря — заря весны прекрасной;
Моя ж, мой друг,— осенняя заря.
Я знал любовь, но я не знал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил.
Безумный сон покинул томны вежды,
Но мрачные я грезы не забыл.
Душа полна невольной, грустной думой;
Мне кажется: на жизненном пиру
Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на час — и одинок умру.
И не придет друг сердца незабвенный
В последний миг мой томный взор сомкнуть,
И не придет на холм уединенный
В последний раз любовию вздохнуть!
Ужель моя пройдет пустынно младость?
Иль мне чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не ведая, что радость?
Зачем же жизнь дана мне от богов?
Чего мне ждать? В рядах забытый воин,
Среди толпы затерянный певец,
Каких наград я в будущем достоин
И счастия какой возьму венец?

Но что?.. Стыжусь!.. Нет, ропот — униженье.
Нет, праведно богов определенье!
Ужель лишь мне не ведать ясных дней?
Нет! и в слезах сокрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет утешенье
Мой скромный дар и счастие друзей.

В АЛЬБОМ

Пройдет любовь, умрут желанья;
Разлучит нас холодный свет;
Кто вспомнит тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет?..
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им свой легкий след.

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ

Мой друг! неславный я поэт,
Хоть христианин православный.
Душа бессмертна, слова нет,
Моим стихам удел неравный —
И песни музы своенравной,
Забавы резвых, юных лет,
Погибнут смертию забавной,
И нас не тронет здешний свет!

Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочел бы я скорей
Бессмертию души моей
Бессмертие своих творений.

Не властны мы в судьбе своей,
По крайней мере, нет сомненья,
Сей плод небрежный вдохновенья,
Без подписи, в твоих руках
На скромных дружества листках
Уйдет от общего забвенья...
Но пусть напрасен будет труд,
Твоею дружбой оживленный —
Мои стихи пускай умрут —
Глас сердца, чувства неизменны
Наверно их переживут!

ТОВАРИЩАМ

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в асессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,

Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ

Вот здесь лежит больной студент;
Его судьба неумолима.
Несите прочь медикамент:
Болезнь любви неизлечима!

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,
	Исписанный когда-то мною,
На время улети в лицейский уголок
	Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,
Неволю мирную, шесть лет соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,—
	Что было и не будет вновь...
	И с тихими тоски слезами
	Ты вспомни первую любовь.
Мой друг, она прошла... но с первыми друзьями
Не резвою мечтой союз твой заключен;
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,

	О милый, вечен он!

РАЗЛУКА

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости! Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!
Узнай любовь, неведомую мне,
Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной
битвы,
При мирных ли брегах родимого ручья,
Святому братству верен я.
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА

В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель,
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

К ПИСЬМУ

В нем радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди бесчувственной коснется:
        Быть может, милые друзья,
        Быть может, сердце вновь забьется.

СНОВИДЕНИЕ

Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,
В венце сияющем, царем я зрел себя;
        Мечталось, я любил тебя —
        И сердце билось наслажденьем.
Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял,
Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
        Я только — царство потерял.

ОНА

«Печален ты; признайся, что с тобой».
— Люблю, мой друг! — «Но кто ж тебя пленила?»
— Она. — «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лила?»
— О, нет! — «Кому ж ты жертвуешь душой?»
— Ах, *ей!* — «Ты скромен, друг сердечный!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно...»
— Не то, мой друг! — «Но что ж?» — Я *ей* не *он.*

1813 — 1817

СТАРИК

ИЗ МАРО

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста младого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

К ДЕЛИИ

О Делия драгая!
Спеши, моя краса;
Звезда любви златая
Взошла на небеса;
Безмолвно месяц покатился;
Спеши, твой Аргус удалился,
И сон сомкнул его глаза.

Под сенью потаенной
Дубравной тишины,
Где ток уединенный
Сребристыя волны
Журчит с унылой Филомелой,
Готов приют любви веселый
И блеском освещен луны.

Накинут тени ночи
Покровы нам свои,
И дремлют сени рощи,
И быстро миг любви
Летит,— я весь горю желаньем,
Спеши, о Делия! свиданьем,
Спеши в объятия мои.

ДЕЛИЯ

Ты ль передо мною,
Делия моя?
Разлучен с тобою —
Сколько плакал я!
Ты ль передо мною,
Или сон мечтою
Обольстил меня?

Ты узнала ль друга?
Он не то, что был;
Но тебя, подруга!
Всё ж не позабыл —
И твердит унылый:
«Я любим ли милой,
Как бывало был?»

Что теперь сравнится
С долею моей!
Вот слеза катится
По щеке твоей —
Делия стыдится?
Что теперь сравнится
С долею моей!

ФАВН И ПАСТУШКА

КАРТИНЫ

I

С пятнадцатой веспою,
Как лилия с зарею,
Красавица цветет;
Всё в ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоров томный свет,
И груди трепетанье,
И розы нежный цвет —
Всё юность изменяет.
Уж Лилу не пленяет
Веселый хоровод:
Одна у сонных вод,
В лесах она таится,
Вздыхает и томится,
И с нею там Эрот.
Когда же ночью темной
Ее в постеле скромной
Застанет тихий сон
С волшебницей мечтою,
И тихою тоскою
Исполнит сердце он —
И Лила в сновиденье
Вкушает наслажденье
И шепчет: «О Филон!»

II

Кто там, в пещере темной,
Вечернею порой,

Окован ленью томной,
Покоится с тобой?
Итак, уж ты вкусила
Все радости любви;
Ты чувствуешь, о Лила,
Волнение в крови,
И с трепетом, смятеньем,
С пылающим лицом
Ты дышишь упоеньем
Амура под крылом.
О жертва страсти нежной,
В безмолвии гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари.
Для вас поток игривый
Угрюмой тьмой одет
И месяц молчаливый
Туманный свет лиет;
Здесь розы наклонились
Над вами в темный кров;
И ветры притаились,
Где царствует любовь...

III

Но кто там, близ пещеры,
В густой траве лежит?
На жертвенник Венеры
С досадой он глядит;
Нагнулась меж цветами
Косматая нога;
Над грустными очами
Нависли два рога.
То фавн, угрюмый житель
Лесов и гор крутых,
Докучливый гонитель
Пастушек молодых.
Любимца Купидона —
Прекрасного Филона
Давно соперник он...
В приюте сладострастья
Он слышит вздохи счастья
И неги томный стон.

В безмолвии несчастный
Страданья чашу пьет
И в ревности напрасной
Горючи слезы льет.
Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса;
Зефиры прошептали —
И фавн в дремучий бор
Бежит сокрыть печали
В ущельях диких гор.

IV

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро ль, мрак ночной,
С прекрасною луной
Ты небом овладеешь?
О, скоро ль, темный лес,
В туманах засинеешь
На западе небес?»
Но шорох за кустами
Ей слышится глухой,
И вдруг — сверкнул очами
Пред нею бог лесной!
Как вешний ветерочек,
Летит она в лесочек;
Он гонится за ней.
И трепетная Лила
Все тайны обнажила
Младой красы своей;
И нежна грудь открылась
Лобзаньям ветерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая над травой,
Пастушка робко дышит;
И фавна за собой
Всё ближе, ближе слышит.

Уж чувствует она
Огонь его дыханья...
Напрасны все старанья:
Ты фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла...
Река — ее могила...
Нет! Лила спасена.

V

Эроты златокрылы
И нежный Купидон
На помощь юной Лилы
Летят со всех сторон;
Все бросили Цитеру,
И мирных сёл Венеру
По трепетным волнам
Несут они в пещеру —
Любви пустынный храм.
Счастливец был уж там.
И вот уже с Филоном
Веселье пьет она,
И страсти легким стоном
Прервалась тишина...
Спокойно дремлет Лила
На розах нег и сна,
И луч свой угасила
За облаком луна.

VI

Поникнув головою,
Несчастный бог лесов
Один с вечерней тьмою
Бродил у берегов.
«Прости, любовь и радость! —
Со вздохом молвил он.—
В печали тратить младость
Я роком осужден!»
Вдруг из лесу румяный,
Шатаясь, перед ним
Сатир явился пьяный
С кувшином круговым;

Он смутными глазами
Пути домой искал
И козьими ногами
Едва переступал;
Шел, шел и натолкнулся
На фавна моего,
Со смехом отшатнулся,
Склонился на него...
«Ты ль это, брат любезный?—
Вскричал сатир седой,—
В какой стране безвестной
Я встретился с тобой?»
— «Ах! — молвил фавн уныло: —
Завяли дни мои!
Всё, всё мне изменило,
Несчастен я в любви».
— «Что слышу? От Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бедокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Так забвенье
В кувшине почерпай
И чашу в утешенье
Наполни через край!»
И пена засверкала
И на краях шипит,
И с первого фиала
Амур уже забыт.

VII

Кто ж, дерзостный, владеет
Твоею красотой?
Неверная, кто смеет
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать
И с Лилою прекрасной
В восторгах умирать?
Итак, ты изменила?
Красавица, пленяй,
Спеши любить, о Лила!
И снова изменяй.

VIII

Прошли восторги, счастье,
Как с утром легкий сон;
Где тайны сладострастья?
Где нежный Палемон?
О Лила! вянут розы
Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы,
И ныне терны рви.
В губительном стремленье
За годом год летит,
И старость в отдаленье
Красавице грозит.
Амур уже с поклоном
Расстался с красотой,
И вслед за Купидоном
Веселья скрылся рой.
В лесу пастушка бродит
Печальна и одна:
Кого же там находит?
Вдруг фавна зрит она.
Философ козлоногий
Под липою лежал
И пенистый фиал,
Венком украсив роги,
Лениво осушал.
Хоть фавн и не находка
Для Лилы прежних лет,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сеть:
Подкралась, устремила
На фавна томный взор
И, слышал я, клонила
К развязке разговор,
Но фавн с улыбкой злою,
Напеня свой фиал,
Качая головою,
Красавице сказал:
«Нет, Лила! я в покое —
Других, мой друг, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости — другое.

Бывало, я тобой
В безумии пленялся,
Бывало, восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлея страстью,
К тебе меня влекло.
Бывало... но, по счастью,
Что было — то прошло».

ПОГРЕБ

О, сжальтесь надо мною,
Товарищи друзья!
Красоткой удалою
Вконец измучен я.

Всечасно я тоскую,
Горька моя судьба,
Несите ж круговую,
Откройте погреба.

Там, там во льду хранится
Бутылок гордый строй,
И портера таится
Бочонок выписной.

Нам Либер, заикаясь,
К нему покажет путь,—
Пойдемте все, шатаясь,
Под бочками заснуть!

В них сердца утешенье,
Награда для певцов,
И мук любви забвенье,
И жар моих стихов.

И останешься с вопросом
На брегу замерзлых вод:
«Мамзель Шредер с красным носом
Милых Вельо не ведет?»

От всенощной вечор идя домой,
Антипьевна с Марфушкою бранилась;
Антипьевна отменно горячилась.
«Постой,— кричит,— управлюсь я с тобой;
Ты думаешь, что я уж и забыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок,
Ты с крестником Ванюшкою шалила?
Постой, о всем узнает муженек!»
— «Тебе ль грозить! — Марфушка отвечает: —
Ванюша — что? Ведь он еще дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день, и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
А всякого словами разобидишь;
. . . . . соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».

Я сам в себе уверен,
Я умник из глупцов,
Я маленький Каверин,
Лицейский Молоствов.

COUPLETS

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir,
On attend le moment de dire:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais tête-à-tête avec sa belle,
Ou bien avec des gens d'esprit,
Le vrai bonheur se renouvelle,
On est content, l'on chante, on rit.
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Amis, la vie est un passage
Et tout s'écoule avec le temps,
L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tôt il fuit, riant sous cape—
C'est pour toujours, adieu l'Espoir!
On ne dit pas dès qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va *lá-haut.*
Souvent—le cas n'est pas si rare—
Hasard nous sauve du tombeau.

Des maux s'éloignent les cohortes
Et le squelette horrible et noir
S'en va frappant à d'autres portes:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

Mais quoi? je sens que je me lasse
En lassant mes chers auditeurs,
Allons, je descends du Parnasse—
Il n'est pas fait pour les chanteurs,
Pour des couplets mon feu s'allume,
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez—adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

ЛЮБОПЫТНЫЙ

— Что ж нового? «Ей-богу, ничего».
— Эй, не хитри: ты, верно, что-то знаешь.
Не стыдно ли, от друга своего,
Как от врага, ты вечно всё скрываешь.
Иль ты сердит: помилуй, брат, за что?
Не будь упрям: скажи ты мне хоть слово...
«Ох, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дурак, да это уж не ново».

«Больны вы, дядюшка? Нет мочи,
Как беспокоюсь я! три ночи,
Поверьте, глаз я не смыкал».
— «Да, слышал, слышал: в банк играл».

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ

С благоговейною душой
Приближься, путник молодой,
Любви к пустынному приюту.
Здесь ею счастлив был я раз —
В восторге сладостном погас,
И время самое для нас
Остановилось на минуту.

Вот Виля — он любовью дышит,
    Он песни пишет зло,
Как Геркулес, сатиры пишет,
    Влюблен, как Буало.

НА гр. А. К. РАЗУМОВСКОГО

— Ах! боже мой, какую
Я слышал весть смешную:
Разумник получил ведь ленту голубую.
— Бог с ним! я недруг никому:
Дай бог и царствие небесное ему.

НА БАБОЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ

Прекрасная! пускай восторгом насладится
В объятиях твоих российский полубог.
    Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его — здесь у твоих он ног.

Пожарский, Минин, Гермоген,
или Спасенная Россия.
Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые.

ЭПИГРАММА
НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА

Покойник Клит в раю не будет:
Творил он тяжкие грехи.
Пусть бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

ПОРТРЕТ

Вот карапузик наш, монах,
    Поэт, писец и воин;
Всегда, за всё, во всех местах,
    Крапивы он достоин:
С Мартыном поп он записной,
    С Фроловым математик;
Вступает Энгельгардт-герой —
    И вмиг он дипломатик.

СРАВНЕНИЕ

Не хочешь ли узнать, моя драгая,
Какая разница меж Буало и мной?
У Депрео была лишь   ,
А у меня : с   ,

ТВОЙ И МОЙ

Бог весть, за что философы, пииты
На *твой* и *мой* давным-давно сердиты.
Не спорю я с ученой их толпой,
Но и бранить причины не имею
То, что дарит мне радость и покой,
Что, ежели б ты не была *моею?*
Что, ежели б я не был, Ниса, *твой?*

Тошней идиллии и холодней, чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт —
Как страшно над тобой забавилась природа,
    Когда готовила на свет.
Боишься ты людей, как черного недуга,
О жалкий образец уродливой мечты!
Утешься, злой глупец! иметь не будешь ты
    Век ни любовницы, ни друга.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(ЛИЦЕЙСКИЙ ПЕРИОД)

КУПЛЕТЫ

НА СЛОВА «НИКАК НЕЛЬЗЯ — НУ ТАК И БЫТЬ»

Я прав, он виноват; решите,
Петра вот Первого указ,
Экстракт и опись и приказ,
В мою вы пользу рассудите,
Почтенный господин судья?—
— Никак нельзя!

Прикажете ль лошадок вятских
Четверку вам в конюшню свесть?
— Постойте... кажется мне... есть
Статья... да нет, ведь то в сенатских;
Но, чтобы вас не погубить,
Ну так и быть.

Клит малый добрый, не деритесь,
Он вас обидеть не хотел
И сделать этого б не смел.
За что вам драться? помиритесь,—
Дамону говорят друзья.
— Никак нельзя!

Но Клит идет, идет не струся,
Дугой согнулся страшный ус.
Он с саблей — тут притих мой трус.
— По вашей просьбе помирюся,
И впрямь, за что его убить?
Ну так и быть.

КУПЛЕТЫ

НА СЛОВА «С ПОЗВОЛЕНИЯ СКАЗАТЬ»

С позволения сказать,
Я сердит на вас ужасно,
Нет!— вы просите напрасно;
Не хочу пера марать;
Можно ль честному поэту
Ставить к каждому куплету:
«С позволения сказать»?

С позволения сказать...
Престарелые красотки,
Пересчитывая четки,
Станут взапуски кричать:
«Это что?» — Да это скверно!
Сочинитель песни верно,
С позволения сказать...

С позволения сказать,
Есть над чем и посмеяться;
Надо всем, друзья, признаться,
Глупых можно тьму сыскать
Между дам и между нами,
Даже, даже... меж царями,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Доктор мой кнута достоин.
Хоть он трус, хоть он не воин,
Но уж мастер воевать,
Лечит делом и словами,
Да потом и в гроб пинками,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Моськина, по мне, прекрасна.
Знаю, что она опасна:
Мужу хочется бодать;
Но гусары ведь невинны,
Что у мужа роги длинны,
С позволения сказать.

С позволения сказать,
Много в свете рифмодеев,
Всё ученых грамотеев,
Чтобы всякий вздор писать;
Но, в пример и страх Европы,
Многим можно б высечь...
С позволения сказать.

«МОЛИТВА РУССКИХ»

Боже! царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли.
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Всё ниспошли.

Там — громкой славою,
Сильной державою
Мир он покрыл.
Здесь безмятежною
Сенью надежною,
Благостью нежною
Нас осенил.

Брани в ужасный час
Мощно хранила нас
Верная длань.
Глас умиления,
Благодарения,
Сердца стремления —
Вот наша дань.

НОЭЛЬ
НА ЛЕЙБ-ГУСАРСКИЙ ПОЛК [1]

В конюшнях Левашова
Рождается Христос.
Звезда сияет снова,
Всё с шумом понеслось.
. . . .
Иосиф отпер ворота:
«. . . . . потише, господа,
Ведь вы здесь не в харчевне».

Христос спросил косого:
. . . .
. . . .
«Из Голубцовых я!»
...вскричал Спаситель удивленный:
«. . . . . его обнять готов,
Он мне сказал: „я из глупцов“,
Вот малый откровенный».

. . . .
. . . .
Изрек, хлыстом махая,
Полковник филантроп.
. . . .

Я славной Пукаловой друг
. . . — хоть тысячи услуг.
. . . .

---

[1] *Многоточиями обозначен несохранившийся текст.— Ред.*

Вдруг сабля застучала,
Сияет аксельбант,
Лихого генерала
Вбегает адъютант.
«. . . . — мой генерал доволен.
Что, здесь . . . . Христос живет?
. . . . а сам он не придет,
От дев немного болен».

СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕРИОДА

1817—1820

1817 (после Лицея)

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если бы не было на свете
Новоржева моего.

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

К ОГАРЕВОЙ,

КОТОРОЙ МИТРОПОЛИТ ПРИСЛАЛ ПЛОДОВ ИЗ СВОЕГО САДА

Митрополит, хвастун бесстыдный,
Тебе прислав своих плодов,
Хотел уверить нас, как видно,
Что сам он бог своих садов.

Возможно всё тебе — харита
Улыбкой дряхлость победит,
С ума сведет митрополита
И пыл желаний в нем родит.

И он, твой встретив взор волшебный,
Забудет о своем кресте
И нежно станет петь молебны
Твоей небесной красоте.

ТУРГЕНЕВУ

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И езуитов, и глупцов,
И лености моей бесплодной,
Всегда беспечной и свободной,
Подруги благотворных снов!
К чему смеяться надо мною,
Когда я слабою рукою
На лире с трепетом брожу
И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах незвонких нахожу?
Душой предавшись наслажденью,
Я сладко, сладко задремал.
Один лишь ты с глубокой ленью
К трудам охоту сочетал;
Один лишь ты, любовник страстный
И Соломирской, и креста *,
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа.
На свадьбах и в Библейской зале,
Среди веселий и забот,
Роняешь Лунину на бале,
Подъемлешь трепетных сирот;
Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе

---

* Креста, сиречь не Анненского и не Владимирского — а *честнаго* и животворящаго.

И спишь у графа де-Лаваль;
Носяя мучительное бремя
Пустых иль тяжких должностей,
Один лишь ты находишь время
Смеяться лености моей.

Не вызывай меня ты боле
К навек оставленным трудам,
Ни к поэтической неволе,
Ни к обработанным стихам.
Что нужды, если и с ошибкой
И слабо иногда пою?
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит!
А труд и холоден и пуст;
Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

К***

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё подъемлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой* —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

К НЕЙ

В печальной праздности я лиру забывал,
Воображение в мечтах не разгоралось,
С дарами юности мой гений отлетал,
И сердце медленно хладело, закрывалось.
Вас вновь я призывал, о дни моей весны,
Вы, пролетевшие под сенью тишины,
Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной,
Когда, поэзии поклонник безмятежный,
На лире счастливой я тихо воспевал
Волнение любви, уныние разлуки —
  И гул дубрав горам передавал
    Мои задумчивые звуки...

Напрасно! Я влачил постыдной лени груз,
В дремоту хладную невольно погружался,
Бежал от радостей, бежал от милых муз
И — слезы на глазах — со славою прощался!
    Но вдруг, как молнии стрела,
    Зажглась в увядшем сердце младость,
    Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал;
  Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
    Сильней пленяла добродетель...
    Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
    Несу к твоим ногам!..

ВОЛЬНОСТЬ

ОДА

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного Галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой

Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавных
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает

Вольность
Ода.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая Царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза Царей
Свободы гордая пѣвица? —
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру —
Хочу воспѣть Свободу миру
На тронахъ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородной слѣдъ
Того возвышенного Галла
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлыя внушала.
Питомцы вѣтреной Судьбы,
Тираны мiра! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Возстаньте, падшiе рабы!

Увы! куда ни брошу взоръ
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельной позоръ
Неволи немощныя слезы;
Вездѣ неправедная Власть
Въ сгущенной мглѣ предразсуждений
Возсѣла — Рабства грозный Генiй
И Славы роковая страсть.

БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ. 1817 Г.

ОДА «ВОЛЬНОСТЬ».
Фрагмент списка стихотворения из архива братьев Тургеневых.

И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Кн. ГОЛИЦЫНОЙ

ПОСЫЛАЯ ЕЙ ОДУ «ВОЛЬНОСТЬ»

Простой воспитанник природы,
Так я, бывало, воспевал
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышал.
Но вас я вижу, вам внимаю,
И что же?.. слабый человек!..
Свободу потеряв навек,
Неволю сердцем обожаю.

КРИВЦОВУ

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим венок,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд —
И толпою наши тени
К тихой Лете убегут.
Смертный миг наш будет светел;
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.

Орлов с Истоминой в постеле
В убогой наготе лежал.
Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: «Позволь увидеть,
. . . .

Не угрожай ленивцу молодому.
Безвременной кончины я не жду.
В венке любви к приюту гробовому
Не думав ни о чем, без ропота иду.
Я мало жил, я наслаждался мало...
Но иногда цветы веселья рвал —
Я жизни видел лишь начало
. . . .

*
* *

Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!

Где славил наш Тиртей кисель и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра...

. . . . в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розгами в руке.

1818

ТОРЖЕСТВО ВАКХА

Откуда чудный шум, неистовые клики?
Кого, куда зовут и бубны и тимпан?
Что значат радостные лики
И песни поселян?
В их круге светлая свобода
Прияла праздничный венок.
Но двинулись толпы народа...
Он приближается... Вот он, вот сильный бог!
Вот Бахус мирный, вечно юный!
Вот он, вот Индии герой!
О радость! Полные тобой
Дрожат, готовы грянуть струны
Не лицемерною хвалой!..

Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!
Вот он, вот Вакх! О час отрадный!
Державный тирс в его руках;
Венец желтеет виноградный
В чернокудрявых волосах...
Течет. Его младые тигры
С покорной яростью влекут;
Кругом летят эроты, игры —
И гимны в честь ему поют.
За ним теснится козлоногий
И фавнов и сатиров рой,
Плющом опутаны их роги;
Бегут смятенною толпой
Вослед за быстрой колесницей,

Кто с тростниковою цевницей,
Кто с верной кружкою своей;
Тот, оступившись, упадает
И бархатный ковер полей
Вином багровым обливает
При диком хохоте друзей.
Там дале вижу дивный ход!
Звучат веселые тимпаны;
Младые нимфы и сильваны,
Составя шумный хоровод,
Несут недвижного Силена...
Вино струится, брызжет пена,
И розы сыплются кругом;
Несут за спящим стариком
И тирс, символ победы мирной,
И кубок тяжко-золотой,
Венчанный крышкою сапфирной,—
Подарок Вакха дорогой.

Но воет берег отдаленный.
Власы раскинув по плечам,
Венчанны гроздьем, обнаженны,
Бегут вакханки по горам.
Тимпаны звонкие, кружась меж их перстами,
Гремят — и вторят их ужасным голосам.
Промчалися, летят, свиваются руками,
Волшебной пляской топчут луг,
И младость пылкая толпами
Стекается вокруг.
Поют неистовые девы;
Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат вожделеньем;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастие лови!
Их вдохновенные движенья
Сперва изображают нам
Стыдливость милого смятенья,
Желанье робкое — а там
Восторг и дерзость наслажденья.
Но вот рассыпались — по холмам и полям;
Махая тирсами, несутся;
Уж издали их вопли раздаются,

И гул им вторит по лесам:
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Друзья, в сей день благословенный
Забвенью бросим суеты!
Теки, вино, струею пенной
В честь Вакха, муз и красоты!
Эван, эвое! Дайте чаши!
Несите свежие венцы!
Невольники, где тирсы наши?
Бежим на мирный бой, отважные бойцы!

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебе дарит
На скучный путь и на разлуку
Святую библию харит?
Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости младой.
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреец мой!
Останься век, каков ты ныне,
Лети во мрачный Альбион!
Да сохранят тебя в чужбине
Христос и верный Купидон!
Неси в чужой предел пената,
Но, помня прежни дни свои,
Люби недевственного брата,
Страдальца чувственной любви!

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Тебя ль я видел, милый друг?
Или неверное то было сновиденье,
Мечтанье смутное, и пламенный недуг
Обманом волновал мое воображенье?
В минуты мрачные болезни роковой
Ты ль, дева нежная, стояла надо мной
В одежде воина с неловкостью приятной?
Так, видел я тебя; мой тусклый взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой ратной:
И слабым шёпотом подругу я назвал...
Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы,
Я слабою рукой искал тебя во мгле...
И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцелуй на пламенном челе...
Бессмертные! с каким волненьем
Желанья, жизни огнь по сердцу пробежал!
Я закипел, затрепетал...
И скрылась ты прелестным привиденьем!
Жестокий друг! меня томишь ты упоеньем:
Приди, меня мертвит любовь!
В молчанье благосклонной ночи
Явись, волшебница! пускай увижу вновь
Под грозным кивером твои небесны очи,
И плащ, и пояс боевой,
И бранной обувью украшенные ноги...
Не медли, поспешай, прелестный воин мой,
Приди, я жду тебя: здоровья дар благой
Мне снова ниспослали боги,
А с ним и сладкие тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

ЖУКОВСКОМУ

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленах лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе,—
Ты прав, творишь ты *для немногих,*
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным.

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

НА КАЧЕНОВСКОГО

Бессмертною рукой раздавленный зоил,
Позорного клейма ты вновь не заслужил!
Бесчестью твоему нужна ли перемена?
Наш Тацит на тебя захочет ли взглянуть?
Уймись — и прежним ты стихом доволен будь,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!

МЕЧТАТЕЛЮ

Ты в страсти горестной находишь наслажденье;
Тебе приятно слезы лить,
Напрасным пламенем томить воображенье
И в сердце тихое уныние таить.
Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы тебя, унылых чувств искатель,
Постигло страшное безумие любви;
Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;
Когда бы в долгие часы бессонной ночи,
На ложе, медленно терзаемый тоской,
Ты звал обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркие рыдая обнимал
И сохнул в бешенстве бесплодного желанья,—
Поверь, тогда б ты не питал
Неблагодарного мечтанья!
Нет, нет: в слезах упав к ногам
Своей любовницы надменной,
Дрожащий, бледный, исступленный,
Тогда б воскликнул ты к богам:
«Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,
Возьмите от меня сей образ роковой;
Довольно я любил; отдайте мне покой...».
Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

К Н. Я. ПЛЮСКОВОЙ

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Кастилийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

ЭПИГРАММА

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
  Необходимость самовластья
    И прелести кнута.

СКАЗКИ

NOËL

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспóт.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя стращает:
«Не плачь, дитя, не плачь, судáрь:
Вот бука, бука — русский царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал —
И делом не замучен.

Узнай еще в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи,
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Распрыгалось дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши как царь-отец
Рассказывает сказки».

ПРЕЛЕСТНИЦЕ

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалять
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет...
Невольный хлад негодованья
Тебе мой роковой ответ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владел во тьме ночной?
Скажи: у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?
Нет, нет, другому свой завялый
Неси, прелестница, венок;
Ласкай неопытный порок,
В твоих объятиях усталый;
Но гордый замысел забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья,
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

ОТРЫВКИ

*
*   *

Могущий бог садов — паду перед тобой,
Приап, ты, коему всё жертвует в природе,
Твой лик уродливый поставил я с мольбой
  В моем смиренном огороде,
Не с тем, чтоб удалял ты своенравных коз
И птичек от плодов и нежных и незрелых,
Тебя украсил я венком из диких роз
  При пляске поселян веселых
  . . . .

*
*   *

O Zauberei der erften Liebe!..
Wieland

Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень.
И для меня воскресла радость,
И душу взволновали вновь
Моя потерянная младость,
Тоски мучительная сладость
И сердца первая любовь.

Любовник муз уединенный,
В сени пленительных дубрав,
Я был свидетель умиленный
Ее младенческих забав.
Она цвела передо мною,

И я чудесной красоты
Уже отгадывал мечтою
Еще неясные черты,
И мысль об ней одушевила
Моей цевницы первый звук
И тайне сердце научила.
. . . .

К***

Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный,
Без томной робости твой ловит светлый взор,
Движенья милые, игривый разговор
И след улыбки незабвенной.

*
* *

И я слыхал, что божий свет
Единой дружбою прекрасен,
Что без нее отрады нет,
Что жизни б путь нам был ужасен.
Когда б не тихой дружбы свет.
Но слушай — чувство есть другое:
Оно и нежит и томит,
В трудах, заботах и в покое
Всегда не дремлет и горит;
Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит,
Коль язвы тяжкой и глубокой
Елей надежды не живит...
Вот страсть, которой я сгораю!..
Я вяну, гибну в цвете лет,
Но исцелиться не желаю...

*
* *

Как сладостно!.. но, боги, как опасно
Тебе внимать, твой видеть милый взор!..
Забуду ли улыбку, взор прекрасный
И огненный, волшебный разговор!
Волшебница, зачем тебя я видел —
Узнав тебя, блаженство я познал —
И счастие мое возненавидел.

*
* *

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если это проза,
Да и дурная?..

КОЛОСОВОЙ

О ты, надежда нашей сцены!
Уж всюду торжества готовятся твои,
На пышных играх Мельпомены,
У тихих алтарей любви.
Когда явилась ты пред нами
. . . . в первый раз

1819

НА СТУРДЗУ

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу.

О. МАССОН

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Как же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцелуем сладострастья
Ты, тревожа сердце в нас,
Соблазнительного счастья
Назначаешь тайный час.
Мы с горячкою любовной
Прибегаем в час условный,
В дверь стучим — но в сотый раз
Слышим твой коварный шёпот,
И служанки сонный ропот,
И насмешливый отказ.

Ради резвого разврата,
Приапических затей,
Ради неги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш влюбленный плач —
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам наверное назначь.

ДОРИДА

В Дориде нравятся и локоны златые,
И бледное лицо, и очи голубые.
Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

N. N.

(В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ)

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый — но живой;
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.
Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном сентября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

ОРЛОВУ

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный;
О ты, который с каждым днем
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку;
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача,—
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.
Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,

Или холма на злачном скате
В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов,
И буду ждать.— Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей
И брани громкий вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенный Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены
Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

К ЩЕРБИНИНУ

Житье тому, любезный друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен;
Кто Наденьку, под вечерок,
За тайным ужином ласкает
И жирный страсбургский пирог
Вином душистым запивает;
Кто, удалив заботы прочь,
Как верный сын пафосской веры,
Проводит набожную ночь
С младой монашенкой Цитеры.
Поутру сладко дремлет он,
Читая листик «Инвалида»;
Весь день веселью посвящен,
А в ночь — вновь царствует Киприда.

И мы не так ли дни ведем,
Щербинин, резвый друг забавы,
С Амуром, шалостью, вином,
Покамест молоды и здравы?
Но дни младые пролетят,
Веселье, нега нас покинут,
Желаньям чувства изменят,
Сердца иссохнут и остынут.
Тогда — без песен, без подруг,
Без наслаждений, без желаний —
Найдем отраду, милый друг,
В туманном сне воспоминаний!
Тогда, качая головой,
Скажу тебе у двери гроба:
«Ты помнишь Фанни, милый мой?»
И тихо улыбнемся оба.

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
        На лоне счастья и забвенья.
Я твой — я променял порочный двор Цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

        Я твой — люблю сей темный сад
        С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
        Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
    Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в Истине блаженство находить,
Свободною душой Закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой Мольбе
        И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
        В уединенье величавом

Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде Невежества убийственный Позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное Судьбой,
Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого Владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой Витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная Заря?

ДОМОВОМУ

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

РУСАЛКА

Над озером, в глухих дубровах
Спасался некогда монах,
Всегда в занятиях суровых,
В посте, молитве и трудах.
Уже лопаткою смиренной
Себе могилу старец рыл —
И лишь о смерти вожделенной
Святых угодников молил.

Однажды летом у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорет молился богу.
Дубравы делались черней;
Туман над озером дымился,
И красный месяц в облаках
Тихонько по небу катился.
На воды стал глядеть монах.

Глядит, невольно страха полный;
Не может сам себя понять...
И видит: закипели волны
И присмирели вдруг опять...
И вдруг.. легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у брегов.

Глядит на старого монаха
И чешет влажные власы.
Святой монах дрожит со страха
И смотрит на ее красы.

Она манит его рукою,
Кивает быстро головой...
И вдруг — падучею звездою —
Под сонной скрылася волной.

Всю ночь не спал старик угрюмый
И не молился целый день —
Перед собой с невольной думой
Всё видел чудной девы тень.
Дубравы вновь оделись тьмою:
Пошла по облакам луна,
И снова дева над водою
Сидит, прелестна и бледна.

Глядит, кивает головою,
Целует издали шутя,
Играет, плещется волною,
Хохочет, плачет, как дитя,
Зовет монаха, нежно стонет...
«Монах, монах! Ко мне, ко мне!..»
И вдруг в волнах прозрачных тонет;
И всё в глубокой тишине.

На третий день отшельник страстный
Близ очарованных брегов
Сидел и девы ждал прекрасной,
А тень ложилась средь дубров...
Заря прогнала тьму ночную:
Монаха не нашли нигде,
И только бороду седую
Мальчишки видели в воде.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА

Чья мысль восторгом угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сии небесные черты?

Ты гений!.. Но любви страданья
Его сразили. Взор немой
Вперил он на свое созданье
И гаснет пламенной душой.

УЕДИНЕНИЕ

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд,
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости творца,
От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала.

ВЕСЕЛЫЙ ПИР

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *пей!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

ВСЕВОЛОЖСКОМУ

Прости, счастливый сын пиров,
Балованный дитя свободы!
Итак, от наших берегов,
От мертвой области рабов,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь в мирную Москву,
Где наслажденьям знают цену,
Беспечно дремлют наяву
И в жизни любят перемену.
В сей азиатской стороне,
Нас уверяют, жизнь игрушка!
В почтенной кичке, в шушуне
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное безделье,
Жеманство в тонких кружевах
И глупость в золотых очках,
И тяжкой знатности веселье,
И скуку с картами в руках.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмеешься под рукой;
Но вскоре, верный обожатель
Забав и лени золотой,
Держася моего совета
И волю всей душой любя,
Оставишь круг большого света

И жить решишься для себя.
Уже в приюте отдаленном
Я вижу мысленно тебя:
Кипит в бокале опененном
Аи холодная струя;
В густом дыму ленивых трубок,
В халатах, новые друзья
Шумят и пьют; задорный кубок
Обходит их безумный круг,
И мчится в радостях досуг;
А там египетские девы
Летают, вьются пред тобой;
Я слышу звонкие напевы,
Стон неги, вопли, дикий вой;
Их исступленные движенья,
Огонь неистовых очей
И всё, мой друг, в душе твоей
Рождает трепет упоенья...
Но вспомни, милый: здесь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхает пленница младая;
Весь день уныла и томна,
В своей задумчивости сладкой
Тихонько плачет под окном
От грозных аргусов украдкой
И смотрит на пустынный дом,
Где мы так часто пировали
С Кипридой, Вакхом и тобой,
Куда с надеждой и тоской
Ее желанья улетали.
О, скоро ль милого найдут
Ее потупленные взоры,
И пред любовью упадут
Замков ревнивые затворы?

А наш осиротелый круг,
Товарищ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый друг?
Душа вослед тебе стремится.
Где б ни был ты, возьми венок
Из рук младого сладострастья
И докажи, что ты знаток
В неведомой науке счастья.

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Хранитель милых чувств и прошлых насла-
жденпй,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Другой пускай поет героев и войну,
Я скромно возлюбил живую тишину,
И, чуждый призраку блистательному славы,
Вам, Царского Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестный музы друг
И песни мирные и сладостный досуг.

Там у леска, за ближнею долиной,
Где весело теченье светлых струй,
Младой Эдвин прощался там с Алиной;
Я слышал их последний поцелуй.

Взошла луна — Алина там сидела,
И тягостно ее дышала грудь.
Взошла заря — Алина всё глядела
Сквозь белый пар на опустелый путь.

Там у ручья, под ивою прощальной,
Соседних сёл пастух ее видал,
Когда к ручью волынкою печальной
В полдневный жар он стадо созывал.

Прошли года — другой уж в половине;
И вижу я — вдали Эдвин идет.
Он шел грустя к дубраве по долине,
Где весело теченье светлых вод.

Глядит Эдвин — под ивою, где с милой
Прощался он, стоит святой чернец,
Поставлен крест над новою могилой,
И на кресте завялых роз венец.

И в нем душа стеснилась вдруг от страха.
Кто здесь сокрыт?— Читает надпись он —
Главой поник... упал к ногам монаха,
И слышал я его последний стон...

ПЛАТОНИЗМ

Я знаю, Лидинька, мой друг,
Кому задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досуг,
Кому ты жертвуешь — украдкой
От подозрительных подруг.
Тебя страшит проказник милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебе несносен Гименей.
Ты молишься другому богу,
Своей покорствуя судьбе;
Восторги нежные к тебе
Нашли пустынную дорогу.
Я понял слабый жар очей,
Я понял взор полузакрытый,
И побледневшие ланиты,
И томность поступи твоей...
Твой бог не полною отрадой
Своих поклонников дарит;
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожит;
Он любит сны воображенья,
Он терпит на дверях замок,
Он друг стыдливый наслажденья,
Он брат любви, но одинок.
Когда бессонницей унылой
Во тьме ночной томишься ты,
Он оживляет тайной силой
Твои неясные мечты,
Вздыхает нежно с бедной Лидой
И гонит тихою рукой

И сны, внушенные Капридой,
И сладкий, девственный покой.
В уединенном упоенье
Ты мыслишь обмануть любовь.
Напрасно!— в самом наслажденье
Тоскуешь и томишься вновь...
Амур ужели не заглянет
В неосвященный свой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступные мечты:
Не вечно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты.

ЗАПИСКА К ЖУКОВСКОМУ

Раевский, *молоденец* прежний,
А там уже *отважный сын,*
И Пушкин, школьник неприлежный
Парнасских девственниц-богинь,
К тебе, Жуковский, заезжали,
Но, к неописанной печали,
Поэта дома не нашли —
И, увенчавшись кипарисом,
С французской повестью *Борисом*
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведет Жуковского со мной?
Скажи — не будешь ли сегодня
С Карамзиным, с Карамзиной?
На всякий случай — ожидаю,
Тронися просьбою моей,
Тебя зовет на чашку чаю
Раевский — *слава наших дней.*

СТАНСЫ ТОЛСТОМУ

Философ ранний, ты бежишь
Пиров и наслаждений жизни,
На игры младости глядишь
С молчаньем хладным укоризны.

Ты милые забавы света
На грусть и скуку променял
И на лампаду Эпиктета —
Златой Горациев фиал.

Поверь, мой друг, она придет,
Пора унылых сожалений,
Холодной истины забот
И бесполезных размышлений.

Зевес, балуя смертных чад,
Всем возрастам дает игрушки:
Над сединами не гремят
Безумства резвые гремушки.

Ах, младость не приходит вновь!
Зови же сладкое безделье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмелье!

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит.
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

ПОСЛАНИЕ К кн. ГОРЧАКОВУ

Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель,
Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг;
Как ты, мой друг, в неопытные лета,
Опасною прельщенный суетой,
Терял я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорел в чаду большого света
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мне во сто крат милее
Младых повес счастливая семья,
Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее,
И где мы все — прекрасного друзья,
Чем вялые, бездушные собранья,
Где ум хранит невольное молчанье,
Где холодом сердца поражены,
Где Бутурлин — невежд законодатель,
Где Шеппинг — царь, а скука — председатель,
Где глупостью единой все равны.
Я помню их, детей самолюбивых,
Злых без ума, без гордости спесивых,
И, разглядев тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал!..
Когда в кругу Лаис благочестивых
Затянутый невежда-генерал
Красавицам внимательным и сонным
С трудом острит французский мадригал,
Глядя на всех с нахальством благосклонным,
И все вокруг и дремлют и молчат,

Крутят усы и шпорами бренчат,
Да изредка с улыбкою зевают,—
Тогда, мой друг, забытых шалунов
Свобода, Вакх и музы угощают.
Не слышу я бывало — острых слов,
Политики смешного лепетанья,
Не вижу я изношенных глупцов,
Святых невежд, почетных подлецов
И мистики придворного кривлянья!..
И ты на миг оставь своих вельмож
И тесный круг друзей моих умножь,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
По-прежнему остряк небогомольный,
По-прежнему философ и шалун.

ЭЛЕГИЯ

Воспоминаньем упоенный,
С благоговеньем и тоской
Объемлю грозный мрамор твой,
Кагула памятник надменный.
Не смелый подвиг россиян,
Не слава, дар Екатерине,
Не задунайский великан
Меня воспламеняют ныне...
. . . .
. . . .

Лаиса, я люблю твой смелый, вольный взор,
Неутолимый жар, открытые желанья,
И непрерывные лобзанья,
И страсти полный разговор.
Люблю горящих уст я вызовы немые,
Восторги быстрые, живые
. . . .

Недавно тихим вечерком
Пришел гулять я в рощу нашу
И там у речки под дубком
Увидел спящую Наташу.
Вы знаете, мои друзья,
К Наташе . . . подкравшись, я
Поцеловал два раза смело,
Спокойно девица моя
Во сне вздохнула, покраснела;
Я дал и третий . . . .
Она проснуться не желала,
. . . .
И тут уже затрепетала.

27 МАЯ 1819

Веселый вечер в жизни нашей
Запомним, юные друзья;
Шампанского в стеклянной чаше
Шипела хладная струя.
Мы пили — и Венера с нами
Сидела прея за столом.
Когда ж вновь сядем вчетвером
С . . . ., вином и чубуками?

МАНСУРОВУ

Мансуров, закадышный друг,
  Надень венок терновый!
Вздохни — и рюмку выпей вдруг
  За здравие Крыловой.

Поверь, она верна тебе,
  Как девственница Ласси,
Она покорствует судьбе
  И госпоже Казасси.

Но скоро счастливой рукой
  Набойку школы скинет,
На бархат ляжет пред тобой
И . . . .

Позволь душе моей открыться пред тобою
И в дружбе сладостной отраду почерпнуть.
Скучая жизнию, томимый суетою,
Я жажду близ тебя, друг нежный, отдохнуть...
Ты помнишь, милая,— зарею наших лет,
Младенцы, мы любить умели...
Как быстро, быстро улетели
. . . .
В кругу чужих, в немилой стороне,
Я мало жил и наслаждался мало!
И дней моих печальное начало
Наскучило, давно постыло мне!
К чему мне жизнь? Я не рожден для счастья,
Я не рожден для дружбы, для забав.
. . . . избежав,
Я хладно пил из чаши сладострастья.

Нет, нет, напрасны ваши пени,
Я вас люблю, всё тот же я.
Дни наши, милые друзья,
Бегут, как утренние тени,
Как воды быстрого ручья.
Давно ли тайными судьбами
Нам жизни чаша подана!
Еще для нас она полна;
К ее краям прильнув устами,
Мы пьем восторги и любовь,
Для нас надежды, наслажденья,
. . . .
Для нас все новы заблужденья!
Мы наслаждаемся, цветем,
Но память ищет оживляться,
Но сердце . . . тихим сном
В минувшем любит забываться.

НА СТУРДЗУ

Вкруг я Стурдзы хожу,
Вкруг библического,
Я на Стурдзу гляжу
Монархического. [1]

---

[1] *Дальнейший текст неизвестен.— Ред.*

ЮРЬЕВУ

Здорово, Юрьев имепинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!
Сегодня для тебя пустынник
Осушит пенистый стакан.
Здорово, Юрьев именинник!
Здорово, Юрьев лейб-улан!

Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!
Для нас, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.
Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!

Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и . . . .
Где с громким смехом сладострастье
Ведет нас пьяных на постель.
Здорово, молодость и счастье,
Застольный кубок и . . . . . .

Всё призрак, суета,
  Всё дрянь и гадость;
Стакан и красота —
  Вот жизни радость.

  Любовь и вино
  Нам нужны равно;
  Без них человек
  Зевал бы весь век.

К ним лень еще прибавлю,
Лень с ими заодно;
Любовь я с нею славлю,
Она мне льет вино.

Напрасно, милый друг, я мыслил утаить
Обманутой души холодное волненье.
Ты поняла меня — проходит упоенье,
    Перестаю тебя любить...
Исчезли навсегда часы очарованья,
    Пора прекрасная прошла,
    Погасли юные желанья,
    Надежда в сердце умерла.

«Tien et mien,—dit Lafontaine,—
Du monde a rompu le lien».
Quant à moi, je n'en crois rien.
Que serait ce, ma Climène,
Si tu n'étais plus la *mienne*,
Si je n'étais plus le *tien*?

ОТРЫВКИ

*
*   *

Милый мой, сегодня
Бешеных повес
Ожидает сводня,
Вакх и Геркулес.
Бахус будет дома,
Приготовил он
Три бутылки рома
С бочкою . . . . .

*
*   *

За старые грехи наказанный судьбой,
Я стражду восемь дней, с лекарствами в желудке,
С Меркурием в крови, с раскаяньем в рассудке —
Я стражду — Эскулап ручается собой

*
*   *

ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ

В себе все блага заключая,
Ты наконец к ключам от рая
Привяжешь камергерский ключ.

*
* *

Так точно! Это он! не правда ль!
Сходнее нет . . . .

*
* *

Под шляпой с розами . . . .
И грудь открытая, и эти кружева,
И на одно плечо накинутая шаль.

*
* *

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

Красноречивый забияка,
Повеса, пламенный поэт

*
* *

Ты мне велишь открыться пред тобою —
Незнаемый, дерзал я обожать,
Но страсть одна повелевала мною

*
* *

Оставь, о Лезбия, лампаду
Близ ложа тихого любви.

БАЛЛАДА

Что ты, девица, грустна,
  Молча присмирела,
Хоровод забыв, одна
  В уголку присела?
«Именинницу, друзья,
  Нечем позабавить.
Думала в балладе я
  Счастье наше славить.
Но Жуковский наш заснул,
  Гнедич заговелся,
Пушкин бесом ускользнул,
  А Крылов объелся».

Вот в гостиной стол накрыт —
  Поскорее сядем,
В рюмках пена закипит
  И балладу сладим;
Вот и слажена она —
  Нужны ли поэты?—
Рюмки высушив до дна,
  Скажем: многи леты
Той, которую друзьям
  Век любить не поздно!
Многи лета также нам,
  Только с ней не розно.

1820 (Петербург)

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

НА КОЛОСОВУ

Всё пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любови,
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И огромная нога!

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей.
Во цвете лет свободы верный воин,
Перед собой кто смерти не видал,
Тот полного веселья не вкушал
И милых жен лобзаний не достоин.

ОТРЫВКИ

*
*   *

Жуковский . . . .
. . . .
Как ты шалишь и как ты мил,
Тебя хвалить, тебя порочить

*
*   *

Когда в листах воспоминанья
Увидишь ты сии черты —
Воспомни . . . .

1817 — 1820

ЛИЛЕ

Лила, Лила! я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смеешься надо мной.
Смейся, Лила: ты прекрасна
И бесчувственной красой.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА

Внимает он привычным ухом
Свист;
Марает он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает — и в Лету
Бух!

МАДРИГАЛ М...ОЙ

О вы, которые любовью не горели,
Взгляните на нее — узнаете любовь.
О вы, которые уж сердцем охладели,
Взгляните на нее: полюбите вы вновь.

ИМЕНИНЫ

Умножайте шум и радость;
Пойте песни в добрый час:
Дружба, Грация и Младость
Именинницы у нас.
Между тем дитя крылато,
Вас приветствуя, друзья,
Втайне думает: когда-то
Именинник буду я!

К. А. Б***

Что можем наскоро стихами молвить ей?
Мне истина всего дороже.
Подумать не успев, скажу: ты всех милей;
Подумав, я скажу всё то же.

В АЛЬБОМ СОСНИЦКОЙ

Вы съединить могли с холодностью сердечной
  Чудесный жар пленительных очей.
  Кто любит вас, тот очень глуп, конечно;
Но кто не любит вас, тот во сто раз глупей.

БАКУНИНОЙ

Напрасно воспевать мне ваши именины
При всем усердии послушности моей;
Вы не милее в день святой Екатерины
Затем, что никогда нельзя быть вас милей.

НА АРАКЧЕЕВА

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
. . . . . . грошевой солдат.

НА кн. А. Н. ГОЛИЦЫНА

Вот Хвостовой покровитель.
Вот холопская душа,
Просвещения губитель,
Покровитель Бантыша!
Напирайте, бога ради,
На него со всех сторон!
Не попробовать ли сзади?
Там всего слабее он.

НИМФОДОРЕ СЕМЕНОВОЙ

Желал бы быть твоим, Семенова, покровом,
Или собачкою постельною твоей,
Или поручиком Барковым,—
Ах он, поручик! ах, злодей!

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнию играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отымем
Всё, что отымется у ней.

ТЫ И Я

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян как маков цвет,
Я как смерть и тощ и бледен.
Не имея ввек забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.
Ешь ты сладко всякий день,
Тянешь вины на свободе,
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной,
Сажен за сто с чердака
За нуждой бегу известной.
Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,
Афедрон ты жирный свой
Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

ЗАПИСКА К ЖУКОВСКОМУ

Штабс-капитану, Гёте, Грею,
Томсону, Шиллеру привет!
Им поклониться честь имею,
Но сердцем истинно жалею,
Что никогда их дома нет.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ты прав — несносен Фирс ученый,
Педант надутый и мудреный —
Он важно судит обо всем,
Всего он знает понемногу.
Люблю тебя, сосед Пахом,—
Ты просто глуп, и слава богу.

К ПОРТРЕТУ ДЕЛЬВИГА

Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил,
Что коль судьбой ему даны б Нерон и Тит,
То не в Нерона меч, но в Тита сей вонзил —
Нерон же без него правдиву смерть узрит.

К ПОРТРЕТУ ЧААДАЕВА

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД)

Писать я не умею
(Я много уписал).

Я дружбой пламенею,
Я дружбе верен стал.

Мне дружба заменяет
Умершую любовь!
Пусть жизнь нам изменяет;
Что было — будет вновь.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Зачем, забывши славу,
Пускаешься в Варшаву?

Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной?

Но ты всё так же мил...
Всё мил — и неизменно
В душе твоей живет
Всё то, что в цвете лет
Столь было нам бесценно...

СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ
ПУШКИНУ

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche.

ДВУМ АЛЕКСАНДРАМ ПАВЛОВИЧАМ

Романов и Зернов лихой,
    Вы сходны меж собою:
Зернов! хромаешь ты ногой,
    Романов головою.
Но что, найду ль довольно сил
    Сравненье кончить шпицом?
Тот в кухне нос переломил,
    А тот под Австерлицом.

ГАРАЛЬ И ГАЛЬВИНА[1]

Взошла луна над дремлющим заливом,
В глухой туман окрестности легли;
Полночный ветр качает корабли
И в парусе шумит нетерпеливом.
Взойдет заря — далек их будет строй.
Остри свой меч, воитель молодой!

Где ты, Гараль? Печальная Гальвина
Ждет милого в пещерной темноте.
Спеши, Гараль, к унылой красоте!
Заря блеснет — и гордая дружина
Умчится вдаль, грозящая войной.
Где ты, где ты, воитель молодой?

Гальвина с ним. О, сколько слез печали,
И сколько слез восторгов и любви!
Но край небес бледнеет, и вдали
Редеет тень. Уж латы зазвучали;
Близка заря; несется шум глухой...
Что медлишь ты, воитель молодой?

Призывному Гальвина клику внемлет,
Тоски, надежд и робости полна,
Едва дыша, разлуки ждет она;
Но юноша на персях девы дремлет.
Призывы битв умолкли за горой,—
Не слышал их воитель молодой.

Уже суда покинуть брег готовы,
К ним юноши с веселием бегут;
Прощальну длань подругам подают;

Златой зари раскинулись покровы;
Но, утомлен любовью и тоской,
Покоится воитель молодой.

Пылает день. Он открывает очи.
Гальвина мнит ласкающей рукой
Сокрыть от глаз досадный свет дневной.
«Прости, пора! сокрылись тени ночи:
Спешу к мечам!» — воскликнул и стрелой
Летит на брег воитель молодой.

Но тихо всё, лишь у пустого брега
Подъемлется шумящая волна;
Лишь дева там, печальна и бледна,
И вдалеке плывут ладьи набега.
О, для чего печальной красотой
Пленялся ты, воитель молодой?

Она в слезах; в немой воитель думе.
«О милый друг! о жизнь души моей!
Что слава нам? что делать средь мечей?
Пускай другой несется в бранном шуме;
Но я твоя, ты вечно, вечно мой!..
Забудь войну, воитель молодой!»

Гараль молчал. Надменное ветрило
Его звало к брегам чужой земли;
Но с бурею так быстро корабли
Летели вдаль, и дева так уныло
Его влекла трепещущей рукой...
Всё, всё забыл воитель молодой!

И он у ног своей подруги нежной
Сказал: «Пускай гремят набег и брань:
Забыла меч ослабленная длань!»
Их дни слились в отраде безмятежной;
Лишь у брегов, терзаемых волной,
Дрожа, краснел воитель молодой.

Но быстро дни восторгов пролетели.
Бойцы плывут к брегам родной земли;
Сыны побед с добычей притекли,
И скальды им хваленья песнь воспели.

Тогда поник бесславною главой
На пиршествах воитель молодой.

Могучие наперсники судьбины
К ногам невест повергли меч и щит;
Кровавый меч героев не лежит
У ног одной оставленной Гальвины.
Красавица вздохнула,— и другой
Ее пленил воитель молодой.

С тех пор один бродил Гараль унылый;
Умолк его веселый прежде глас,
Лишь иногда в безмолвный ночи час,
Уединен, шептал он имя милой.
Война зажглась,— и встречи роковой
Пошел искать воитель молодой.

ИСПОВЕДЬ БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА

Священник.

Кто ты, мой сын?

Стихотворец.

Отец, я бедный однодворец,
Сперва подьячий был, а ныне стихотворец.
Довольно в целый год бумаги исчертил;
Пришел покаяться — я много нагрешил.

Священник.

Поближе; наперед скажи мне откровенно,
Намерен ли себя исправить непременно?

Стихотворец.

Отец, я духом слаб, не смею слово дать.

Священник.

Старался ль ты закон господний соблюдать
И, кроме вышнего, не чтить другого бога?

Стихотворец.

Ах, с этой стороны я грешен очень много;
Мне богом было — *я*, любви предметом — *я*,
В *я* заключалися и братья и друзья,
Лишь *я* был мой и царь и демон обладатель;
А что всего тошней, лишь *я* был мой читатель.

Священник.

Вторую заповедь исполнил ли, мой сын?

Стихотворец.

Кумиров у меня бывало не один:
Любил я золото и знатным поклонялся,
Во всякой песенке Глафирами пленялся,
Которых отроду хотя и не видал,
Но тем не менее безбожно обожал.

Священник.

А имя божие?

Стихотворец.

Когда недоставало
Иль рифмы иль стопы, то, признаюсь, бывало,
И имя божие вклею в упрямый стих.

Священник.

А часто ль?

Стихотворец.

Да во всех элегиях моих;
Ты можешь, батюшка, прочесть на каждой
строчке
«Увы!» и «се», и «ах», «мой бог!», тире да точки.

Священник.

Нехорошо, мой сын! А чтишь ли ты родных?

Стихотворец.

Немного; да к тому ж не знаю вовсе их,
Зато своих я чад люблю и чту душою.

Священник.

Как время проводил?

Стихотворец.

Я летом и зимою
Пять дней пишу, пишу, печатаю в шестой,
Чтоб с горем пополам насытиться в седьмой.
А в церковь некогда: в передней Глазунова
Я по три жду часа с лакеями Графова.

Священник.

Убийцей не был ли?

Стихотворец.

Ах, этому греху,
Отец, причастен я, покаюсь на духу.
Приятель мой Дамон лежал при смерти болен.
Я навестил его; он очень был доволен;
Желая бедному страдальцу угодить,
Я оду стал ему торжественно твердить.
И что же? Бедный друг! Он со строфы начальной
Поморщился, кряхтел... и умер.

Священник.

Не похвально.
Но вот уж грех прямой: да ты ж прелюбодей!
Твои стихи...

Стихотворец.

Все лгут, а на душе моей,
Ей-богу, я греха такого не имею;
По моде лишний грех взвалил себе на шею.
А правду вымолвить — я сущий Эпиктет,
Воды не замутишь, предобренький поэт.

Священник.

Да, лгать нехорошо. Скажи мне, бога ради:
Соблюл ли заповедь хоть эту: *не укради?*

Стихотворец.

Ах, батюшка, грешон! Я краду иногда!
(К тому приучены все наши господа),
Словцо из Коцебу, стих целый из Вольтера,
И даже у своих; не надобно примера.
Да как-же без того, бедняжкам, нам писать?
Как мало своего — придется занимать.

Священник.

Нехорошо, мой сын, на счет чужой лениться.
Советую тебе скорее отучиться
От этого греха. На друга своего
Не доносил ли ты и ложного чего?

Стихотворец.

Лукавый соблазнил. Я малый не богатый —
За деньги написал посланье длинновато,
В котором Мевия усердно утешал —

Он, батюшка, жену недавно потерял.
Я публике донес, что бедный горько тужит,
А он от радости молебны богу служит.

Священник.

Вперед не затевай, мой сын, таких проказ.
Завидовал ли ты?

Стихотворец.

Завидовал не раз,
Греха не утаю,— богатому соседу.
Хоть не ослу его, но жирному обеду
И бронзе, деревням и рыжей четверне,
Которых не иметь мне даже и во сне.
Завидовал купцу, беспечному монаху,
Глупцу, заснувшему без мыслей и без страху,
И, словом, всякому, кто только не поэт.

Священник.

Худого за собой не знаешь больше?

Стихотворец.

Нет,
Во всем покаялся, греха не вспомню боле,
Я вечно трезво жил, постился поневоле,
И ближним выгоду не раз я доставлял:
Частенько одами несчастных усыплял.

Священник.

Послушай же теперь полезного совета:
Будь добрый человек из грешного поэта.

ЦЕЛЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Любимец божества, природы старший сын,
Вещай, о человек! почто ты в свет родился?
На то ль, чтоб царь земли и света властелин
К постыдной цели век стремился?

На то ль, чтоб, огнь и меч прияв в строптиву
длань,
Он землю обагрял кровавою рекою,
С весельем адским нес народам смерть и брань
И царства попирал ногою?

На то ль, чтоб в роскоши без пользы дни влачил
И, в неге загрубев, скучая в пресыщенье,
Собою землю он напрасно тяготил,
В холодном мучась упоенье?

На то ль во глубине сибирских снежных гор
И злато и сребро рождаются покрыты,
Чтоб ими услаждал таинственный свой взор
Скупец, богатствами несытый?

Восстань, о сын небес! и, правдой озарен,
Порочное свое восчувствуй униженье,
Дерзай на небесах, восторгом окрилен,
Свое прочесть предназначенье!

Воззри: для мирных стад разостлан в поле дерн,
Орлам разверзнуты небесные равнины,
Воздвиглися скалы для быстроногих серн,
Для рыб изрылись вод пучины.

Но ты — природа вся тебе приносит дань:
И суша, и моря, и огнь тебе послушны,
Ты отражаешь гром, ты движешь океан,
Летаешь в пропасти воздушны.

Воззри: то солнца луч румянит небеса,
То в легких облаках плывет луна златая.
Рождается в полях весенняя краса,
Алеет роза молодая;

Таится под травой прохлада ручейка,
И в кистях виноград на холмах золотится,
И, тихо зыблемый дыханьем ветерка,
По нивам желтый клас струится.

Всё для тебя! Срывай блаженством жизни цвет,
Дарами вышнего спокойно наслаждаясь;
Сей мир не есть юдоль злосчастия и бед,
Счастливым будь, не заблуждаясь.

Всех благ источника вовек не забывай,
Чти правду и закон, содействуй благу света,—
Тогда без трепета оставишь тленья край
И в мгле померкнешь для рассвета!

ВИШНЯ

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки младые
Спешат к пастухам.

С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор.

Пастушка младая
На рынок спешит
И вдаль, припевая,
Прилежно глядит.

Румянец играет
На полных щеках,
Невинность блистает
На робких глазах.

Искусной рукою
Коса убрана,

И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетом прикрыта
Вся прелесть грудей,
Под фартуком скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходит
В вишенник густой
И много находит
Плодов пред собой.

Хоть вид их прекрасен
Красотку манит,
Но путь к ним опасен —
Бедняжку страшит.

Подумав, решилась
Сих вишен поесть,
За ветвь ухватилась
На дерево взлезть.

Уже достигает
Награды своей
И робко ступает
Ногой меж ветвей.

Бери плод рукою —
И вишня твоя,
Но, ах! что с тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрела,—
Спешит пастушок;
Нога ослабела,
Скользит башмачок.

И ветвь затрещала —
Беда, смерть грозит!
Пастушка упала,
Но, ах, какой вид.

Сучок преломленный
За платье задел;
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел.

Среди двух прелестных
Белей снегу ног,
На сгибах чудесных
Пастух то зреть мог,

Что скрыто до время
У всех милых дам,
За что из эдема
Был изгнан Адам.

Пастушку несчастну
С сучка тихо снял
И грудь свою страстну
К красотке прижал.

Вся кровь закипела
В двух пылких сердцах,
Любовь прилетела
На быстрых крылах.

Утеха страданий
Двух юных сердец,
В любви ожиданий
Супругам венец.

Прельщенный красою.
Младой пастушок
Горячей рукою
Коснулся до ног.

И вмиг зарезвился
Амур в их ногах;
Пастух очутился
На полных грудях.

И вишню румяну
В соку раздавил,
И соком багряным
Траву окропил.

ЗАВЕЩАНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Друзья, простите! Завещаю
Вам всё, чем рад и чем богат;
Обиды, песни — всё прощаю,
А мне пускай долги простят.

НА ЖЕНИТЬБУ ГЕНЕРАЛА Н. М. СИПЯГИНА

Убор супружеский пристало
Герою с лаврами носить,
Но, по несчастью, так их мало,
Что нечем даже плешь прикрыть.

НА АРАКЧЕЕВА

В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он.

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно* и тошно.

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

НАДЕНЬКЕ

С тобой приятно уделить
Часок, два, три уединенью:
Один желаньям посвятить,
А два последних наслажденью.

Она тогда ко мне придет,
Когда весь мир угомонится,
Когда всё доброе ложится
И всё недоброе встает.

ПРО СЕБЯ

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю —
Исполню ли? Бог весть!

К ПОРТРЕТУ МОЛОСТВОВА

Не большой он русский барин,
Дураком он не был ввек,
Он татарин, он татарин,
А не русский человек.

Всегда так будет, как бывало;
Таков издревле белый свет:
Ученых много — умных мало,
Знакомых тьма — а друга нет!

НА К. ДЕМБРОВСКОГО

Когда смотрюсь я в зеркала,
То вижу, кажется, Эзопа,
Но стань Дембровский у стекла,
Так вдруг покажется там . . . .

НА ГНЕДИЧА

С тобою в спор я не вступаю,
Что жесткое в стихах твоих встречаю;
Я руку наложил,
Погладил — занозил.

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ

(стр. 24).

После стиха «Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон» в рукописи:

«Постойте,— скажешь ты,— ведь я не однодворец;
Могу я быть богат, хотя я стихотворец».
Согласен — будь богат и ты, как тот поэт *,
Который, именем наполнив целый свет,
Развратной прозою, опасными стихами
Успешно торговал с голландскими купцами.
Но разве бедность лишь заставит слезы лить?
Иль зависть богача не смеет уязвить?
Что, если, вооружась шипящей клеветою,
Всечасно ползая повсюду за тобою,
Наполнит горечью всю чашу бытия,
Покроет мраком жизнь и ввергнет в гроб тебя?

---

* Вольтер.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ

(стр. 53).

В первоначальной редакции после стиха «Завидовать студентам» следовало:

Виват, наш дружеский союз!
  Виват, виват, студенты!
Ненадобны питомцу муз
  Ни золото, ни ленты;
Пускай с профессором седым
  Я в сутки час зеваю;
Зато с бокалом круговым
  Весь век не унываю.
Виват, веселья бог младой,
  Семелы сын румяный!
Виват и пестун твой седой!
  Виват... и всякий пьяный!

После стиха «И пить давайте снова!..»:

Друзья! приятен звон струны
  Средь радостной пирушки,
Где, влагой пенистой полны,
  Стучат веселья кружки.

К БАТЮШКОВУ

(стр. 64).

После стиха «Пера достойных твоего!» в рукописи:

Скажи по милости Графону,
Ползком ползущу к Геликону,
Чтоб перестал писать, писать
И бедных нас морить со скуки.
Скажи ему, что наши внуки
Не станут вздор его читать.
Всё, всё позволено поэту:
Скажи всему, коль хочешь, свету,
Что Висковатов невпопад,
Уродов выставя на сцену,
Визжать заставил Мельпомену;
Что Клит был добрый человек,
Тихонько проводил свой век,
Своим домком спокойно правил
И жил без горя, без забот,
Покамест не печатал од,
Где здравый смысл вверх дном поставил,
Где вы навидитесь всего,
Где все чудовища геенны —
На жертву агнцы обреченны...
Где нет лишь смысла одного;
Что с горя ныне иссыхает;
Что неуклюжий славянин,
Изменник ревностных дружин,
Варяжски песни затевает
Теперь на дудочке простой
И слогом древности седой
В деревню братьев приглашает.
Сошел с ума — и в пастухи!
Вот каково писать стихи!

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

(стр. 70).

В лицейской редакции после стиха «Плывет в сребристых облаках»:

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополом сплелась младая ива
И отразилася в кристалле зыбких вод;
Царицей средь полей лилея горделива
В роскошной красоте цветет.

После стиха «И благотворный мир земле» (стр. 74):

Достойный внук Екатерины!
Почто небесных аонид,
Как наших дней певец, славянской бард дружины,
Мой дух восторгом не горит?
О, если б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь! Тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.

К НАТАШЕ

(стр. 82).

Первоначально в стихотворении была еще одна строфа, заключительная:

Ах, Наташа, помни вечно
Нежности, любви закон:
Если радостью сердечной
Юности горит огонь,
То не трать ни полминуты!
Скоро, старостью согнуты,
Будем тихо мы бродить!
И тогда ли нам любить?

К ДЕЛЬВИГУ

(стр. 125).

В рукописи после стиха «Да я ж и виноват»:

Да ты же мне в досаду
(Что скажет белый свет?)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслед:
«Смотрите: вот поэт!..»

После стиха «Указывать перстом!»:

Когда б подобны были
Моим твои стихи,
То скоро б все забыли,
Что Пушкин за грехи
В поэзию влюбился,
Покою поклонился,
И ходит на Парнас,
И пишет в добрый час.

ОКНО

(стр. 175).

При обработке стихотворения Пушкин отбросил две первые строфы:

Где мир, одной мечте послушный?
Мне настоящий опустел!
На всё взираю равнодушно,
Дышать уныньем мой удел;
Напрасно летнею порою
Любовник рощиц и лугов
Колышет розой полевою,
Летя с тенистых берегов.

Напрасно поздняя зарница
Мерцает в темноте ночной,
Иль в зябких облаках денница
Разлита пламенной рекой,
Иль день багряный вечереет.
И тихо тускнет неба свод,
И клен на месяце белеет,
Склонясь на берег синих вод.

НАЕЗДНИКИ

(стр. 180).

В первоначальной редакции стихотворение имело следующее окончание, отброшенное при переработке:

Умолк — и мчится в бой кровавый.
Уже не возвратился он...
С его конем на поле славы
Его покрыл безвестный сон;
И утром юного поэта
Наездники в веселый час
За чашей дружного привета
В последний помянули раз.

ДРУЗЬЯМ

(стр. 192).

В первоначальной (лицейской) редакции стихотворение начиналось стихами:

Среди беседы вашей шумной
Один уныл и мрачен я...
На пир раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любил и я когда-то с вами
Под звон бокалов пировать
И гармонически стихами
Пиров веселье воспевать.
Но пролетел миг упоений,—
Я радость светлую забыл,
Меня печали мрачный гений
Крылами черными покрыл...
Не кличьте ж вы меня с собою
Под звон бокалов пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.

Конец этой редакции утрачен.

Во второй лицейской редакции стихотворение начиналось:

К чему, веселые друзья,
Мое тревожить вам молчанье?
Запев последнее прощанье,
Уж муза смолкнула моя;
Напрасно лиру брал я в руки
Брящать веселье на пирах
И на ослабленных струнах
Искал потерянные звуки...
Богами вам еще даны

и т. д.

ШИШКОВУ

(стр. 204).

Лицейская редакция:

Шалун, увенчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь в владения свои,
В поместье мирное меж Пиндом и Цитерой,
Где нежился Шолье с Мелецким и Парни?
Тебе, балованый питомец Аполлона,
С их пеньем соглашать игривую свирель:
Веселье резвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
И ныне, в юности прекрасной,
С тобою верные сопутницы твои.
Бряцай, о трубадур, на арфе сладострастной
Мечтанье раннее любви,
Пой сердца юного кипящее желанье,
Красавицы твоей упорство, трепетанье,
Со груди сорванный завистливый покров,
Стыдливости последнее роптанье
И страсти торжество на ложе из цветов,—
Пой, в неге устремив на деву томны очи,
Ее волшебные красы,
В объятиях любви утраченные ночи —
Блаженства быстрые часы...
Мой друг, *она* — твоя, *она* твоя награда,
Таинственной любви бесценная отрада!
Дерзну ль тебя я воспевать,
Когда гнетет меня страданье,
Когда на каждое мечтанье
Унынье черную кладет свою печать.
Нет, нет! Друзей любить открытою душою,
В молчанье чувствовать, пленяться красотою —

Вот жребий мой: ему я следовать готов,
Покорствую судьбам, но сжалься надо мною,
    Не требуй от меня стихов.
Не вечно нежиться в прелестном ослепленье,
Уж хладной истины докучный вижу свет.
По доброте души я верил в упоенье
Волшебнице-мечте, шепнувшей: ты поэт,—
И, презря мудрости угрозы и советы,
С небрежной легкостью нанизывал куплеты,
Игрушкою себя невинной веселил;
Угодник Бахуса, с веселыми друзьями,
Бывало, пел вино водяными стихами,
В дурных стихах дурных писателей бранил,
Иль дружбе плел венок — и дружество зевало
И сонные стихи впросонках величало,
И даже — каюсь я — пустынник согрешил,—
Я первой пел любви невинное начало,
Но так таинственно, с таким разбором слов,
        С такою скромностью стыдливой,
        Что, не краснея боязливо,
Меня бы выслушал и девственный Козлов.
Но скрылись от меня парнасские забавы!..
        Не долго был я усыплен,
Не долго снились мне мечтанья муз и славы,
Я строгим *опытом* невольно пробужден.
Уснув меж розами, на тернах я проснулся,
Увидел, что еще не гения печать —
Охота смертная на рифмах лепетать,
Сравнив стихи твои с моими, улыбнулся —
        И полно мне писать.

К КАВЕРИНУ

(стр. 211).

Лицейская редакция:

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои гусарские грехи.
Прослыть апостолом Зенонова ученья,
Быть может, хорошо — но ни тебе, ни мне.
Я знаю, что страстей волненья
И шалости, и заблужденья
Пристали наших дней блистательной весне.
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы станем иногда —
Пока без лишнего стыда
Дурачиться нам будет можно.
Всему пора, всему свой миг,
Всё чередой идет определенной:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Насытясь жизнию у юных дней в гостях,
Простимся навсегда с веселием шумливым,
С Венерой пылкою и с Вакхом прихотливым,
Вздохнем об них, как о друзьях,
И старость удивим поклоном молчаливым.
Теперь в беспечности живи,
Люби друзей, храни об них воспоминанье,
Молись и Кому и любви,
Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не ведает, что можно дружно жить
С стихами, с картами, с Платоном и с бокалом,
Что резвых шалостей под легким покрывалом
И ум возвышенный и сердце можно скрыть.

ДЕЛЬВИГУ

(стр. 219).

Лицейская редакция:

Блажен, кто с юных лет увидел пред собою
Извивы темные двухолмной высоты,
Кто жизни в тайный путь с невинною душою
Пустился пленником мечты!
Наперснику богов безвестны бури злые,
Над ним их промысел, безмолвною порой
Его баюкают камены молодые
И с перстом на устах хранят певца покой.
Стыдливой Грации внимает он советы
И, чувствуя в груди огонь еще младой,
Восторженный, поет на лире золотой.
О Дельвиг! счастливы поэты!
Мой друг, и я певец! и мой смиренный путь
В цветах украсила богиня песнопенья,
И мне в младую боги грудь
Влияли пламень вдохновенья.
В младенчестве моем я чувствовать умел,
Всё жизнью вкруг меня дышало,
Всё резвый ум обворожало,
И первую черту я быстро пролетел.
С какою тихою красою
Минуты детства протекли;
Хвала, о боги! вам, вы мощною рукою
От ярых гроз мирских невинность отвели,
И были дни мои посвящены покою.
Но всё прошло — и скрылись в темну даль
Свобода, радость, восхищенье;
Другим и юность наслажденье:
Она мне мрачная печаль!

Так рано зависти увидеть зрак кровавый
И низкой клеветы во мгле сокрытый яд.
Нет, нет! ни счастием, ни славой
Не буду ослеплен. Пускай они манят
На край погибели любимцев обольщенных.
Исчез священный жар!
Забвенью сладких песней дар
И голос струн одушевленных!
Во прах и лиру и венец!
Пускай не будут знать, что некогда певец,
Враждою, завистью на жертву обреченный,
Погиб на утре лет,
Как ранний на поляне цвет,
Косой безвременно сраженный.
И тихо проживу в безвестной тишине;
Потомство грозное не вспомнит обо мне,
И гроб несчастного, в пустыне мрачной, дикой,
Забвенья порастет ползущей повиликой!

В первоначальной редакции после стиха «О, Дельвиг! Счастливы поэты!» находилось семь следующих стихов, впоследствии переделанных в четыре начальных стиха окончательной редакции:

Певец! в безвестности глухой
Живи под дружественной сенью;
Страшись увидеть свет; неопытной душой
Не жертвуй ослепленью!
Воспитанный в тиши, не зная грозных бед,
С любовью, дружеством и ленью
В уединении ты счастлив,— ты поэт!

В. Л. ПУШКИНУ

(стр. 222).

Начало и конец лицейской редакции:

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне с гусаром
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера,
Вот, кажется, святая вера
Дней наших всякого певца.
Я шлюсь на русского Буфлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоского певца;
Не нужно мне его примера...
Ты скажешь: «Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Всё это оды не внушит,
А только душу иссушит,
И к Марину для награжденья,
Быть может, прямо за Коцит
Пошлют читать его творенья.
Послушай дяди, милый мой:
Ступай себе к слепой Фемиде
Иль к дипломатике косой!
Кропай, мой друг, посланья к Лиде,

Оставь военные грехи
И в сладостях успокоенья
Пиши сенатские решенья
И пятистопные стихи;
И не с гусарского корнета,—
Возьми пример с того поэта,
С того, которого рука
Нарисовала Ермака
В снегах незнаемого света,
И плен могучего Мегмета,
И мужа модного рога,
Который, милостию бога,
Министр и сладостный певец,
Был строгой чести образец,
Как образец он будет слога».
Всё так, почтенный дядя мой,
Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашею судьбой.
Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных «Святках» он достоин.
Но что прелестней и живей

и т. д.

Конец послания (после стиха «Меж верной сабли и седла»):

Но вы, враги трудов и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вам на ухо: вы правы,
И с вами соглашаюсь я!
Бог создал для себя природу,
Свой рай и счастие глупцам,
Злословие, мужчин и моду,
Конечно, для забавы дам,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всех,— а нам
Уединенье и свободу!

ФАВН И ПАСТУШКА

(стр. 240).

В ранней редакции последние стихи первой картины были:

Когда же в скромной хате
Пастушку на кровати
Застанет тихий сон,
В полуночном молчанье
При месячном сиянье
Слетает Купидон
С волшебною мечтою
И тайною тоскою
Исполнит сердце он.

Картина VII читалась:

Что, Лила? Что с тобою?
В пещерной глубине
Покрытая тоскою
Ты плачешь в тишине;
Грустишь уединенно
И свет тебе постыл!
Где ж сердца друг бесценный?
Увы, он изменил!
О Лила! вянут розы
Минутныя любви.
Познай печали слезы
И терны ныне рви.

Картина VIII начиналась со стиха: «В губительном стремленье» и начиная с седьмого стиха читалась:

И вслед за Купидоном
Влюбленных скрылся рой,
Ах! грустно сердцу Лилы
Печальной и одной
Без милого к могиле
Тащиться над клюкой.
В лесу пастушка бродит
Безмолвна и грустна.
Кого же там находит?

Все стихотворение называлось «Картины», а отдельные части имели названия: I. Пастушка; II Пещера; III. Фавн; IV. Река; V. Чудо; VI. Фиал; VII. Очередь; VIII. Философ.

ЖУКОВСКОМУ

(стр. 298).

Первоначально (в журнале «Сын отечества») стихотворение начиналось:

Когда младым воображеньем
Твой гордый гений окрилен,
Тревожит лени праздный сон,
Томясь мятежным упоеньем;
Когда, возвышенной душой
Летя к мечтательному миру,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;

и т. д.

После стиха «Ты прав, творишь ты *для немногих*»:

Не для подкупленных судей,
Ревнивых милостью своей,
Не для сбирателей убогих

и т. д.

Стихотворение оканчивалось отброшенными позднее стихами:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет.
Он духом там — в дыму столетий!
Пред ним волнуются толпой
Злодейства, мрачной славы дети,
С сынами доблести прямой;
От сна воскресшими веками,
Он бродит, тайно окружен,
И благодарными слезами
Карамзину приносит он
Живой души благодаренье
За миг восторга золотой,
За благотворное забвенье
Бесплодной суеты земной —
И в нем трепещет вдохновенье!

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА

(стр. 323).

В черновом тексте за первым четверостишием:

Кто сотворил воображеньем
Сей огненный, сей важный взор,
Кто понял гений вдохновеньем,
Кто слышал сердца разговор?
Любовь!.. Но где поэта пламень,
Кто держит кисть любимца муз,
Бесчувствен он, как хладный камень,
Расторгнут с жизнию союз.

ВЕСЕЛЫЙ ПИР

(стр. 325).

В черновом тексте стихотворение имеет продолжение:

Я люблю в моем стекле
Часто видеть перемену,
Рад я вафлям на столе,
Пирогу я знаю цену.
Я люблю, чтобы заря
За столом меня застала,
Чтоб, желанием горя,
Лила сладостно дремала.
Я люблю младых повес
. . . .

ПОСЛАНИЕ К кн. ГОРЧАКОВУ

(стр. 335).

Первоначально стихотворение имело продолжение:

Но я не тот: мои златые годы,
Безумства жар, веселость, острота,
Любовь стихов, любовь моей свободы,
Проходит всё, как легкая мечта.
Так иногда за чашей ликованья
Найдешь меня, объятого тоской,
Задумчива, с поникшею главой,
И ты поймешь души моей страданья.

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИЦЕЙСКОГО ПЕРИОДА

(1813—1817 гг.)

1813

К НАТАЛЬЕ (стр. 9). При жизни Пушкина не печаталось. Обращено к крепостной актрисе театра графа В. В. Толстого в Царском Селе. Эпиграф взят из «Послания к Марго» Шодерло де Лакло, являющегося сатирой на королевскую фаворитку Дюбарри (1774).

Упоминаемые в стихотворении *воксалы* — увеселительные сады с помещением для концертов и балов.

Филимон и *Анюта* — действующие лица оперы Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват».

Опекун и *Розина* — из комедии Бомарше «Севильский цирюльник».

В лицейских стихах Пушкин уподоблял лицей монастырю, а себя — монаху.

МОНАХ (стр. 12). При жизни Пушкина не печаталось. Ранняя неоконченная поэма Пушкина, написана на сюжет популярного жития Иоанна Новгородского.

В начале поэмы упоминается «Орлеанская дева» Вольтера как образец подобного рода шутливых поэм.

Упоминаемый в конце второй песни сиракузский мудрец — Архимед.

В начале третьей песни Пушкин называет в числе художников своего товарища А. И. Мартынова.

НЕСЧАСТИЕ КЛИТА (стр. 23). Эпиграмма, которой начинается составленный Пушкиным сборник эпиграмм на Кюхельбекера «Жертва Мому». При жизни Пушкина не печаталась.

1814

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ (стр. 24). Первое печатное произведение Пушкина. Оно появилось в журнале «Вестник Европы», 1814 г., № 13 (вышло в свет 4 июля), а было послано еще в апреле, так как в № 8 журнала появилось извещение, что редакция напечатает это стихотворение только после того, как автор сооб-

щит свое имя и адрес. Стихотворение появилось за подписью: Александр Н. к. ш. п. В рукописи имеются стихи, пропущенные в печати (см. стр. 409).

«Сокрыт другой отец второй „Тилемахиды"» — разумеется, вероятно, Кюхельбекер (ср. эпиграмму «Несчастие Клита»).

«Творенья громкие Рифматова, Графова...» Под этими именами имеются в виду Шихматов, Хвостов; в следующем стихе Библрус — Бобров; Глазунов — издатель и книгопродавец.

«Родился наг и наг ступает в гроб Руссо» — французский лирик Жан-Батист Руссо (1670—1741).

«Его с пером в руке Рамаков не страшит». В рукописи — «Макаров» с примечанием «Славный журналист». П. И. Макаров (1765—1804) — издатель журнала «Московский Меркурий», критик, сторонник Карамзина.

КОЛЬНА (стр. 27). Напечатано в «Вестнике Европы», 1814 г., № 14. Вольное переложение эпизода из поэмы Оссиана «Кольна-Дона» по русскому переводу Е. Кострова.

ЭВЛЕГА (стр. 31). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение является вольным переводом отрывка из поэмы Парни «Иснель и Аслега».

ОСГАР (стр. 33). При жизни Пушкина не печаталось. Оригинальное стихотворение Пушкина на мотивы поэм Оссиана.

РАССУДОК И ЛЮБОВЬ (стр. 36). При жизни Пушкина напечатано без его ведома в альманахе «Весенние цветы» в 1835 г. Написано в первой половине 1814 г.

К СЕСТРЕ (стр. 37). При жизни Пушкина не печаталось. Написано в апреле 1814 г.

Певец Людмилы — Жуковский.

В подарок пук стихов — цитата из послания Жуковского «К Батюшкову» (1812).

Жан-Жак — Ж.-Ж. Руссо; *Жанлиса* — французская писательница Жанлис (1746—1830), автор многочисленных моралистических произведений для детей; *Гамильтон* (1646—1720) — французский писатель, автор восточных фантастических сказок; *Грей* (1716—1771) и *Томсон* (1700—1748) — английские сентиментальные поэты.

Светлана — героиня одноименной баллады Жуковского (1812).

Пиччини (1728—1800) — итальянский композитор; *Рамо* (1683—1764) — французский композитор.

Здесь, как и в стихотворении «К Наталье», Пушкин изображает себя монахом.

КРАСАВИЦЕ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАК (стр. 41). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение относится к жанру модных тогда «мадригалов».

ЭПИГРАММА. Арист нам обещал (стр. 43). Эпиграмма была напечатана в первом номере журнала «Российский музеум», 1815 г. В журнале последняя строка читалась:

Прежалостну пиесу.

КАЗАК (стр. 44). Напечатано в третьем номере журнала «Российский музеум», 1815 г. Романс является подражанием украинским песням, бывшим в моде особенно после постановки оперы-водевиля А. Шаховского «Казак-стихотворец» (1812).

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ (стр. 46). При жизни Пушкина не печаталось. А. М. Горчаков (1798—1883) — товарищ Пушкина по Лицею, впоследствии известный государственный деятель. Стихотворение писано к именинам Горчакова — 30 августа 1814 г. *Невский герой* — Александр Невский.

Ершова — Евдокия Семеновна, молодая жена генерала Ершова, бывавшая в Лицее летом 1814 г.

ОПЫТНОСТЬ (стр. 48). Напечатано в «Вестнике Европы», 1814 г., № 19.

БЛАЖЕНСТВО (стр. 49). Напечатано в «Вестнике Европы», 1814 г., № 8.

Эрмиев сын — Пан, сын Гермеса (Эрмия), бог лесов, покровитель пастухов.

ЛАИСА ВЕНЕРЕ, ПОСВЯЩАЯ ЕЙ СВОЕ ЗЕРКАЛО (стр. 52). Перевод античной эпиграммы, приведенной в статье Вольтера «Об эпиграмме и надписи древних». Эта статья в переводе И. Пущина была напечатана в «Вестнике Европы», 1814 г., № 18. Стихотворные примеры были переведены Илличевским и Пушкиным. Латинский оригинал эпиграммы принадлежит Авзонию.

ПИРУЮЩИЕ СТУДЕНТЫ (стр. 53). При жизни Пушкина не печаталось. По рассказу И. Пущина, стихотворение было написано, когда Пушкин лежал в лицейском лазарете. В стихотворении упоминаются следующие лица: во второй строфе преподаватель Лицея — Галич (см. послания, ему адресованные); в третьей строфе товарищ Пушкина поэт Дельвиг, известный своей ленью и острословием; в четвертой — Горчаков («сиятельный повеса»); в пятой — «Товарищ милый» — И. Пущин; в следующей строфе упоминается один из лицейских поэтов, писавший плохие басни; далее говорится о Малиновском («повеса из повес»); «милый наш певец» — Корсаков; «Роде записной» — М. Яковлев, хорошо игравший на скрипке (Роде — известный в то время скрипач); в заключительной строфе «Вильгельм» — Кюхельбекер.

Стихотворение пародирует форму популярного «Певца во стане русских воинов» Жуковского.

БОВА (стр. 56). При жизни Пушкина не печаталось. Неоконченная лицейская поэма Пушкина. Время написания определяется упоминаемыми событиями (пребывание Наполеона на острове Эльба). Упоминая Радищева, Пушкин имеет в виду его сказочную поэму «Бова».

Болтун страны Эллинския — Гомер. *Оракул Франции* — Вольтер.

К БАТЮШКОВУ (стр. 64). Напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 1. «Певец тиисский» — Анакреон. «С Жуковским пой кроваву брань» — имеется в виду «Певец во стане русских воинов» Жуковского. Пропущенные в печати стихи см. на стр. 411.

ЭПИГРАММА. Супругою твоей я так пленился (стр. 67). Напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 1. Перевод французской эпиграммы Ж.-Б. Руссо, который в свою очередь перевел ее с латинского, из Иоанна Секунда.

К Н. Г. ЛОМОНОСОВУ (стр. 68). Напечатано в журнале «Российский музеум», 1815 г., № 13. Николай Григорьевич Ломоносов (1798—1857) — брат лицейского товарища Пушкина.

НА РЫБУШКИНА (стр. 69). Эпиграмма без заголовка была напечатана в журнале «Российский музеум», 1815 г., № 6. Казанский поэт М. С. Рыбушкин (1792—1849) напечатал в 1814 г. трагедию в прозе «Иоанн, или Взятие Казани». В «Сыне отечества» появился отрицательный разбор трагедии. Автор пытался отвечать, но неудачно.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ (стр. 70). Впервые стихотворение было напечатано в журнале «Российский музеум», 1815 г., № 4, с примечанием: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, талант которого так много обещает». Это было первое стихотворение, напечатанное за полной подписью поэта «Александр Пушкин».

Стихотворение было написано по предложению профессора Галича для переходных экзаменов с младшего курса (первого трехлетия) на старший. Экзамены предполагались в октябре 1814 г. Экзамены были отложены и состоялись 4 и 8 января 1815 г. Стихотворение было прочитано на экзамене 8 января в присутствии многочисленных приглашенных гостей, среди которых был и Державин. Пушкин в своих воспоминаниях (см. т. VIII) описал обстановку экзамена. В первоначальном виде стихотворение написано в октябре 1814 г. Когда выяснилось, что на экзамене будет присутствовать Державин, Пушкин (в декабре) приписал две последние строфы; в таком виде стихи были прочитаны на репетиции экзамена в присутствии министра Разумовского за несколько дней до экзаменов.

В 1819 году, подготовляя текст стихотворения для предполагавшегося сборника стихотворений, Пушкин внес ряд изменений. Он исключил из текста две строфы: вторую («Плывет—и бледными лучами...») и предпоследнюю, где говорится об Александре («Достойный внук Екатерины!..»). Стихи, где упоминался царь Александр, были заменены (вместо «За веру, за царя» — «За Русь, за святость алтаря» и вместо «Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья» — «Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья»); кроме того, были внесены некоторые мелкие стилистические изменения. Этот новый текст, печатаемый в настоящем издании, при жизни Пушкина не был опубликован. В свои сборники стихотворений Пушкин данного стихотворения не включал, хотя первоначально и хотел сделать это, сопроводив стихотворение примечаниями.

В стихотворении много конкретных деталей, связанных с пейзажем царскосельского парка: большой пруд («в тихом озере»), Екатерининский дворец с примыкающей Камероновой галереей («огромные чертоги»), Чесменская колонна (описание в строфе, начинающейся стихом «Он видит, окружен волнами...»), кагульский обелиск («памятник простой»).

«Ты видел, как Орлов, Румянцев, и Суворов» — А. Г. Орлов, П. А. Румянцев-Задунайский и генералиссимус А. В. Суворов.

«Державин и Петров героям песнь бряцали». Василий Петров (1736—1799) писал оды А. Г. Орлову (1771), П. А. Румянцеву (1775) и на отдельные победы Суворова (1790, 1795); о подвигах Румянцева и Суворова неоднократно писал Державин.

«Воитель поседелый» — М. И. Кутузов.

«О скальд России вдохновенный» (в последней строфе) — В. А. Жуковский как автор «Певца во стане русских воинов». Его же имел в виду Пушкин в предыдущей строфе лицейской редакции (см. «Из ранних редакций», стр. 412), в стихе:

Как наших дней певец, славянской бард дружины.

Когда Державин пожелал иметь копию стихотворения, Пушкин, переписывая, изменил этот стих, применив его к самому Державину:

Как древних лет певец, как лебедь стран Эллины.

РОМАНС (стр. 75). Это раннее стихотворение Пушкина было напечатано (вероятно, без ведома Пушкина) в 1827 г. Б. М. Федоровым в альманахе «Памятник отечественных муз» в неполном и неточном виде. Вскоре оно получило распространение в качестве популярного романса. Затем перепечатывалось в разных «Песенниках».

ЛЕДА (стр. 77). Стихотворение при жизни Пушкина в печати не появлялось. Оно написано в форме популярных в XVIII веке «кантат» на мифологические темы, писанных по образцу французских кантат Ж.-Б. Руссо.

STANCES. Avez-vous vu la tendre rose (стр. 79). По воспоминаниям лицейских товарищей Пушкина, это одно из первых стихотворений, написанных Пушкиным в Лицее (равно как и следующее). Известно, что еще в семье, до поступления в Лицей, Пушкин по примеру своего отца писал французские стихи.

MON PORTRAIT (стр. 80) — одно из ранних лицейских стихотворений. Оба французских лицейских стихотворения Пушкина были опубликованы только после его смерти.

1815

К НАТАШЕ (стр. 82). При жизни Пушкина не печаталось. Написано, вероятно, в начале 1815 г., так как в стихотворении имеются фразеологические заимствования из баллады Катенина «Наташа» («Сын отечества», 1815 г., ч. 21):

Ах! жила была Наташа.
Свет Наташа красота.
Что так рано, радость наша,
Ты исчезла как мечта?

ГОРОДОК (стр. 83). Стихотворение напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., часть III, № 7, с цензурными сокращениями.

«Городок» примыкает к многочисленным «дружеским» посланиям поэтов-карамзинистов; ближе всего оно к стихотворению Батюшкова «Мои пенаты», но отличается от него тем, что вместо условно-поэтических изображений дает ряд подробностей реально-бытового характера.

В «Городке» нельзя видеть автобиографическое послание к подлинному лицу с подлинными фактами жизни Пушкина. Описание пребывания в Петербурге и в маленьком городке не соответствует действительной жизни Пушкина в столице и в Царском Селе; однако для своих вымышленных писаний Пушкин, конечно, воспользовался личными наблюдениями.

Центральная часть «Городка» посвящена характеристике писателей, книги которых находятся в библиотеке автора.

«Фернейский злой крикун» — Вольтер.

«...наперсник милый Психеи златокрылой» — Богданович, автор «Душеньки», написанной на сюжет того же мифа об Амуре и Психее, что и роман Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона».

«Их грозный Аристарх» — Лагарп, автор многотомного «Лицея», являющегося критическим обзором всеобщей литературы, в основном — французской литературы XVII и XVIII веков.

«Визгова сочиненья» — вероятно, имеется в виду С. И. Висковатов (1786—1831), член «Беседы любителей русского слова». «Глупона псалмопенья» — может быть, стихотворения С. С. Боброва (1767—1810).

«Хвала вам, чады славы» — цитата из стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов».

«О князь — наперсник муз» — Д. П. Горчаков (1758—1824), автор нескольких стихотворных сатир, распространявшихся в рукописных списках.

«И ты, насмешник смелый» — Батюшков как автор «Видения на берегах Леты».

«*Буянова* певец» — Василий Львович Пушкин, автор «Опасного соседа», героем которого был Буянов.

«И ты, шутник бесценный» — И. А. Крылов, автор шуто-трагедии «Подщипа».

«Но назову ль детину» — И. С. Барков, поэт-порнограф.

«Люблю с моим Мароном». Марон — Вергилий.

«Газеты собирает». В XVIII и в начале XIX в. «газеты» значило всякие известия, слухи, сплетни.

«Так некогда *Свистова...»* Речь идет о Д. И. Хвостове, который любил донимать слушателя чтением своих произведений.

ВОДА И ВИНО (стр. 94). Напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 6.

ИЗМЕНЫ (стр. 95). Напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 12.

ЛИЦИНИЮ (стр. 98). В первой редакции напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 5. Первоначальный текст подвергся переработке в 1818—1819 гг., когда Пушкин готовил сборник своих произведений. Здесь стихотворение печатается в позднейшей редакции, т. е. с учетом переработки, которой подверглась большая часть стихов. Четыре стиха из текста первой редакции Пушкин устранил. Вот эти стихи с соседними:

Но кто под портиком, с руками за спиною,
В изорванном плаще и с нищенской клюкою,
Поникнув головой, нахмурившись идет?
Не ошибаюсь я, философ то Дамет.
«Дамет! куда, скажи, в одежде столь убогой
Средь Рима пышного бредешь своей дорогой?»

«Куда? не знаю сам. Пустыни я ищу,
Среди разврата жить уж боле не хочу;
Япетовых детей пороки, злобу вижу,
Навек оставлю Рим: я людства ненавижу».

Кроме того, были совершенно изменены следующие стихи лицейской редакции:

И дети малые, и старцы с сединой
Стремятся все за ним и взором и душой,

(ст. 11—12)

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе столь низкий страх?

(ст. 15—16)

Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных гордецов, обманчивых красот,
Докучных риторов, парнасских Геростратов;
В деревню пренесем отеческих пенатов;

(ст. 47—50)

В редакции, выработанной в годы 1818—1819, с незначительными поправками, Пушкин включил это стихотворение в собрание стихотворений 1826 г.

Несмотря на то что стихотворение появилось в журнале с подзаголовком «с латинского», оно является вполне оригинальным. Римский колорит придан стихотворению отчасти из цензурных соображений, отчасти в силу литературной традиции.

БАТЮШКОВУ (стр. 100). Напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 6. Стихотворение написано после встречи с Батюшковым, состоявшейся в первых числах февраля 1815 г.

Последний стих — цитата из послания Жуковского к Батюшкову.

НАПОЛЕОН НА ЭЛЬБЕ (стр. 101). Напечатано в «Сыне отечества», 1815 г., № 25—26. Стихотворение относится к первым дням периода «ста дней». Наполеон оставил Эльбу 26 февраля 1815 г. и высадился во Франции 1 марта; 13 марта французские войска перешли на его сторону, а 20 марта Людовик XVIII со всеми представителями династии Бурбонов («законные цари») покинул Париж.

К ПУЩИНУ (стр. 104). Напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 8. Иван Иванович Пущин, впоследствии декабрист (род.

4 мая 1798, умер 3 апреля 1859) — ближайший друг Пушкина в Лицее. Дата «4 мая» — день рождения, а не именин Пущина.

«Вот кубок; наливай!» — цитата из «Моих пенатов» Батюшкова.

К ГАЛИЧУ (стр. 106). Напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 8. Александр Иванович Галич (1783—1848), адъюнкт — профессор философии в Педагогическом институте, заменял в Лицее заболевшего Кошанского и преподавал с мая 1814 г. до июня 1815 г. латинскую и русскую словесность. Лицеисты любили Галича и посещали его в свободное от уроков время.

Золотарев — помощник надзирателя по хозяйственной части Лицея в 1811—1817 гг.

МЕЧТАТЕЛЬ (стр. 108). Напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 9. Стихотворение связано с «Певцом во стане русских воинов» Жуковского. Пушкин воспроизвел его внешнюю форму и повторил некоторые выражения с тем, чтобы подчеркнуть существенное различие в настроении. Это как бы размышления по поводу призыва, содержащегося в стихах Жуковского:

Так, братья, чадам муз хвала!..
  Но я, певец ваш юный...
Увы! почто судьба дала
  Незвучные мне струны?
Доселе тихим лишь полям
  Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал: к знаменам!
  Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
  И труд уединенный,
И всё... я там, где стук мечей,
  Где ужасы военны.

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ДРУЗЬЯМ (стр. 111). При жизни Пушкина не печаталось.

«Приди, певец мой дорогой» — Дельвиг, напечатавший в «Российском музеуме» (1815 г.) стихотворения «Вакх» и «К Темире».

В рукописи и в копиях имеются стихи, пропущенные в окончательной редакции, здесь печатаемой. После стиха «Прижму к восторженной груди»:

И брякнут перстни золотые
В завет любви в последний раз.
Где вы, подруги молодые?
Летите, дорог смерти час.

После стиха «И память прошлых красных дней»:

Моим подругам завещаю
Воспоминание ночей,
Утраченных у ног Венеры
В лесах веселыя Цитеры
На ложе маков и лилей
И скованных любовной ленью;
и т. д.

К МОЛОДОЙ АКТРИСЕ (стр. 114). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение, вероятно, адресовано крепостной актрисе театра графа В. В. Толстого, дававшего спектакли в Царском Селе.

«Ты не наследница Клероны». Клерон (1723 — 1802) — знаменитая трагическая актриса, исполнительница ролей в классических трагедиях.

«Владелец Пинда» — Вольтер.

«Когда Милона молодого». Милон — употребительное в русском театре имя «первого любовника» (например, в «Недоросле» Фонвизина).

ВОСПОМИНАНИЕ. (К Пущину) (стр. 116). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение посвящено воспоминанию о происшествии в Лицее 5 сентября 1814 г. Пущин, Пушкин и Малиновский достали через дядьку по имени Фома рому, яиц и сахару и устроили «гогель-могель». Слухи об организованной ими пирушке дошли до исполнявшего должность директора Гауеншильда, который пожаловался министру Разумовскому. Завязалось дело. Фома был уволен, а трое провинившихся присуждены были к тому, чтобы в течение двух недель стоять на коленях во время вечерней молитвы, с занесением этого «важного проступка» в особую книгу. По воспоминаниям Пущина, Пушкин сказал по этому поводу экспромт от имени Малиновского, пародируя стихи Дмитриева:

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали,
И Фому прогнали вон.

Первый стих стихотворения — цитата из стихотворения Батюшкова «Ложный страх».

ПОСЛАНИЕ К ГАЛИЧУ (стр. 118). Напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 10—11. Написано уже после того, как Галич прекратил занятия в Лицее, т. е. не раньше июня.

Тибурский мудрец — Гораций.

«Наш песельник тащится» — Михаил Яковлев (см. «Пирующие студенты»).

МОЯ ЭПИТАФИЯ (стр. 122). Напечатана в «Российском музеуме», 1815 г., № 10—11.

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ (стр. 123). При жизни Пушкина напечатано не было. Печатается по факсимиле автографа.

К ДЕЛЬВИГУ (стр. 125). При жизни Пушкина не печаталось. В одной из копий озаглавлено: «К Д***. 1815. Ответ». Стихотворение вызвано тем, что Дельвиг напечатал в «Российском музеуме» (1815 г., № 9) послание «Пушкину»; послание заканчивалось стихами:

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением,
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

«А мне прослыть Прадоном». Прадон — бездарный поэт XVII в.; известен своим соревнованием с Расином. Имя его стало нарицательным.

«С Графовым восхищаться...» Графов — Д. И. Хвостов.

РОЗА (стр. 127). Напечатано Пушкиным в его сборнике стихотворений 1826 года. В первоначальной (лицейской) редакции стихи 5—10 читались:

> Не говори:
> *Вот жизни младость,*
> Не повтори:
> *Так вянет радость,*
> В душе скажи:
> *Прости, жалею...*

Согласно символике, сложившейся еще в античном мире, роза означала любовь, а лилия — непорочность.

АЛЕКСАНДРУ (стр. 128). Впервые напечатано без ведома Пушкина в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете», 1817 г., ч. IX, под названием «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.». Стихотворение предназначалось для предполагавшейся торжественной встречи Александра I при его возвращении из Парижа. Церемония эта по распоряжению Александра была отменена. Стихотворение было заказано Пушкину начальством, и он препроводил его при письме 28 ноября 1815 г. директору департамента Министерства народного просвещения И. И. Мартынову.

ИТАК, Я СЧАСТЛИВ БЫЛ (стр. 131). Стихи, записанные Пушкиным в его дневнике под датой 29 ноября 1815 г. Они вызваны встречами с Е. Бакуниной, сестрой товарища Пушкина по Лицею.

СЛЕЗА (стр. 132). Впервые напечатано при нотах (музыка М. Яковлева) в приложении к IV части альманаха «Мнемозина», 1824 г. (вышел в свет в 1825 г.).

УГРЮМЫХ ТРОЙКА ЕСТЬ ПЕВЦОВ (стр. 133). При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма направлена против членов «Беседы любителей русского слова»: руководителя ее А. С. Шишкова (1754—1841), кн. С. А. Ширинского-Шихматова (1783—1846) и А. А. Шаховского (1777—1846). Записана в дневнике Пушкина, где датирована 8 декабря 1815 г.

К бар. М. А. ДЕЛЬВИГ (стр. 134). При жизни Пушкина не печаталось. Адресовано сестре лицейского товарища Пушкина Марии Антоновне Дельвиг. Датировано 22 декабря 1815 г.

МОЕМУ АРИСТАРХУ (стр. 135). При жизни Пушкина не печаталось. Своим Аристархом Пушкин называет профессора Николая Федоровича Кошанского (1785—1831), который в качестве преподавателя литературы придирчиво критиковал стихотворные произведения своих учеников.

«Свистов, Хлыстов или Графов» — всё это обычные прозвища, под которыми в эпиграммах того времени фигурировал граф Д. И. Хвостов: он писал и оды и басни (притчи); «сказочками» Пушкин, по-видимому, и называет эти басни.

«Шапеля в песнях призывая». Шапель (1628—1686), французский поэт, известный своими небрежными стихами, писанными преимущественно короткими стихотворными строчками.

«Так нежился певец прелестный» — Грессе (1709—1777); Пушкин называет его наиболее известные произведения: шутливую поэму о попугае «Вер-Вер», воспитанном в женском монастыре, и стихотворное послание «La Chartreuse», где описывается его монастырская келья и книги его библиотеки.

«На верх Фессальския горы» — Олимп, место пребывание муз.

ТЕНЬ ФОНВИЗИНА (стр. 139). При жизни Пушкина не печаталось. Эта сатира сохранилась в лицейской копии, правленной самим Пушкиным.

«Творец, любимый Аполлоном» — Денис Фонвизин.

«Ты прав, оратор мой Петрушка» — см. стихотворение Фонвизина «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке»:

«Я мысль мою скажу,— вещает мне Петрушка,—
Весь свет мне кажется ребятская игрушка».

«Там Кропов в тишине глубокой». А. Ф. Кропотов (1780—1821), издатель журнала «Демокрит», выходившего в первой половине 1815 г.

«В „Аспазии“ боготворят» — «Кабинет Аспазии» — журнал, издававшийся в 1815 г. (прекратился в августе). В четвертой книге журнала напечатан хвалебный разбор стихов Д. И. Хвостова.

«Анастасевич лишь один». В. Г. Анастасевич (1775—1845), библиограф и журналист. Об Анастасевиче говорили, что он выполнял разные литературные поручения Хвостова.

«В своем *боскете* князь Шальной». Князь П. И. Шаликов (1767—1852), автор слащавых, чувствительных произведений.

«О Безглагольник пресловутый» — князь С. А. Ширинский-Шихматов, названный «безглагольным» в сатире Батюшкова «Певец в Беседе любителей русского слова», так как избегал глагольных рифм. В 1810 г. вышла в свет его поэма «Петр Великий, лирическое песнопение».

Ужасный критикам старик — А. С. Шишков.

Невинная другиня — поэтесса А. П. Бунина.

«И ежемесячный вздыхатель» — издатель журнала «Кабинет Аспазии» Б. М. Федоров (1794—1875), автор чувствительных стихов, в которых фигурирует Купидон.

«Но где певец Екатерины?» — Державин.

«Статей библейских преложенье». Имеется в виду «Гимн лироэпический 1812 года на прогнание французов из отечества» Державина. Далее Пушкин пародирует гимн Державина: его стихи составлены из слегка измененных цитат из этого гимна.

«Татарин бритый возгремел» — Державин (как автор «Фелицы»).

«Пиндар Холмогора» — Ломоносов.

«Певец пенатов молодой» — Батюшков.

ГРОБ АНАКРЕОНА (стр. 147). В лицейской редакции напечатано дядей Пушкина Василием Львовичем в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете», 1818 г., ч. X. В позднейшей редакции, печатаемой здесь, Пушкин включил его в сборник своих стихотворений в 1825 г.

При окончательной обработке Пушкин сделал некоторые сокращения. Первоначально после стиха «Полумесяц молодой» следовало:

Темных миртов занавеса
Наклонилася к водам;
В их сени, у входа леса
Чью гробницу вижу там?
Розы юные алеют
Камня древнего кругом,
И зефиры их не смеют
Свеять трепетным крылом.

После стиха «В розах кубок и венец...» следовало:

Други, други! в вечном мире
Здесь теосский спит мудрец.
Посмотрите: на гробнице
Сын отрад изображен.
Здесь на ветреной цевнице
Резвый наш Анакреон.
Красотой очарованный,
Нежно гимны ей поет,
Виноградом увенчанный,
В чашу сок его лиет.

ПОСЛАНИЕ К ЮДИНУ (стр. 149). При жизни Пушкина не печаталось. Послание обращено к лицейскому товарищу Пушкина Павлу Михайловичу Юдину (1798—1852). В нем Пушкин описывает подмосковное имение Захарово, где он проводил летние месяцы с 1806 по 1810 г. Имение принадлежало бабушке Пушкина Марье Алексеевне Ганнибал.

«Друг сердца, милая Сушкова?» В рукописи имя Сушковой отсутствует; оно введено предположительно. Софья Николаевна Сушкова (1800—1848) встречалась с Пушкиным в Москве на уроках танцев.

К ЖИВОПИСЦУ (стр. 155). Впервые напечатано, вероятно, без ведома Пушкина в альманахе Б. Федорова «Памятник отечественных муз на 1827 год».

По свидетельству В. Гаевского со слов лицейских товарищей Пушкина, стихотворение обращено к А. Илличевскому, известному среди товарищей искусством рисовать; Илличевский отвечал Пушкину тоже стихами.

К НЕЙ (стр. 156). Напечатано в журнале «Северный наблюдатель», 1817 г., № 11. Дата написания стихотворения в точности неизвестна.

1816

ЗАУТРА С СВЕЧКОЙ ГРОШЕВОЮ (стр. 157). При жизни Пушкина не печаталось. Константин Сазонов — лицейский дядька, два года служивший в Лицее. Обнаружилось, что за это время он совершил несколько убийств и грабежей; он был арестован 18 марта 1816 г. Ф. М. Пешель — лицейский доктор.

УСЫ (стр. 158). Без ведома Пушкина появилось в альманахе «Эвтерпа» 1831 г. и было там приписано Д. Давыдову. Стихотворение написано, вероятно, в марте 1816 г., так как Илличевский сообщил его текст своему приятелю в письме от 20 марта.

ИЗ ПИСЬМА К кн. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ (стр. 160). Стихотворная часть письма от 27 марта 1816 г. См. т. X.

ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ПУШКИНУ (стр. 161). Стихотворная часть письма, писанного в апреле 1816 г. См. т. X.

ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ (стр. 162). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение написано по заказу для исполнения во время праздника в Павловске у императрицы Марии Федоровны, по случаю отъезда принца Оранского. Вильгельм Оранский (1792—1849), позднее Нидерландский король, приезжал в Петербург в качестве жениха. Здесь состоялась его женитьба на Анне Павловне, сестре Александра I. Стихи для праздника были заказаны Нелединскому-Мелецкому, но старый поэт, не надеясь на свои силы, передал поручение Пушкину. Праздник состоялся 6 июня.

«Оковы свергнувший злодей» — Наполеон, покинувший остров Эльбу.

«С героем дивным Альбиона». Под начальством Веллингтона принц Оранский принимал участие в сражении под Ватерлоо и был ранен.

СОН. (Отрывок) (стр. 164). При жизни Пушкина не печаталось. По-видимому, это отрывок из задуманной Пушкиным поэмы «Оправданная лень».

Бершу (1765—1839) — французский поэт, автор шутливой поэмы «Гастрономия» (1800). Здесь, во второй песне, автор рекомендует для приобретения аппетита заниматься сельским трудом, работать с плугом, лопатой и т. д.

«Кандид» — роман Вольтера.

«Ах! умолчу ль о мамушке моей».— Здесь Пушкин описывает или свою бабушку М. А. Ганнибал, или няню Арину Родионовну.

ЭКСПРОМТ НА ОГАРЕВУ (стр. 170). При жизни Пушкина не печаталось. Елизавета Сергеевна Огарева (1786—1870) встречалась с Пушкиным в доме Карамзина в Царском Селе летом 1816 г.

К ЖУКОВСКОМУ (стр. 171). При жизни Пушкина не печаталось. Этим стихотворением, по-видимому, Пушкин хотел начать свой сборник стихов, который он задумывал в сентябре — октябре 1816 г. В автографе стихотворение подписано «Арзамасец». Жуковский был секретарем общества «Арзамас». Пушкин в 1816 г. еще не был членом «Арзамаса», но считал себя «арзамасцем» по духу и литературному направлению.

«Во мгле два призрака склонилися главами» — Тредиаковский и Сумароков.

«Пусть будет Мевием в речах превознесен». Под именем Мевия (плохого поэта, врага Вергилия) разумеется Шишков.

«Явится Депрео, исчезнет Шапелен». Депрео — Буало: имеется в виду жестокая критика, которой Буало подверг поэму

Шапелена «Орлеанская девственница», после чего репутация Шапелена как поэта сразу упала.

«Тот, верный своему мятежному союзу». Этот стих и дальнейшие относятся к Шаховскому.

«Сражает, наконец, ужасного Пифона». В этом месте текст автографа не доработан. Восемь стихов, начиная с «И вы восстаньте же, парнасские жрецы», приписаны взамен первоначальных двух:

И вы восстаньте же, счастливые певцы,
Прелестных аонид священные жрецы...

В этих стихах Пушкин повторяет распространенное мнение о том, что Озеров явился жертвой интриг Шаховского.

ОКНО (стр. 175). При жизни Пушкина не печаталось. Относится к циклу элегий, писанных Пушкиным в 1816 г. См. «Из ранних редакций», стр. 415.

ОСЕННЕЕ УТРО (стр. 176). При жизни Пушкина не печаталось. Элегия, возможно, вызвана воспоминаниями о Бакуниной, проводившей в 1816 г. лето в Царском Селе.

РАЗЛУКА (стр. 177). При жизни Пушкина не печаталось.

ИСТИНА (стр. 179). При жизни Пушкина не печаталось.

НАЕЗДНИКИ (стр. 180). При жизни Пушкина не печаталось.

ЭЛЕГИЯ. Счастлив, кто в страсти сам себе (стр. 182). При жизни Пушкина не печаталось.

МЕСЯЦ (стр. 183). При жизни Пушкина не печаталось.

ПЕВЕЦ (стр. 184). Напечатано в «Северном наблюдателе», 1817 г., № 1, а затем включено Пушкиным в собрание его стихотворений. В журнале третий стих второй строфы читался:

Прискорбную ль улыбку замечали.

К МОРФЕЮ (стр. 185). Впервые напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г. В лицейской редакции стихотворение называлось «К сну» и начиналось пятью отброшенными впоследствии стихами и другим порядком следующих за ними стихов:

Знакомец милый и старинный,
О сон, хранитель добрый мой!
Где ты? Под кровлею пустынной
Мне ложе стелет уж покой
В безмолвной тишине ночной,
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови,
До утра только дай отраду
Моей мучительной любви.

В остальном тексте Пушкин только заменил эпитет «грустный» на «страшный».

СЛОВО МИЛОЙ (стр. 186). При жизни Пушкина не печаталось. Подготовляя сборник стихов в 1818—1819 гг., Пушкин изменил первые стихи:

Я Лилу слушал у клавира;
Она приятнее поет,
Чем соловей близ тихих вод
Или полунощная лира.

По воспоминаниям лицейских товарищей Пушкина, стихи обращены к Марии Смит (см. прим. «К молодой вдове», стр. 448).

ЛЮБОВЬ ОДНА — ВЕСЕЛЬЕ ЖИЗНИ ХЛАДНОЙ (стр. 187). При жизни Пушкина не печаталось.

ЭЛЕГИЯ. Я видел смерть (стр. 189). При жизни Пушкина не печаталось. Здесь печатается в лицейской редакции. Подготовляя сборник стихов, Пушкин перерабатывал это стихотворение, сокращая его. В результате последней переработки (1825 г.) оно приняло следующий вид:

ПОДРАЖАНИЕ

Я видел смерть; она сидела
У тихого порога моего.
Я видел гроб; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетела...
Умру — и младости моей
Никто следов пустынных не заметит,
И взора милого не встретит
Последний взор моих очей.

. . . .

Прости, печальный мир, где темная стезя
Над бездной для меня лежала,
Где жизнь меня не утешала,
Где я любил, где мне любить нельзя!
Небес лазурная завеса,
Любимые холмы, ручья веселый глас,
Ты утро — вдохновенья час,
Вы, тени мирные таинственного леса,
И всё — прости в последний раз.

ЖЕЛАНИЕ (стр. 191). Стихотворение — вероятно, без ведома Пушкина — было напечатано Б. Федоровым в альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 год».

ДРУЗЬЯМ (стр. 192). Напечатано Пушкиным в его сборнике стихотворений 1826 г. Подготовляя стихотворение к печати, Пушкин отбросил его начало. Ранние (лицейские) редакции см. выше (стр. 417).

ЭЛЕГИЯ. Я думал, что любовь погасла навсегда (стр. 193). При жизни Пушкина не печаталось.

НАСЛАЖДЕНЬЕ (стр. 195). При жизни Пушкина не печаталось. В первоначальной редакции вместо четырех стихов «Златые крылья развивая» и след. читалось:

Туманов окруженный тьмою,
Бродил один — и наконец,
Любви дав руку со слезою,
Сказал: веди меня, слепец!

К МАШЕ (стр. 196). При жизни Пушкина не печаталось. Адресовано к М. А. Дельвиг, сестре А. Дельвига (см. «К бар. М. А. Дельвиг»).

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОК (стр. 197). Напечатано — вероятно, без ведома Пушкина — Б. Федоровым в альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 год». Здесь печатается в редакции, подготовленной к печати 1819 г. с двумя поправками 1825 г. В лицейских списках начало второй строфы читается:

Пейте за славу,
Славы друзья!
Браней забаву
Любит не я.

Начало третьей:

Вы, Геликона
Давни жильцы!
За Аполлона
Пейте, певцы!

ПОСЛАНИЕ ЛИДЕ (стр. 199). Напечатано в «Северном наблюдателе», 1817 г., № 23.

«И скучный раб Эпафродита» — Эпиктет; Пушкин в этих стихах говорит о философии стоиков.

«Твой муж, совместник Аристипа». Слово «совместник» значило «соперник».

«Злой циник, негу презирая» — Диоген.

АМУР И ГИМЕНЕЙ (стр. 201). Напечатано Пушкиным в сборнике его стихотворений 1826 г. При этом лицейский текст подвергся легким изменениям; так, раньше в стихотворении фигурировало не «безумие», а «дурачество»:

Дурачество ведет Амура;
Но скоро богу моему
Наскучила богиня дура
Не знаю верно почему.

Речь Амура начиналась стихами:

Помилуй, братец Гименей!
Что это? Я стыжусь, любезный,
И нашей ссоры бесполезной
И вечной трусости твоей;
Ну, помиримся, будь умней;
Забудем наш раздор постылый,
Но только навсегда, смотри!

Стихотворение написано как бы в ответ и для опровержения басни Лафонтена «Амур и Безумие». Сюжет басни Лафонтена

заключается в том, что в ссоре Безумие лишило зрения Амура и за то было присуждено служить ему поводырем.

ФИАЛ АНАКРЕОНА (стр. 203). При жизни Пушкина не печаталось.

ШИШКОВУ (стр. 204). Напечатано Пушкиным в его сборнике стихов 1826 г. в значительно переработанном виде. Раннюю (лицейскую) редакцию см. выше (стр. 418). Стихотворение адресовано Александру Ардалионовичу Шишкову (1799—1832), поэту, племяннику известного Шишкова. В 1816 г. А. А. Шишков служил в гренадерском полку и тогда уже писал стихи.

ПРОБУЖДЕНИЕ (стр. 205). В первой (лицейской) редакции напечатано в «Северном наблюдателе», 1817 г., № 25, а затем включено Пушкиным в его сборник стихотворений 1826 г.

Первоначально стихотворение оканчивалось стихами:

Любовь, любовь!
Пусть упоенный,
Усну я вновь
Обвороженный,
И поутру
Вновь утомленный,
Пускай умру
Непробужденный!..

НА ПУЧКОВУ (стр. 206). Эта эпиграмма, как и следующая, при жизни Пушкина не печаталась и сохранилась в сборнике, составленном Илличевским, переписанная рукой Пушкина с поправками Илличевского. Возможно участие в этих эпиграммах Илличевского, так как ему принадлежит аналогичная эпиграмма на Пучкову.

НА НЕЕ ЖЕ (стр. 207). При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма направлена против поэтессы Е. Н. Пучковой (1792—1867). Пучкова была членом «Беседы любителей русского слова». В эпиграмме ближайшим образом имеются в виду стихи Пучковой на смерть Державина, начинающиеся так:

Деве ли робкой
Арфой незвучной
Славному барду
Песнь погребальну —
Деве ль брящать?

Стихи Пучковой были напечатаны в еженедельной газете «Русский инвалид», издававшейся в пользу инвалидов Отечественной войны 1812 г.

ДЯДЕ, НАЗВАВШЕМУ СОЧИНИТЕЛЯ ВРАТОМ (стр. 208). Этот отрывок из письма Пушкина к В. Л. Пушкину от 22 декабря 1816 г. входил как самостоятельное стихотворение в состав лицейских рукописных сборников.

ЭПИГРАММА. (На Карамзина) (стр. 209). При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма написана тогда, когда появились первые сообщения о предстоящем выходе в свет «Истории госу-

дарства Российского» в журнале «Сын отечества» (24 марта 1816 г.). *Илья-богатырь* — неоконченная «богатырская сказка» Карамзина «Илья Муромец».

Кж. В. М. ВОЛКОНСКОЙ (стр. 210). Стихотворение было сообщено в воспоминаниях М. И. Жихарева в 1871 г. Можно сомневаться в точности текста, им приведенного (в нем нарушены нормы французского стиха, хорошо известные Пушкину). Относится к фрейлине Варваре Михайловне Волконской (1781—1865) и, по-видимому, вызвано тем, что Пушкин, ухаживавший за ее горничной Наташей, однажды в темном коридоре принял за Наташу Волконскую и поцеловал ее. Волконская пожаловалась на это Александру.

1817 (Лицей)

К КАВЕРИНУ (стр. 211). Напечатано Пушкиным в «Московском вестнике», 1828 г., № 17, в значительно переработанном виде. Первоначальную (лицейскую) редакцию см. выше (стр. 420). Стихи адресованы Петру Павловичу Каверину (1794—1855). С 1816 г. Каверин служил в гусарском полку, стоявшем в Царском Селе, и тогда уже подружился с Пушкиным. Позднее Каверин вступил в «Союз благоденствия».

ЭЛЕГИЯ. Опять я ваш, о юные друзья! (стр. 212). При жизни Пушкина не печаталось. Элегия написана по возвращении в Лицей после отпуска на рождественские праздники, когда лицеистам впервые было позволено выехать из Царского Села.

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ (стр. 214). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение, возможно, вызвано знакомством с молодой француженкой Марией Смит, с которой Пушкин встречался в доме Энгельгардта, директора Лицея. Первоначально оно оканчивалось:

> Спит увенчанный счастливец,
> Скоро взор сомкнем и мы.
> Но разгневанный ревнивец
> Из пустынной гроба тьмы
> Не воскреснет уж с упреком,
> Не увидишь в ночь и день
> В доме тихом, одиноком
> Ты завистливую тень.

БЕЗВЕРИЕ (стр. 216). Стихотворение было прочитано Пушкиным на выпускном экзамене по русской словесности 17 мая 1817 г. Позднее, 30 ноября, дядя Пушкина Василий Львович читал эти стихи в заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете и напечатал с собственными поправками в «Трудах» этого общества 1818 г., ч. XII.

ДЕЛЬВИГУ (стр. 219). Стихотворение напечатано Пушкиным в его сборнике стихотворений 1826 г. Лицейская ранняя редакция, сильно отличающаяся от окончательной, приведена выше (стр. 421—422). Послание вызвано, вероятно, тем фактом, что Пушкин получил от редактора «Вестника Европы» Каченовского

отказ в напечатании трех посланных ему стихотворений. На это послание Дельвиг отвечал Пушкину стихотворением «Как житель горных Альп, над бурями парящий», в котором писал:

Нет, Пушкин, рок певцов бессмертье, не забвенье,
Пускай Арминиус, ученьем напыщен,
В архивах роется и пишет рассужденье,
Пусть в академиях почетный будет член;
Но он глупец — и с ним умрут его творенья!
Ему ли быть твоих гонителем даров?
Брось на него ты взор, взор грозного презренья,
И в малый сонм вступи божественных певцов.

СТАНСЫ. (Из Вольтера) (стр. 220). При жизни Пушкина не печаталось. Вольный перевод стансов Вольтера Сидевилю (Si vous voulez que j'aime encore).

В. Л. ПУШКИНУ (стр. 222). Напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г. В печати Пушкин сохранил только среднюю часть написанного ранее послания. Начало его и конец см. выше (стр. 423—424).

ПИСЬМО К ЛИДЕ (стр. 223). При жизни Пушкина не печаталось.

КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ (стр. 224). При жизни Пушкина не печаталось. Адресовано товарищу Пушкина по Лицею Александру Михайловичу Горчакову (см. «Пирующие студенты»). Горчаков (1798—1883) отличался удачливостью в жизненной карьере: в Лицее он был первым учеником, а впоследствии, быстро продвигаясь по службе, достиг поста министра иностранных дел и долгое время руководил внешней политикой России. Послание Пушкина написано незадолго до окончания Лицея, в связи с наступавшим днем рождения Пушкина (26 мая), когда ему исполнилось 18 лет.

В АЛЬБОМ (стр. 226). Стихотворение без ведома Пушкина было напечатано в сборнике «Листки граций» в 1829 г. Оно адресовано Алексею Николаевичу Зубову (1798—1864), корнету гусарского полка. В рукописи Пушкина сохранилась другая редакция стихотворения; первые четыре стиха читаются:

Когда погаснут дни мечтанья
И позовет нас шумный свет,
Кто вспомнит братские свиданья
И дружество минувших лет?

В АЛЬБОМ ИЛЛИЧЕВСКОМУ (стр. 227). При жизни Пушкина не печаталось. Обращено к товарищу Пушкина Алексею Демьяновичу Илличевскому (1798—1837). Он был известен в Лицее как поэт и организатор лицейских рукописных журналов.

ТОВАРИЩАМ (стр. 228). При жизни Пушкина не печаталось. Написано незадолго до окончания Лицея.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ БОЛЬНИЦЫ (стр. 230). При жизни Пушкина не печаталось. Стихи эти известны из воспоминаний

Пущина, который рассказывает, как он обнаружил эту надпись над своей койкой в лицейской больнице и узнал по почерку, что писал их Пушкин.

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ (стр. 231). При жизни Пушкина не печаталось. Написано перед окончанием Лицея.

РАЗЛУКА (стр. 232). В первой редакции, под названием «Кюхельбекеру», напечатано в «Невском зрителе», 1820 г., апрель. В переработанном виде, печатаемом здесь, вошло в собрание стихотворений Пушкина. Первоначальный текст отличался начальными стихами:

В последний час, в тиши уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат!
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья!
Итак, они прошли — лета соединенья;
Итак, разорван он — наш братский, верный круг!
Прости!.. хранимый тайным небом,
Не разлучайся, милый друг,
С фортуной, дружеством и Фебом.

К ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА (стр. 233). При жизни Пушкина не печаталось.

К ПИСЬМУ (стр. 234). При жизни Пушкина не печаталось.

СНОВИДЕНИЕ (стр. 235). При жизни Пушкина не печаталось. Вольный перевод стихотворения Вольтера «Принцессе прусской Ульрике».

ОНА (стр. 236). При жизни Пушкина не печаталось.

1813—1817

СТАРИК (стр. 237). В лицейской редакции напечатано в «Российском музеуме», 1815 г., № 5. В переработанном виде, печатаемом здесь, включено Пушкиным в его собрание стихотворений 1826 г.

К ДЕЛИИ (стр. 238). При жизни Пушкина не печаталось. Относится к 1815—1816 гг.

ДЕЛИЯ (стр. 239). При жизни Пушкина не печаталось.

ФАВН И ПАСТУШКА (стр. 240). Напечатано без разрешения Пушкина Б. Федоровым в альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 год».

ПОГРЕБ (стр. 247). При жизни Пушкина не печаталось.

И ОСТАНЕШЬСЯ С ВОПРОСОМ (стр. 248). Сообщено в воспоминаниях Пущина как экспромт Пушкина. Экспромт был обращен к товарищу Пушкина Есакову и касался дочерей придворного банкира Вельо.

ОТ ВСЕНОЩНОЙ ВЕЧОР ИДЯ ДОМОЙ (стр. 249). Сообщено в воспоминаниях Пущина как стихотворение Пушкина.

Я САМ В СЕБЕ УВЕРЕН (стр. 250). Стихотворная запись в тетради Каверина. *Молоствов* — офицер гусарского полка.

COUPLETS. Quand un poète en son extase (стр. 251). Куплеты написаны для исполнения на вечерах у лицейского преподавателя музыки Теппер де Фергюссона, в ответ на куплеты Марии Смит: Lorsque je vois de vous, monsieur.

ЛЮБОПЫТНЫЙ (стр. 253). Напечатано в «Северных цветах» на 1829 г. Лицейский текст эпиграммы был короче:

«Скажи, что нового».— Ни слова.
«Не знаешь ли, где, как и кто?»
О, братец, отвяжись — я знаю только то,
Что ты дурак... но это уж не ново.

«БОЛЬНЫ ВЫ ДЯДЮШКА? НЕТ МОЧИ» (стр. 254). При жизни Пушкина не печаталось.

НАДПИСЬ К БЕСЕДКЕ (стр. 255). При жизни Пушкина не печаталось. Обычно эту надпись связывают с беседкой Царскосельского парка «Большой каприз», хотя к этому и нет достаточных данных.

ВОТ ВИЛЯ — ОН ЛЮБОВЬЮ ДЫШИТ (стр. 256). При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма на Вильгельма Кюхельбекера.

НА гр. А. К. РАЗУМОВСКОГО (стр. 257). Эпиграмма направлена против министра народного просвещения А. К. Разумовского. *Голубая лента* — принадлежность знака ордена Андрея Первозванного. Этого ордена Разумовский не получал.

НА БАБОЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ (стр. 258). Баболовский дворец находится в отдаленной части Царскосельского парка. Он был местом свиданий Александра I и Софьи Осиповны Вельо, старшей дочери придворного банкира.

ПОЖАРСКИЙ, МИНИН, ГЕРМОГЕН (стр. 259). Эпиграмма направлена против поэмы Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807).

ЭПИГРАММА НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА (стр. 260). Напечатана в «Северном наблюдателе», 1817 г., № 2. *Клит* — В. Кюхельбекер.

ПОРТРЕТ (стр. 261). Эпиграмма на учителя рисования и гувернера в Лицее С. Г. Чирикова (1776—1853). Чириков писал стихи, и, в частности, была известна его рукописная трагедия «Герой севера». *Мартын* — М. С. Пилецкий-Урбанович, первый инспектор в Лицее, известный своим ханжеством; *С. С. Фролов* — другой инспектор Лицея после Пилецкого; *Энгельгардт* — директор Лицея.

СРАВНЕНИЕ (стр. 262). Стихотворная шутка основана на известном физическом недостатке поэта Буало. Последние стихи следует читать:

У Депрео была лишь запятая,
А у меня две точки с запятой.

ТВОЙ И МОЙ (стр. 263). На эту же тему Пушкин позднее написал французское стихотворение (Tien et mien,—dit Lafontaine). Рассуждение о «твоем и моем», т. е. о происхождении права собственности, действительно, частая тема у философов-просветителей и у поэтов.

ТОШНЕЙ ИДИЛЛИИ И ХОЛОДНЕЙ, ЧЕМ ОДА (стр. 264). Это стихотворение без подписи находится в одном из рукописных сборников лицейских стихов. То, что оно направлено против Кюхельбекера и писано Пушкиным, можно предполагать из стихотворения Кюхельбекера «Разуверение», обращенного, судя по содержанию, к Пушкину. В нем читаем:

Ни любовницы, ни друга
Не иметь тебе вовек!
Молвил, гневом вдохновенный,
И пропал мне из очей;
С той поры уединенный
Я скитаюсь меж людей!

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(Лицейский период)

КУПЛЕТЫ на слова «Никак нельзя — ну, так и быть» (стр. 267). А. М. Горчаков сообщил эти куплеты в письме к своему дяде Пещурову, рассказав при этом, что подобные куплеты лицеисты сочиняют на заранее заданные слова и читают их, собираясь по субботам. Данные куплеты писаны в июне 1816 г.

КУПЛЕТЫ на слова «С позволения сказать» (стр. 268). Куплеты такого же происхождения, как и предыдущие.

«МОЛИТВА РУССКИХ» (стр. 270). Написана по предложению директора Лицея Энгельгардта для исполнения на годовщине основания Лицея в октябре 1816 г. Пушкин приписал два куплета к стихам Жуковского.

НОЭЛЬ НА ЛЕЙБ-ГУСАРСКИЙ ПОЛК (стр. 271). От этого стихотворения до нас дошли только бесформенные отрывки. Ноэлем назывались святочные сатирические куплеты. Лейб-гусарский полк стоял в Царском Селе. *Левашов* — командир полка. *Пукалова* — любовница Аракчеева.

СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПЕРИОДА

(1817—1820)

1817 (после Лицея)

ЕСТЬ В РОССИИ ГОРОД ЛУГА (стр. 275). Отрывок из не дошедшего до нас стихотворения Пушкина. Луга и Новоржев находятся на пути из Петербурга в Михайловское.

ПРОСТИТЕ, ВЕРНЫЕ ДУБРАВЫ! (стр. 276). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение вписано в альбом Осиповой, владелицы села Тригорского около Михайловского. В альбоме стихотворение датировано 17 августа.

К ОГАРЕВОЙ (стр. 277). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение обращено к той же Е. С. Огаревой, что и «Экспромт на Огареву» 1816 г.

ТУРГЕНЕВУ (стр. 278). При жизни Пушкина не печаталось. В автографе дата: 8 ноября 1817 г. Стихотворение обращено к Александру Ивановичу Тургеневу (1784—1845). В доме братьев Тургеневых Пушкин часто бывал. Старший — Александр Иванович, по содействию которого Пушкин был принят в Лицей, занимал в то время пост директора департамента духовных дел и был секретарем Библейского общества. Он придерживался умеренно прогрессивных взглядов, поддерживал дружеские связи с лучшими писателями, участвовал в «Арзамасе». Среди светских знакомых Тургенева Пушкин называет Ек. Серг. Лунину, сестру будущего декабриста, и графа Лаваль (1761—1846), хозяина великосветского салона.

К***. Не спрашивай, зачем унылой думой (стр. 280). Напечатано Пушкиным в собрании его стихотворений 1826 г. В автографе называется «Уныние» и датировано 27 ноября 1817 г.

КРАЕВ ЧУЖИХ НЕОПЫТНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ (стр. 281). При жизни Пушкина не печаталось. Адресовано княгине Евдокии Ивановне Голицыной (1780—1850), в доме которой Пушкин часто бывал. В автографе датировано 30 ноября 1817 г.

К НЕЙ (стр. 282). При жизни Пушкина не печаталось. В одной из рукописей за стихом «Сильней пленяла добродетель» следовало:

Тебя увидел я... нет! в сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый!

ВОЛЬНОСТЬ. Ода (стр. 283). При жизни Пушкина ода получила распространение в рукописи; когда она дошла до правительства, то послужила главным поводом к высылке Пушкина на юг. Ода писана в конце 1817 г. на квартире братьев Тургеневых, откуда виден Михайловский замок («памятник тирана»), в котором был убит Павел I. Ода выражает политические взгляды молодого Пушкина, сложившиеся отчасти в результате лекций Куницына о «естественном праве», отчасти под влиянием бесед с Николаем Ивановичем Тургеневым. В ней отразились характерные для того времени политические доктрины.

«Того возвышенного галла». Речь идет о французском революционном поэте Экушаре Лебрене (1729—1807).

«В сгущенной мгле предрассуждений» — т. е. в союзе с реакционной церковью. Под словом «предрассужденья» имелись в виду религиозные предрассудки.

«Восходит к смерти Людовик». Здесь описывается казнь Людовика XVI.

«И се — злодейская порфира». На одном из автографов Пушкин сделал примечание: «Наполеона порфира... Замечание для В. Л. П., моего дяди (родного)». «Забвенью брошенный дворец» — Михайловский замок. Далее описывается убийство Павла I.

Кн. ГОЛИЦЫНОЙ, посылая ей оду «Вольность» (стр. 288). При жизни Пушкина не печаталось. Обращено к Е. И. Голицыной (см. «Краев чужих неопытный любитель»). В автографе датировано 1817 годом; возможно, что это дата оды.

КРИВЦОВУ (стр. 289). Напечатано в собрании стихотворений Пушкина с датой 1819 г. Однако в автографе помечено: 1817, декабрь. Н. И. Кривцов (1791—1843) — приятель Пушкина, атеист, вольнодумец.

ОРЛОВ С ИСТОМИНОЙ В ПОСТЕЛЕ (стр. 290). Эта эпиграмма сохранилась в списках. Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — генерал, член «Арзамаса», позднее член Союза благоденствия. Истомина — балерина.

НЕ УГРОЖАЙ ЛЕНИВЦУ МОЛОДОМУ (стр. 291). Необработанный черновой набросок.

ВЕНЕЦ ЖЕЛАНИЯМ! ИТАК, Я ВИЖУ ВАС (стр. 292). Отрывки, сохранившиеся в памяти слушателей, вступительной речи, произнесенной Пушкиным при первом его посещении «Арзамаса».

«...наш Тиртей» — Жуковский. (Имеются в виду его стихи — «Овсяный кисель» и «Императору Александру».)

Кассандра — арзамасское прозвище Д. Н. Блудова; 16 декабря 1815 г. Блудов при вступлении в «Арзамас» произнес речь об И. С. Захарове, члене «Беседы».

1818

ТОРЖЕСТВО ВАКХА (стр. 293). Напечатано Пушкиным в собрании его стихотворений 1826 г., где датировано (неточно) 1817 годом.

КОГДА СОЖМЕШЬ ТЫ СНОВА РУКУ (стр. 296). При жизни Пушкина не печаталось. Обращено к Н. И. Кривцову, при его отъезде в Лондон.

Святая библия харит — поэма Вольтера «Девственница», которую при этом стихотворении Пушкин послал Кривцову. На автографе дата: 1818, марта 2.

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ (стр. 297). Напечатано Пушкиным в его собрании стихотворений 1826 г. Ср. «Мои пенаты» Батюшкова. Написано, вероятно, в марте, во время болезни Пушкина. Первоначально после стиха «И слабым шёпотом подругу я назвал» следовало:

> На саблю опершись, казалось, ты дрожала,
> Я зрел в твоих очах уныния туман.
> Казалось, тяжкая тоска приподнимала
> Накинутый на перси долиман.

ЖУКОВСКОМУ (стр. 298). В первой редакции напечатано в «Сыне отечества», 1821 г., № 52, под заглавием «К Ж*** по прочтении изданных им книжек „Для немногих"». Книжки «Для немногих» Жуковский издавал в ограниченном количестве экземпляров в 1818 г. Это были переводы Жуковского вместе с оригиналами. Перепечатывая стихотворение в своем собрании стихотворений, Пушкин его сократил. Опущенные и видоизмененные места журнального текста см. выше (стр. 426).

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО (стр. 299). Напечатано в «Благонамеренном», 1818 г., № 7.

НА КАЧЕНОВСКОГО (стр. 300). При жизни Пушкина не печаталось. Последний стих взят из эпиграммы Дмитриева против Каченовского «Ответ». Эпиграмма вызвана статьей Мих. Троф. Каченовского (1775—1842) против «Истории» Карамзина.

МЕЧТАТЕЛЮ (стр. 301). Напечатано в «Сыне отечества», 1818 г., № 51. Из черновой рукописи в текст стихотворения не вошли следующие стихи:

Тот любит, кто нигде не зрит себе препон,
Кому одна любовь и вера и закон.

Скажи, в забвенье чувств восторгом упоенный,
Ты падал ли к ногам любовницы надменной,
Мольбой, угрозою гремел ли перед ней,
Срывал ли ты затвор с завистливых дверей?

К Н. Я. ПЛЮСКОВОЙ (стр. 302). Напечатано в «Соревнователе просвещения и благотворения», 1819 г., № 10, под названием: «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны». Наталья Яковлевна Плюскова (род. ок. 1780, ум. 1845) была фрейлиной императрицы. Стихотворение написано, вероятно, по непосредственной просьбе Федора Глинки, редактора журнала. (Глинка пропагандировал идею государственного переворота с возведением на престол Елизаветы Алексеевны).

ЭПИГРАММА. В его «Истории» изящность, простота (стр. 303). При жизни Пушкина не печаталось. Известно в многочисленных списках, всегда с именем Пушкина. По-видимому, это та самая эпиграмма на Карамзина, в которой признавался Пушкин в письме к Вяземскому от 10 июля 1826 г. (см. том X). Она вызвана появлением в свет в конце 1818 г. первых томов «Истории государства Российского» Карамзина. В них Карамзин упорно доказывал спасительность самодержавного строя для России. В предисловии Карамзин писал, что для историка не так важны его политические убеждения, как художественное изображение исторических событий. На это намекает первый стих эпиграммы.

СКАЗКИ. Noël (стр. 304). Сатирические стихи Пушкина, по образцу французских «Ноэлей» (святочных песен), распространявшиеся в копиях; написаны, вероятно, в декабре 1818 г. В подобных сатирах делалось обозрение событий минувшего года. Пушкин имеет в виду открытие Польского сейма 15 марта 1818 г.,

на котором Александр произнес речь, обещая распространить конституционные формы правления на всю Россию. В сентябре состоялся Аахенский конгресс, на котором присутствовали Александр, австрийский император и прусский король. Здесь же была подписана декларация о будущей политике в духе Священного союза, о поддержании существующего порядка и об охранении народов от «увлечений». В Царское Село Александр вернулся 22 декабря.

Лавров И. П. — директор исполнительного департамента в Министерстве полиции; *Соц В. И.* — секретарь по российской части в цензурном комитете Министерства полиции; *Горголи И. С.* — петербургский обер-полицеймейстер.

ПРЕЛЕСТНИЦЕ (стр. 306). Напечатано в «Московском зрителе», 1820 г., апрель.

К ЧААДАЕВУ (стр. 307). Стихотворение получило широкое распространение в списках. Без ведома Пушкина в искаженном виде оно было напечатано в альманахе «Северная звезда» на 1829 г. Это одно из наиболее популярных политических стихотворений Пушкина, сыгравших большую агитационную роль в кругу декабристов.

Отнесено к 1818 г. предположительно; возможно, вызвано оживленными политическими спорами по поводу обещания конституции в речи Александра на Польском сейме 15 марта 1818 г. Пушкин не верил в обещания Александра и в мирное введение конституционного правления в России.

МОГУЩИЙ БОГ САДОВ — ПАДУ ПЕРЕД ТОБОЙ.—ДУБРАВЫ, ГДЕ В ТИШИ СВОБОДЫ (стр. 308). Оба отрывка, по положению в тетради, относятся ко второй половине года. Эпиграф второго отрывка взят из стихотворения Виланда «Первая любовь» (1774). Ср. со вторым отрывком — «Евгений Онегин», глава II, строфы XXI и XXII.

К*** (Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный).— И Я СЛЫХАЛ, ЧТО БОЖИЙ СВЕТ.— КАК СЛАДОСТНО!.. НО, БОГИ, КАК ОПАСНО (стр. 309). Черновые отрывки.

ПОСЛУШАЙ, ДЕДУШКА, МНЕ КАЖДЫЙ РАЗ... (стр. 310). Отрывок, сообщенный по памяти Львом Сергеевичем Пушкиным. Начальные стихи взяты из стихотворения Жуковского «Тленность» (1816 г.). Последними стихами Пушкин выразил отрицательное отношение к белым (не рифмованным) стихам Жуковского.

КОЛОСОВОЙ (стр. 310). Черновой набросок, связанный, может быть, с первыми выступлениями Колосовой на драматической сцене. Имени Колосовой в черновике нет, и отрывок отнесен к ней предположительно. В своей статье «Мои замечания о русском театре» Пушкин пишет о дебютах Колосовой, давая им, впрочем, отрицательную оценку.

1819

НА СТУРДЗУ. Холоп венчанного солдата (стр. 311). Эпиграмма распространялась в списках. Иногда она переписывалась в качестве эпиграммы на Аракчеева. А. С. Стурдза (1791—1854),

реакционный публицист, идеолог Священного союза, в эти годы обратил на себя внимание «Запиской о настоящем положении Германии», написанной для членов Аахенского конгресса 1818 г. В этой записке германские университеты изображались как рассадники революционных идей и атеизма. Август Коцебу, известный писатель, был убит немецким студентом Зандом 23 марта 1819 г. как агент русского правительства.

О. МАССОН (стр. 312). При жизни Пушкина не печаталось. Ольга Массон (род. в 1796 г.) принадлежала к петербургскому «полусвету».

ДОРИДА (стр. 313). Напечатано в «Невском зрителе», 1820 г., февраль, перепечатано в собрании стихотворений Пушкина с датой 1820; однако по положению черновика в тетради относится к 1819 г.

N. N. (В. В. Энгельгардту) (стр. 314). Напечатано Пушкиным в его собрании стихотворений 1826 г. с цензурными сокращениями. Обращено к Василию Васильевичу Энгельгардту (1785—1837). Написано в начале июля 1819 г., после выздоровления, перед отъездом в Михайловское.

ОРЛОВУ (стр. 315). Напечатано без ведома Пушкина в альманахе «Северная звезда» на 1829 г. Написано 4 июля 1819 г. Обращено к Алексею Федоровичу Орлову (1786—1861), командиру гвардейского конного полка.

П. Д. Киселев (1788—1872) в феврале 1819 г. был назначен начальником штаба Второй армии в Тульчин. А. Ф. Орлов — брат Михаила Орлова; Киселев был в числе близких друзей М. Орлова. По-видимому, через М. Орлова Пушкин познакомился с ним.

К ЩЕРБИНИНУ (стр. 317). При жизни Пушкина не печаталось. Обращено к Михаилу Андреевичу Щербинину (1793—1841). В рукописи Пушкина имеется сокращенный вариант этого стихотворения; от полного текста взято только первое четверостишие и к нему присоединены еще четыре стиха:

Его не ведает печаль;
Его забавы бесконечны,
Он создал мысленно сераль
И в нем блаженствует беспечный!

ДЕРЕВНЯ (стр. 318). Первая половина стихотворения, кончая стихом: «В душевной зреют глубине», была напечатана под названием «Уединение» в собрании стихотворений Пушкина 1826 г. Полностью распространялось в списках. Стихотворение написано в Михайловском в июле 1819 г. В первой половине описан пейзаж, открывающийся из Михайловского (два озера: Маленец и Кучане и пр.). Основная идея стихотворения — необходимость отмены крепостного права, глубокое убеждение Пушкина, объединявшее его с декабристами. Эта мысль особенно должна была окрепнуть от постоянного общения с Ник. Ив. Тургеневым, который в это время готовил записку об отмене крепостного права для представления Александру I и пропагандировал эту идею в Союзе благоденствия. Когда Александр I узнал о распространении

каких-то запрещенных стихотворений Пушкина, он поручил князю Васильчикову достать эти стихи. Адъютантом Васильчикова был Чаадаев. Через него Пушкин послал Александру «Деревню». Так как в эти годы Александр еще поощрял всякие проекты, вплоть до конституционных, то, не найдя предлога для наказания, он велел «благодарить Пушкина за добрые чувства», которые внушает его произведение.

ДОМОВОМУ (стр. 320). Напечатано в альманахе «Полярная звезда» на 1824 г. Написано в Михайловском в июле—августе 1819 г.

РУСАЛКА (стр. 321). Напечатано в собрании стихотворений Пушкина 1826 г. с подзаголовком «баллада». Это стихотворение первоначально было запрещено цензурой и после его появления в печати вызвало жалобы духовенства.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА (стр. 323). Напечатано в «Московском вестнике», 1828 г., № 15.

УЕДИНЕНИЕ (стр. 324). Напечатано в собрании стихотворений Пушкина 1826 г. Перевод стихотворения Арно «La Solitude». В автографе начало первоначально читалось:

> Блажен, кто в отдаленной сени
> Вдали тиранов и невежд
> Живет меж вольности и лени.

ВЕСЕЛЫЙ ПИР (стр. 325). Напечатано в «Мнемозине», 1824 г., ч. II, под названием «Вечер».

ВСЕВОЛОЖСКОМУ (стр. 326). Напечатано в собрании стихотворений Пушкина 1826 г. Написано 27 ноября 1819 г. Никита Всеволодович Всеволожский (1799—1862) — сын петербургского богача, сослуживец Пушкина по Коллегии иностранных дел, театрал, член «Зеленой лампы». В его доме происходили заседания этого общества. У него же собиралась петербургская молодежь на приятельские пирушки. Послание появилось в печати с цензурными изменениями. Вместо стиха «Итак, от наших берегов» и следующих было напечатано:

> Любимец муз, поклонник моды
> И Терпсихоры и стихов!
> Ты в жизни любишь перемену:
> Ты скачешь в мирную Москву,
> Где сладко дремлют наяву
> И наслажденьям знают цену.

Это послание читалось Пушкиным на одном из заседаний «Зеленой лампы».

ЦАРСКОЕ СЕЛО (стр. 328). При жизни Пушкина не печаталось. Написано на том же листке, что и следующее стихотворение («Там у леска, за ближнею долиной»), вырванном из тетради, которой Пушкин пользовался в 1819 г. По почерку и по положению в тетради написано, вероятно, в ноябре—декабре 1819 г. Отнесение его в некоторых изданиях к 1822—1823 гг. неправильно.

ТАМ У ЛЕСКА, ЗА БЛИЖНЕЮ ДОЛИНОЙ (стр. 329). При жизни Пушкина не печаталось. Относится, судя по особого цвета чернилам, которыми нанесены поправки, к тому же времени, что и послание «Всеволожскому», т. е. к концу ноября или началу декабря 1819 г.

ПЛАТОНИЗМ (стр. 330). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение является вольным переводом из Парни — «Взгляд на Цитеру». Подготовляя сборник своих стихотворений летом 1825 г., Пушкин исключил из рукописи это стихотворение и приписал на полях: «Не нужно, ибо я хочу быть моральным человеком».

ЗАПИСКА К ЖУКОВСКОМУ. Раевский, *молоденец* прежний (стр. 332). При жизни Пушкина не печаталось. Записка заключает в себе приглашение Жуковского на обед к генералу Н. Н. Раевскому. Пушкин заходил к Жуковскому вместе с младшим сыном генерала Николаем Раевским. В записке цитируются стихи Жуковского из «Певца во стане русских воинов», где говорится о подвиге генерала Раевского в сражении при Салтановке 11 июля 1812 г., когда Раевский вывел в бой своих сыновей, которым тогда было 11 и 16 лет. В первой редакции стихотворения Жуковского дети Раевского названы «младенцами», в окончательной — «отважными сынами».

Французская повесть «Борис» — произведение Сен-Ипполита (псевдоним Ипполита Оже, 1797—1881).

СТАНСЫ ТОЛСТОМУ (стр. 333). Напечатано Пушкиным в его собрании стихотворений 1826 г. Стихи обращены к Якову Толстому (1791—1867), одному из руководящих членов «Зеленой лампы», члену Союза благоденствия. Пушкин отвечал на послание Толстого, читанное в «Зеленой лампе».

ВОЗРОЖДЕНИЕ (стр. 334). Напечатано в «Невском альманахе» на 1828 г.

ПОСЛАНИЕ К кн. ГОРЧАКОВУ (стр. 335). При жизни Пушкина не печаталось.

Д. П. Бутурлин (1790—1849) и *Д. А. Шеппинг* (1790—1874) — петербургские офицеры. Первый известен как военный историк.

ЭЛЕГИЯ. Воспоминаньем упоенный (стр. 337). Черновой набросок.

«Кагула памятник» — обелиск в память победы при Кагуле (1770) в Царскосельском парке.

ЛАИСА, Я ЛЮБЛЮ ТВОЙ СМЕЛЫЙ, ВОЛЬНЫЙ ВЗОР — НЕДАВНО ТИХИМ ВЕЧЕРКОМ (стр. 338, 339). Черновые наброски среди стихов «Руслана и Людмилы».

27 МАЯ 1819 (стр. 340). Стихи сохранились в записи П. П. Каверина. Они сопровождены у Каверина следующим пояснением: «Щербинин, Олсуфьев, Пушкин у меня в Петербурге ужинали; шампанское на лед было поставлено за сутки вперед; случайно тогдашняя красавица моя мимо шла; ее зазвали; жар был несносный; Пушкина просили память этого вечера в нас продолжить стихами; вот они; оригинал у меня».

МАНСУРОВУ (стр. 341). При жизни Пушкина не печаталось. П. Б. Мансуров (1795—1880) — офицер.

М. М. Крылова — танцовщица, ученица театрального училища. *Ласси* — актриса французской труппы, выступавшая также и на русской сцене. *М. Ф. Казасси* — главная надзирательница в театральной школе в Петербурге.

ПОЗВОЛЬ ДУШЕ МОЕЙ ОТКРЫТЬСЯ ПРЕД ТОБОЮ (стр. 342). Черновой набросок.

НЕТ, НЕТ, НАПРАСНЫ ВАШИ ПЕНИ (стр. 343). Черновой набросок, писанный в конце июля 1819 г. в Михайловском.

НА СТУРДЗУ. Вкруг я Стурдзы хожу (стр. 344). Отрывок из сатирического стихотворения, текст которого до нас не дошел. Вяземский в письме А. Тургеневу от 3 октября 1819 г. просил прислать ему эти стихи. По-видимому, отрывки стихотворения ему были известны, так как в том же письме он импровизирует стихи, начиная их несомненной цитатой из этого стихотворения:

На царей не гляжу,
Вкруг царей не хожу...

ЮРЬЕВУ (стр. 345). При жизни Пушкина не печаталось. Сохранился автограф, находившийся в бумагах «Зеленой лампы». О Юрьеве см. стихотворение «Любимец ветреных Лаис». Написано по поводу перевода Юрьева в лейб-уланский полк и его именин 20 сентября 1819 г.

ВСЁ ПРИЗРАК, СУЕТА (стр. 346). Черновой набросок на полях стихотворения «К Кагульскому памятнику».

НАПРАСНО, МИЛЫЙ ДРУГ, Я МЫСЛИЛ УТАИТЬ (стр. 347). Черновой набросок среди стихов шестой песни «Руслана и Людмилы».

TIEN ET MIEN,— DIT LAFONTAINE (стр. 348). Набросок Пушкина, представляющий собою французский вариант стихотворения «Твой и мой».

МИЛЫЙ МОЙ, СЕГОДНЯ (стр. 349). Черновой набросок.

ЗА СТАРЫЕ ГРЕХИ НАКАЗАННЫЙ СУДЬБОЙ (стр. 349). Набросок среди стихов «Руслана и Людмилы». Написано, вероятно, в июне 1819 г., во время болезни.

ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ (стр. 349). Эти три стиха были сообщены Тургеневым Вяземскому в письме от 2 апреля 1819 г. как начало послания к нему по поводу получения им камергерского звания. Продолжение послания нам неизвестно.

ТАК ТОЧНО! ЭТО ОН!— ПОД ШЛЯПОЙ С РОЗАМИ (стр. 350). Наброски среди стихов «Руслана и Людмилы».

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ. Красноречивый забияка (стр. 350). Набросок среди стихов «Руслана и Людмилы». К Денису Давыдову отнесен предположительно.

ТЫ МНЕ ВЕЛИШЬ ОТКРЫТЬСЯ ПРЕД ТОБОЮ...— ОСТАВЬ, О ЛЕЗБИЯ, ЛАМПАДУ (стр. 350). Черновые наброски среди стихов пятой песни «Руслана и Людмилы».

Лезбия (Лесбия) — имя любовницы Катулла, им воспетой; здесь, по-видимому, условное имя молодой красавицы.

БАЛЛАДА. Что ты, девица, грустна (стр. 351). Стихотворная шутка, написанная Пушкиным для домашнего праздника у А. Н. Оленина по поводу дня рождения его жены Е. М. Олениной. Первые полторы строки писаны Жуковским. Это стихотворение предназначалось для разыгранной в лицах шарады, изображенной И. А. Крыловым на слово Бал-Лада, и, по-видимому, читалось для отгадывания «целого».

1820 (Петербург)

ДОРИДЕ. Я верю: я любим; для сердца нужно верить (стр. 352). Напечатано в «Невском зрителе», 1820 г., январь. Последний стих — цитата из XXV элегии Андре Шенье.

НА КОЛОСОВУ (стр. 353). Эпиграмма при жизни Пушкина не печаталась и известна по устной передаче самой Колосовой-Каратыгиной. Александра Михайловна Каратыгина (1802—1853) поступила на петербургскую сцену в 1818 г., а в январе 1819 г. выступила в главной роли в трагедии «Эсфирь». В этой роли, как и в других, Колосова соперничала с Семеновой. Мнения театралов разделились: одни предпочитали Семенову, другие — Колосову. Пушкин отдавал безусловное предпочтение Семеновой. Впоследствии Колосова перешла на комический репертуар. В 1827 г. Колосова вышла замуж за актера Каратыгина.

МНЕ БОЙ ЗНАКОМ — ЛЮБЛЮ Я ЗВУК МЕЧЕЙ (стр. 354). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение прочитано было в «Зеленой лампе» и сохранялось в бумагах общества (ныне утрачено). Судя по театральному репертуару на обороте листка (за 5—11 апреля), относится к началу апреля 1820 г. Идея войны за свободу, по-видимому, связана с известиями об Испанской революции.

ЖУКОВСКИЙ...— КОГДА В ЛИСТАХ ВОСПОМИНАНЬЯ (стр. 355). Черновые наброски.

1817—1820

ЛИЛЕ (стр. 356). Напечатано в собрании стихотворений Пушкина 1826 г.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА (стр. 357). Напечатано в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821 г., V.

МАДРИГАЛ М...ОЙ (стр. 358). Напечатано в «Невском зрителе», 1820 г., апрель.

ИМЕНИНЫ. Умножайте шум и радость (стр. 359). Напечатано в собрании стихотворений Пушкина 1826 г. По свидетельству Гаевского со слов лицеистов, написано в 1817 г. по поводу посещения семьи директора Лицея Энгельгардта.

К. А. Б*** (стр. 360). Напечатано в собрании стихотворений Пушкина 1826 г. Ср. четверостишие Державина «В. В. Энгельгардт» (1780) с подобной же концовкой.

В АЛЬБОМ СОСНИЦКОЙ (стр. 361). При жизни Пушкина не печаталось. Е. Я. Сосницкая (1794—1871) — драматическая артистка. Анненков, опубликовавший эти стихи, датировал их 1818 годом.

БАКУНИНОЙ (стр. 362). При жизни Пушкина не печаталось. Обращено к Е. П. Бакуниной, сестре лицейского товарища Пушкина.

НА АРАКЧЕЕВА. Всей России притеснитель (стр. 363). Эпиграмма распространялась в списках. «Преданный без лести» — присвоенный Аракчеевым девиз в гербе. Последний стих имеет в виду отношение Аракчеева к его «домоправительнице» Настасье Минкиной.

НА кн. А. Н. ГОЛИЦЫНА. Вот Хвостовой покровитель (стр. 364). Эпиграмма распространялась в списках. Александр Николаевич Голицын (1773—1844) — министр духовных дел и народного просвещения, известный покровительством мистицизму. Позднее, в 1823 г., он был смещен со своей должности под влиянием одержавшей верх еще более реакционной группы, руководимой Фотием.

А. П. Хвостова (1768—1853) — хозяйка мистического салона, автор мистических брошюр. Имя В. Н. Бантыша-Каменского (1778—1829), чиновника Коллегии иностранных дел, названо здесь в связи с порочными наклонностями Голицына, о которых говорится в последних строках эпиграммы.

НИМФОДОРЕ СЕМЕНОВОЙ (стр. 365). Стихотворение встречается в списках. Нимфодора Семенова (1788—1876) — оперная актриса, сестра знаменитой трагической актрисы Екатерины Семеновой. Своим успехом Н. Семенова была обязана не столько своему голосу и сценическому дарованию, сколько красоте.

Д. Н. Барков — театрал, переводчик оперных либретто, автор театральных рецензий, член «Зеленой лампы».

ДОБРЫЙ СОВЕТ (стр. 366). При жизни Пушкина не печаталось. Сохранилось в копии рукою брата Пушкина, Льва Сергеевича.

ТЫ И Я (стр. 367). Стихотворение распространялось в списках. Направлено против Александра I.

ЗАПИСКА К ЖУКОВСКОМУ. Штабс-капитану, Гёте, Грею (стр. 368). По рассказу Н. М. Коншина, Пушкин написал эти стихи на дверях у Жуковского, не застав его дома. Здесь Пушкин называет Жуковского именами поэтов, которых он переводил.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК (стр. 369). Напечатано в собрании стихотворений Пушкина 1826 г.

К ПОРТРЕТУ ДЕЛЬВИГА (стр. 370). При жизни Пушкина не печаталось. Подписано под акварельным портретом Дельвига, исполненным П. Л. Яковлевым. Стихи стилизованы под типичные «Надписи к портретам» конца XVIII — начала XIX в. В подобном роде пародировали стихи Хвостова.

К ПОРТРЕТУ ЧААДАЕВА (стр. 371). При жизни Пушкина не печаталось.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(Петербургский период)

ПИСАТЬ Я НЕ УМЕЮ (стр. 375). Стихи обращены к Вяземскому и датированы 4 сентября 1817 г., Царское Село. Первые два стиха писаны Батюшковым, следующие два — Пушкиным.

Кн. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ. Зачем, забывши славу (стр. 376). Коллективная записка Вяземскому, выезжавшему в начале 1818 г. на службу в Варшаву. Стихи писаны А. А. Плещеевым (два первых), Пушкиным (три следующих), Батюшковым (один) и Жуковским (четыре последних).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ

DIS MOI, POURQUOI L'ESCAMOTEUR (стр. 379). Стихи эти сообщены были сестрой Пушкина Ольгой Сергеевной в 1851 г. При этом она рассказывала: «Любимым его упражнением сначала было импровизировать маленькие комедии и самому разыгрывать их перед сестрой, которая составляла всю публику и произносила свой суд. Однажды как-то она освистала его пьеску. Он не обиделся и сам на себя написал эпиграмму». По свидетельству Ольги Сергеевны, Пушкину было тогда 9 лет, т. е. рассказ относится к 1808—1809 гг. Возможно, что в рассказе этом не всё точно.

JE CHANTE CE COMBAT,QUE TOLY REMPORTA (стр. 380). По тому же рассказу Ольги Сергеевны, Пушкин «уже лет 10-ти от роду, начитавшись порядочно, особенно Генриады Вольтера, написал целую герои-комическую поэму, песнях в 6-ти, под названием Tolyade, которой героем был карла царя-тунеядца Дагобера, а содержанием была война между карлами и карлицами». Приведя первые четыре стиха поэмы, Ольга Сергеевна продолжала рассказ: «Гувернантка подстерегла тетрадку и, отдавая гувернеру Шеделю, жаловалась, что M-r Alexandre занимается таким вздором, отчего и не знает никогда своего урока. Шедель, прочитав первые стихи, расхохотался. Тогда маленький автор расплакался и в пылу оскорбленного самолюбия бросил свою поэму в печку».

ДВУМ АЛЕКСАНДРАМ ПАВЛОВИЧАМ (стр. 381). Эпиграмма сохранилась в одном из лицейских сборников, где она помещена без подписи. Можно предполагать, что ее написал Пушкин. Александр сравнивается здесь с А. П. Зерновым, служившим в Лицее в должности помощника гувернера. По словам товарища Пушкина — Корфа, это был «подлый и гнусный глупец». Он упоминается в лицейских куплетах:

Зернов с проломленным носом,
С бородкою небритой.

ГАРАЛЬ И ГАЛЬВИНА (стр. 382). С именем Пушкина встречается в старинных списках. Однако прямых доказательств принадлежности стихотворения Пушкину нет.

ИСПОВЕДЬ БЕДНОГО СТИХОТВОРЦА (стр. 385). С именем Пушкина встречается в старинных списках. Как и предшествующее стихотворение, в случае принадлежности Пушкину должно быть отнесено к лицейскому периоду. Сатира пародирует исповедь, причем вопросы задаются в порядке заповедей. Упоминаемый здесь Глазунов — книгоиздатель. Графов — обычная кличка графа Д. И. Хвостова.

ЦЕЛЬ НАШЕЙ ЖИЗНИ (стр. 389). Встречается в различных рукописных сборниках с именем Пушкина и с датой 1814 г. В этом году лицеисты писали в прозе и в стихах на тему, заданную профессором Н. Ф. Кошанским, «О цели жизни человеческой». Известны прозаические рассуждения на эту тему Илличевского и Корфа и стихотворное — Кюхельбекера. Возможно, что и данное стихотворение является выполнением этого школьного задания. В таком случае оно написано не позднее апреля, так как по болезни Кошанский прекратил преподавание с мая 1814 г.

«Ты отражаешь гром...» — об изобретении громоотвода в 1757 г. «Летаешь в пропасти воздушны» — об изобретении воздухоплавания в 1783 г.

ВИШНЯ (стр. 391). Стихотворение традиционно включалось в собрания сочинений Пушкина, начиная с 1857 г. Однако нет достаточных оснований считать его принадлежащим Пушкину. Начальные стихи, дополненные Л. Н. Модзалевским, приобрели популярность в качестве детских стихов и неоднократно перепечатывались в детских хрестоматиях.

ЗАВЕЩАНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА (стр. 394). Стихотворение— эпиграмма лицейского происхождения, относится к 1816 г. Приписана была Пушкину В. Гаевским, однако нет полной уверенности в принадлежности ее Пушкину.

НА ЖЕНИТЬБУ ГЕНЕРАЛА Н. М. СИПЯГИНА (стр. 395). Николай Мартемьянович Сипягин, генерал-лейтенант (1785—1828) — участник войны 1812 г., военный писатель, начальник штаба гвардейского корпуса. Был женат на Елизавете Сергеевне Кушниковой (1800—1828).

НА АРАКЧЕЕВА. В столице он — капрал (стр. 396). Эпиграмма сохранилась в списках с подписью Пушкина. Эпиграмма вызвана восстанием в военных поселениях в Чугуеве в июле 1819 г. Усмирением восстания и последовавшими казнями руководил лично Аракчеев.

ЗА УЖИНОМ ОБЪЕЛСЯ Я (стр. 397). Опубликовано Бартеневым со следующим пояснением: «Однажды Жуковский куда-то был зван на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: ,,Я еще накануне расстроил себе желудок, к тому же пришел Кюхельбекер; я и остался дома“. Это рассмешило Пушкина, и он стал преследовать поэта стихами ,,За ужином“ и т. д.».

МЫ ДОБРЫХ ГРАЖДАН ПОЗАБАВИМ (стр. 398). Эти стихи получили широкое распространение в списках за подписью Пушкина. Они являются вольным переводом французских стихов, приписывавшихся Дидро.

НАДЕНЬКЕ (стр. 399). Приписано Пушкину Ефремовым. По указанию Анненкова, под именем Наденьки у Пушкина фигурирует Надежда Форст, представительница петербургского полусвета.

ОНА ТОГДА КО МНЕ ПРИДЕТ.— ПРО СЕБЯ (стр. 400, 401). Стихи, приписываемые Пушкину в разных изданиях без указания оснований к тому.

К ПОРТРЕТУ МОЛОСТВОВА (стр. 402). Молоствов — тот же самый, о котором говорится в стихотворении «Я сам в себе уверен».

ВСЕГДА ТАК БУДЕТ, КАК БЫВАЛО (стр. 403). Напечатано в 1829 г. за подписью Пушкина в сборнике «Листки граций». Однако нет уверенности, что эти стихи принадлежат Пушкину.

НА К. ДЕМБРОВСКОГО (стр. 404). Эпиграмма сообщена П. А. Каратыгиным в его воспоминаниях. Кондратий Дембровский был танцовщиком кордебалета. По рассказу Каратыгина, Дембровский по вызову Пушкина написал на него эпиграмму, в которой говорилось о некрасивой физиономии Пушкина, последний и ответил приводимыми стихами. Рассказ Каратыгина не внушает к себе полного доверия.

НА ГНЕДИЧА (стр. 405). Я. Толстой сообщал, что Пушкин произнес эти стихи по поводу чтения отрывков перевода «Илиады» на заседании «Зеленой лампы».

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

К ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ (стр. 409). Стихи, пропущенные в печати, имеют в виду многочисленные издания произведений Вольтера за пределами Франции, преимущественно в Голландии. Это были главным образом политические и антиклерикальные памфлеты и брошюры.

К БАТЮШКОВУ (стр. 411). Пропущенные в печати стихи касаются членов шишковской «Беседы».

Графов — Д. И. Хвостов. *Висковатов С. И.* (1786—1831) — драматург, автор оригинальных и переводных трагедий. *Клит* — Державин. Здесь имеется в виду его лиро-эпическая песнь, осмеянная Пушкиным в «Тени Фонвизина». «Неуклюжий славянин» — С. А. Ширинский-Шихматов, автор стихотворения «Сельский житель», известный до того преимущественно одическими «Песнями».

ШИШКОВУ (стр. 418). Ранняя редакция стихотворения «Шишкову», относящаяся к концу 1816—началу 1817 г.

Упоминаемый здесь «девственный Козлов» — мелкий поэт и журналист Вас. Ив. Козлов (1792—1825), редактор «Русского инвалида».

Переделывая стихотворение в 1818—1819 гг., Пушкин значительно его изменил; после стиха: «И сонные стихи впросонках величало» следовало:

И даже — каюсь я — пустынник согрешил.
  Простите мне мой страшный грех, поэты,
  Я написал придворные куплеты,
Кадилом дерзостным я счастию кадил.
Но скрылись от меня парнасские забавы!..

Пушкин имеет здесь в виду свои куплеты, приписанные к «Молитве русских» Жуковского.

ДЕЛЬВИГУ (стр. 421). Приводимая редакция относится ко времени окончания Лицея.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 9.

К чему скрывать мне это?
Марго мне приглянулась. *(Франц.)*

Стр. 53.

Будь здоров! *(Латинск.)*

Стр. 79.

СТАНСЫ

Видали ль вы нежную розу,
Любезную дочь ясного дня,
Когда весной, едва расцветши,
Она является образом любви?

Такою пред нашими взорами, но еще прекраснее,
Ныне явилась Евдокия;
Не раз видела весна, как она расцветала,
Прелестная и юная, подобно ей самой.

Но увы! ветры и бури,
Эти лютые дети зимы,
Скоро зашумят над нашими головами.
Окуют воду, землю и воздух.

И вот уж нет цветов, и нет розы!
Любезная дочь любви,
Завянув, падает, едва расцветшая:
Миновала пора ясных дней!

Евдокия! любите! Время не терпит;
Пользуйтесь вашими счастливыми днями!
В хладной ли старости
Дано нам ведать пыл любви? *(Франц.)*

Стр. 80.

МОЙ ПОРТРЕТ

Вы просите у меня мой портрет,
Но списанный с натуры;
Дорогой мой, он сейчас же будет готов,
Но только в миниатюре.

Я молодой повеса,
Еще на школьной скамье;
Не глуп, говорю без стеснения
И без жеманного кривлянья.

Никогда не было болтуна,
Ни доктора Сорбонны —
Надоедливее и крикливее,
Чем я, собственной своей персоной.

По росту я с самыми долговязыми
Вряд ли могу равняться;
У меня свежий цвет лица, русые волосы
И кудрявая голова.

Я люблю толпу и ее шум,
Одиночество ненавижу;
Мне претят ссоры и споры,
А отчасти и учение.

Спектакли, балы мне очень нравятся,
И, коли уж признаваться,
Я сказал бы, что еще люблю...
Если бы не был в Лицее.

По всему этому, мой милый друг,
Меня можно узнать.
Да, таким, как бог меня сотворил,
Я хочу всегда казаться.

Сущий бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветрености —
Вот каков Пушкин. *(Франц.)*

Стр. 210.

Кж. В. М. ВОЛКОНСКОЙ

Сударыня, вас очень легко
Принять за сводню
Или за старую мартышку,
Но за грацию,— о боже, никак. *(Франц.)*

Стр. 251.

КУПЛЕТЫ

Когда поэт в восторге
Читает вам свою оду или поздравительные стихи,
Когда рассказчик тянет фразу,
Когда слушаешь попугая,
Не находя ни слова смешного,—
Засыпаешь, зеваешь в платок.
Ждешь минуты, когда пора сказать:
«До приятного свидания».

Но наедине со своей красавицей
Или с умными людьми
Снова испытываешь истинное счастье,
Бываешь довольным, смеешься, поешь.
Наслаждайтесь дольше вашими мирными бдениями
И пойте на исходе вечера
Вашим друзьям, вашим бутылкам:
«До приятного свидания».

Друзья, жизнь мгновенна,
И всё уходит вместе с временем,
Любовь тоже мимолетна,
Это наша весенняя пташка.
Слишком рано она исчезает, смеясь украдкой,
И навсегда — прощай надежда,
Когда она упорхнет, не скажешь более:
«До приятного свидания».

Время бежит, печальное и жестокое,—
И рано или поздно отправимся на тот свет.
Иногда — это бывает не так уж редко —
Случай спасает нас от могилы,
Удаляются полчища страданий,
И черный ужасный скелет
Уходит стучаться в другие двери:
«До приятного свидания».

Но что? я чувствую, что утомился,
Утомляя моих дорогих слушателей.
Ну что ж, я спускаюсь с Парнаса.
Он создан не для певцов.
Меня вдохновляют куплеты,
У меня власть над припевом.
Этого довольно — прощай, перо!
«До приятного свидания». (Франц.)

Стр. 308.

О чары первой любви!.. *(Немецк.)*

Стр. 348.

«Твой-и-мой,— сказал Лафонтен,—
Порвал узы мира».
Я же этому не верю:
Ведь что бы стало, Климена,
Если бы ты больше не была *моей,*
Если бы я больше не был *твоим? (Франц.)*

Стр. 379.

Скажи мне, почему «Похититель»
Освистан партером?
Увы, потому, что бедный автор
Похитил его у Мольера. *(Франц.)*

Стр. 380.

Пою сей бой, в котором Толи одержал победу,
Где погиб не один воин, где Поль отличился,
Николая Матюрена и прекрасную Нитуш,
Рука которой была трофеем ужасной стычки.
(Франц.)

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 435 — см. перевод к стр. 79.
Стр. 435 — см. перевод к стр. 80.
Стр. 441 «Монастырь». *(Франц.)*
Стр. 449 Если вам угодно, чтобы я еще любил... *(Франц.)*
Стр. 451 Когда поэт в восторге. *(Франц.)*
Стр. 451 Когда я вижу, как вы... *(Франц.)*
Стр. 452 — см. перевод к стр. 348.
Стр. 455 Ноэль (рождественская песня). *(Франц.)*
Стр. 458 Одиночество. *(Франц.)*
Стр. 460 — см. перевод к стр. 348.
Стр. 463 — см. перевод к стр. 379.
Стр. 463 — см. перевод к стр. 380.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

[1] Здесь и ниже звездочкой отмечены стихотворения, озаглавленные редакторами, т. е. у Пушкина названий не имеющие.

Стихотворения петербургского периода

(1817—1820)

1817 (после Лицея)

1818

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР

*

Текст проверен и примечания составлены
проф. *Б. В. Томашевским*

*

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ
Том I

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *Г. А. Мошкина* и *А. Х. Салтанаева*

Сдано в набор 30/X 1976 г. Подписано к печати 11/II 1977 г. Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага № 1. Печ. л. 15+1 вкл. ($^1/_{16}$ печ. л.).=25,31 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17,40. Изд. № 6656. Тип. зак. № 1526. Тираж 300 000.
Цена 2 р. 10 к.

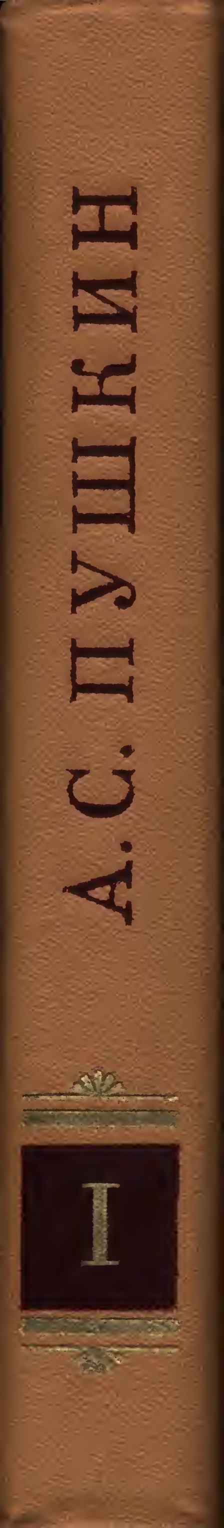
Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164 Менделеевская линия, д. 1

Киевская книжная фабрика Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Киев, ул. Воровского, 24.

А.С. ПУШКИН
I